

ВОЕННЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ

АЛЕКСАНДР АДАБАШЬЯН,
НИКИТА МИХАЛКОВ

ТРАНССИБИРСКИЙ
ЭКСПРЕСС

**Scan Kreyder - 20.02.2016
STERLITAMAK**

ВОЕННЫЕ РИКЛЮЧЕНИЯ

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР

**АЛЕКСАНДР АДАБАШЬЯН,
НИКИТА МИХАЛКОВ**

**Транссибирский
Экспресс**

ПОВЕСТЬ

МОСКВА - 1981

P2

A28

Адабашьян А. А., Михалков Н. С.

A28 Транссибирский экспресс: Повесть.— М.: Воениздат, 1981.— 152 с.— (Военные приключения).

В пер.: 65 к.

В книге рассказывается о советском разведчике Касымхане Чадъярове, который, действуя в Харбине в 1927 году, сумел предотвратить опасную политическую провокацию японских милитаристов, направленную на подрыв международного авторитета молодого Советского государства.

**А 70302-020
068(02)-81** Без объявл. 4702010200.

ББК84Р7

R2

Александр Артемович Адабашьян, Никита Сергеевич Михалков

ТРАНССИБИРСКИЙ ЭКСПРЕСС

Повесть

Редактор Бенке С. П. Художественный редактор Тихомирова Т. А. Художник Васильев Н. А. Технический редактор Чистякова Ю. Н. Корректор Смирнова К. В.

ИБ № 1719

Сдано в набор 06.03.80. Подписано в печать 26.06.80. Г-32372. Формат 84×108₃₂. Бумага типографская № 2. Высокая печать. Печ. л. 4³/₄. Усл. печ. л. 7,98. Уч.-изд. л. 8,394. Тираж 100.000 экз. Изд. № 4/6650. Зак. 538. Цена 65 коп.

**Воениздат, 103160, Москва, К-160. Набрано в 1-й типографии Воениздата, 103006. Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, дом, 3.
Отпечатано с матриц в 4-ой военной типографии, г. Киев-15, ул. Январского восстания, дом, 40.**

(C) Воениздат, 1981

1

21 марта 1927 года в Токио шел дождь. Он начался с утра и не прекращался целый день, улицы были пустынны, и водитель «скорой помощи» выжимал из своей машины все, что возможно. Следом мчалась еще одна, такая же, у обеих были включены сирены.

У подъезда госпиталя, под навесом, несколько человек напряженноглядывались в проем распахнутых ворот, почти совсем скрытых от них дождем. Наконец издалека, приближаясь, донесся вой сирен. Четыре санитара бросились навстречу; пытаясь заглянуть в окна, они бежали рядом с машинами, пока те не остановились. Из первой осторожно вынесли пожилую женщину. Мальчик-санитар не успел вовремя раскрыть зонт, и несколько капель упало женщине на лицо. Она открыла глаза и быстро, бессвязно заговорила. В этом потоке неразборчивых фраз санитары поняли одно слово: «Девочка...»

Со вторыми носилками произошла заминка, и санитары успели вымокнуть до нитки. На носилках, укутанная простыней, лежала девушка. Ее лицо было бледным, а под головой, на успевшей намокнуть под дождем подушке, расплылось пятно крови.

Носилки осторожно поставили на каталку и повезли по кафельному полу к лифту. Несколько сотрудников госпиталя быстро прошли через вестибюль, скрылись за углом коридора, и все стихло.

Через полчаса к подъезду того же госпиталя подъехал черный лимузин. Едва машина остановилась, из нее выскочил небольшого роста изящный молодой человек. Он ловко щелкнул замком зонта и открыл заднюю дверь. Следом из машины тяжело вылез пожилой господин с перга-

ментным лицом и в сопровождении молодого человека, который прилежно держал зонт над его головой, направился к дверям госпиталя.

— Господин Курода... — с трудом сдерживая волнение, произнес доктор, раскрывший перед приехавшим дверь.

— Где они?

Пожилой господин устало смотрел прямо в глаза доктору, и лицо его казалось совершенно спокойным, если не считать мелко дрожавших губ.

— Супруга в палате. Ей делают переливание крови, — быстро проговорил доктор.

— Дочь? — перебил приехавший.

— Дочь в операционной, господин Курода. Ее ударили чем-то тяжелым, мы принимаем все возможные меры... — В свои слова доктор пытался вложить как можно больше надежды.

— Не надо, доктор, говорите правду.

Доктор посмотрел на носки своих туфель и спокойно сказал:

— У нее перелом основания черепа.

Курода отрешенно кивнул.

— Я хочу их видеть.

В сопровождении секретаря и свиты врачей он шел по коридорам госпиталя. Шаги гулко отдавались в кафельных стенах...

На другой день у загородной резиденции господина Куроды, поблескивая лаком, выстроилось несколько черных машин.

Вилла — приземистое здание в стиле традиционной европейской архитектуры — была окружена парком, и с лестницы парадного входа виднелась вдали серая полоска озера.

В большом, просто обставленном кабинете сидели пятеро. Двое — военные: полковник Сугимори, коротко остриженный, в очках с толстыми стеклами, и майор Мотомура. Остальные — штатские. Рано располневший, но изысканно одетый, крупнейший издатель Кавамото и крохотного роста, почти карлик, господин по фамилии Хаяси. Пятым был сам Курода.

Гости молчали.

Сквозь раскрытые окна было слышно, как кто-то торопливо бежал по дорожке, шурша ракушками. Все не-

вольно прислушались, но шаги неожиданно смолкли. Послышалось сопение, закачалась ветка, и в окно заглянул внук господина Куроды, шестилетний Нарусэ.

Видимо, он не в первый раз так проникал к деду, потому что лицо мальчишки было радостным. Но все его оживление вмиг исчезло, когда он увидел непривычно серьезные глаза деда, обращенные к нему. Остальные четверо тоже смотрели холодно, и Нарусэ растерялся.

Маленький Хаяси изобразил на лице улыбку и милостиво кивнул мальчику, но его улыбка, сам вид господина, ноги которого не доставали до пола, и вся эта угрюмая обстановка в дедовском кабинете испугали Нарусэ. Он спрыгнул с дерева и побежал прочь. Шаги его скоро стихли.

Наконец Курода заговорил — медленно, точно собираясь с силами перед каждой фразой. Говорил, что собрал гостей не для того, чтобы они разделили с ним его горе. Он просил их приехать, чтобы обсудить вопросы, связанные с судьбой родины, судьбой, которая, как он думает, может стать трагичной. Он сказал и о том, что ему не советовали обнародовать свою точку зрения, что он получил письмо с угрозами, но на Тайном совете выступил так, как считал нужным.

— А на другой день,— Курода медленно обвел глазами присутствующих,— в госпитале скончалась моя дочь, жена находится там и по сей день... Без сознания... Их жестоко избили неизвестные люди.

Он вздохнул и замолчал.

Молчали и гости. В паузе явственно ощущалась враждебность. Эти четверо ненавидели Куроду, но были беспомощны перед его властью. А теперь они понимали: господин Курода терял власть и силу, которая давала власть. Сам же он еще не знал, что его ожидает, но чувствовал недоброе, и это чувство и кошмарное, как страшный сон, видение — белое лицо дочери на розовой от крови подушке, — все вместе рождало ощущение новой неотвратимой беды. Но внешне он был спокоен: ему казалось, что после всего, что произошло, он готов к самому худшему.

— Господин Курода,— вкрадчиво начал Сугимори,— мы искренне скорбим вместе с вами, потеря невосполнима... Но вы пригласили нас говорить о политике, и мы не совсем понимаем... Мы ведь только военные... Имеем ли мы право вмешиваться в решение вопроса о будущем Японии? — Он оглядел сидящих за столом и продолжил: —

Именно к этому, если не ошибаюсь, сводилось ваше выступление на Тайном совете. Это было два дня назад, а сегодня вы собираетесь обсуждать вопросы, касающиеся судеб родины, в таком странном обществе... — Он улыбнулся и указал на присутствующих: — Представитель разведки генерального штаба и я — мы военные, уважаемый же господин Кавамото — наш крупнейший издаатель, представитель прессы.

— Я ничего не хотел бы обсуждать, господин Сугимори, — сказал Курода. Он уже вновь обрел прежнее спокойствие, и в голосе его появилась сила. — Моя цель — высказать свою точку зрения, с тем чтобы она стала широко известна в ваших кругах. С той же целью я пригласил и господина Кавамото...

Курода улыбнулся, давая понять, что пока еще власть и сила на его стороне и он обсуждает вопросы только на своем уровне, присутствующих же просто ставит в известность.

— Прошу простить, — учтиво заметил Сугимори, сразу почувствовавший опять возникшую дистанцию, — но не кажется ли вам преждевременным обнародовать свои мысли до того, как Тайный совет выскажет мнение по этому вопросу?

— Меня об этом уже предупреждали, но это мои мысли, — вежливо возразил Курода. — Я высказываю их от своего имени...

Он сделал паузу. Ему вдруг показалось, что силы покидают его. События последнего времени надломили волю, утомили сердце, и теперь он сидел, прислушиваясь к себе, словно забыв о том, что перед ним враги и нужно во что бы то ни стало собраться и довести начатое до конца.

Курода, верно, и сам не знал, сколько длилось это молчание, но когда он наконец сосредоточился, чтобы продолжить, то вновь увидел перед собой ничего не выражавшие лица.

— Итак, вы, господа военные, хотите войны, — устало сказал Курода. — Да, я знаю это... Мало того, я знаю, что существует группировка, доктрина которой — необходимость войны с Россией... — Он горько усмехнулся. — Я не против войны. Я согласен, что есть положения, когда война — единственный выход для спасения нации. Но сейчас, в данный момент, я считаю войну преждевременной. Россия после революции слаба, но и мы не набрали достаточно сил... Экономический кризис может поставить Японию

на колени, а я не могу этого допустить.— Он развел руками и улыбнулся, словно извиняясь за сказанное.

Молчавший до сих пор карлик Хаяси чуть подался головой вперед и заговорил, виновато улыбаясь:

— Господин Курода, коммерция всегда политика, но политика не всегда только коммерция...

— Пусть так. Но я еду в Москву торговать, и это в данный момент есть политика. Причем единственная возможная. Мирная политика, надежная, долгая, гибкая. Только она может спасти Японию от катастрофы. Но нужно терпение.— Голос старика окреп, он как-то весь выпрямился, словно то, во что он верил, придавало ему силы, заставляя поверить и тех, с кем он говорил.— А у вас, у тех, кто толкает правительство к немедленным действиям, его нет. И сегодня, в день смерти моей дочери, перед лицом нашего императора я заявляю: Япония к войне не готова! — Курода встал и повторил твердо и торжественно: — Япония к войне не готова!.. Тигр отличается от гиены тем, что он долго ждет, а прыгает один раз, наверняка!.. Терпение — оружие более грозное, чем самурайский меч...

Курода подошел к окну, долго смотрел куда-то вдаль, а потом тихо, словно самому себе, сказал:

— Япония — это жемчужина мира, а жемчужина должна медленно расти в своей раковине, заполняя ее собой, и когда раковина раскроется — мир ослепнет от сияния.

Гости заулыбались, а Сугимори проговорил:

— Красота последнего изречения позволяет мне думать, что вы, Курода-сан, закончили речь, взволновавшую нас до глубины души.

Курода отвернулся от окна:

— Да.— И он утвердительно опустил голову, словно не желая, чтобы присутствующие рассмотрели выражение его лица.

Гости встали. Точнее, встали трое. Хаяси пришлось спрыгнуть со своего стула. Но сделал он это не без изящества и с улыбкой обратился к хозяину дома:

— Когда вы собираетесь ехать, Курода-сан?

— Что? — не понял старик.

— Я спрашиваю, когда вы собираетесь ехать?

— Случившееся в моем доме горе несколько откладывает поездку. Но надеюсь через месяц быть уже в Москве...

Когда машины выехали на шоссе и помчались в сторону города, Хаяси, сидевший на специально сделанном для него сиденье из обтянутых кожей подушек, нажал на кнопку, и между водителем и задним салоном поднялось толстое стекло. Потом он нажал на другую, и боковое стекло плавно потонуло в дверце. Теплый ветер ворвался в машину. Хаяси потуже натянул шляпу и откинулся на спинку. Он был раздражен. Полковник Сугимори, сидевший рядом, чувствовал это и потому молчал.

Хаяси вынул из нагрудного кармана портсигар, достал сигарету, щелкнул зажигалкой, но ветер загасил ее.

— Старый глупец! — презрительно сказал Хаяси и швырнул в окно сигарету.— Он так и не понял, что смерть дочери — это последнее предупреждение...

— Мне кажется, Хаяси-сан, как раз это он понял прекрасно,— негромко сказал полковник.— Именно поэтому он нас позвал.

Хаяси ничего не ответил, смотрел в окно. Машины уже мчались токийскими пригородами. Потом он поднял боковое стекло, вновь щелкнул зажигалкой и закурил.

По тому, как спокойно Хаяси вынул портсигар, как вставил сигарету в мундштук, Сугимори понял: решение принято.

— Он очень плохо выглядит,— сказал Хаяси, и в голосе его уже не было ни раздражения, ни злости.

Он повернулся к полковнику и встретился с его серьезным, пристальным взглядом.

...Прошло чуть больше недели. Все это время господин Курода старался как можно меньше показываться на людях, ни с кем не встречался, и единственный, кто был ему не в тягость,— маленький внук, шестилетний Нарусэ, сын погибшей дочери. Дед рисовал мальчику картинки у себя в кабинете или читал ему в тени больших деревьев, а по вечерам, если не было дождя, они уходили гулять к озеру.

Так было и в этот вечер: они шли по песчаному берегу, в одной руке старик держал трость, в другой — портфель; последнее время он стал повсюду носить с собой портфель, и, когда мальчик принимался играть на песке, он присаживался в сторонке, вынимал из портфеля старые бумаги, письма, фотографии и разглядывал их; но теперь они шли не останавливаясь.

К вечеру посвежело. Стариk одет был в длинное черное пальто, на голове — вязаная шапочка, какие носят рыбаки. Он шагал широко, хоть и медленно, а маленький внук семенил рядом.

— Моря кормили наших предков, но они же и разоряли их,— рассказывал Курода внуку.— Тайфуны уносили лодки, рвали сети...

Нарусэ слушал деда и, чтобы не отстать, держался за карман его пальто.

— Море защищало нас от набегов на наши острова, и долгое время про нас никто не знал.

— Так это же хорошо! — обрадовался мальчик.

— Хорошо,— ответил стариk.— Но из-за этого мы поздно начали торговаться, и на рынке мира места заняли другие.

— Тогда плохо,— сказал Нарусэ.

— Плохо,— согласился Курода.

Потом он рассказывал внуку про далекие времена; рассказывал, как их предки боролись против завоевателей, а мальчик слушал, не перебивал и только иногда переспрашивал какое-нибудь сложное название или имя.

Так они шли, беседовали, и маленький Нарусэ не знал, что это последние минуты, когда он видит деда живым, и стариk Курода тоже не знал, что голова его покачивается в перекрестьи оптического прицела.

Охота за ним шла уже четыре дня. Чтобы максимально упростить операцию, покушение решили совершить во время одной из дальних прогулок старика с внуком. Уже четыре дня в прибрежных кустах прятался человек со снайперской винтовкой, но, как назло, шли дожди, и Курода к озеру не приходил. Вот почему теперь человек с винтовкой, которую он аккуратно устроил на воткнутой в песок рогатине, терпеливо ждал. Он был уверен, что не промахнется, но выработанная привычка не торопиться с выстрелом брала верх.

Пергаментное лицо Куроды, приближенное оптикой, уже занимало весь круг прицела. По шевелящимся губам можно было понять, что стариk разговаривает с мальчиком. Теперь человека с винтовкой и тех двоих на пляже разделяло не больше тридцати метров.

Человек аккуратно спустил предохранитель и вдруг увидел в прицел, что стариk встревоженно смотрит прямо на него...

За исключением китайской части города, Харбин был больше похож на многие города средней полосы России. Его и раньше населяло большинство русских, а теперь и подавно. Дороги во все концы света для многих бежавших из России после революции и гражданской войны лежали через Харбин. Часть эмигрантов сразу отправлялась дальше, остальные оседали на более или менее длительное время.

Кто только не высаживался на обшарпанный, пыльный перрон Харбинского вокзала! Изумленно озираясь, прошли через него бывшие министры, карточные шулера, банкиры и заводчики, уже в несвежих воротничках, но еще с болонками и гувернантками, опереточные певцы и артисты «Его Величества Императорских театров», барственные в осанке, элегантно одетые, но все, как один, без багажа. Большинство рекомендовалось убежденными врагами ненавистных Советов, но были и такие, кого погнал в дорогу тосклиwyй страх перед новым и непонятным; встречались и просто обманутые — и всю эту беспокойную толпу объединяло желание вернуться, и вернуться любыми путями: одни мечтали о мести, другие — вновь обрести утраченный достаток и покой, третий просто хотели умереть там, где родились.

Особняком стояла военная эмиграция. Армейская традиция делить мир на начальников и подчиненных придавала некоторую видимость организованности ее пестрым рядам. Здесь были и колчаковские офицеры, и остатки разбитой банды атамана Семенова, и солдаты, чудом выжившие после авантюры генерала Каппеля. Они то объединялись, организовывали скороспелые партии, каждая из которых выдвигала свой устав, свои задачи, то распадались на мелкие группировки. Но одно было для них неизменным — лютая ненависть к молодой Советской республике.

В свободное от «политической деятельности» время белогвардейцы устраивали шумные попойки, недостаток средств восполняли нахальством, нагоняли страх на владельцев многочисленных ресторанчиков и кабачков. Кончались попойки, как правило, скандалом — маленьким, средним или большим. Мирно выходило редко. Китайская полиция, если ее и вызывали, не очень торопилась на место происшествия, предпочитая явиться к тому моменту, когда все само собой успокаивалось.

Кафе «Водопад», принадлежавшее Иохану Штольцу, находилось почти в центре города, в торговом районе. Улица была неширокой, пестрела вывесками и называлась Сиреневой.

Теплым апрельским утром хозяин кафе — человек огромного роста, с рыжей кудрявой шевелюрой, — сидел за столиком на веранде своего заведения и читал газету. Двое его сыновей, такие же рослые, как отец, сновали взад и вперед, расставляя стулья.

Иохан Штольц интересовался политикой. Он по несколько раз перечитывал политическую хронику, но выводов не делал, боясь ошибиться. Вычитав новость, он глубокомысленно откладывал газету в сторону и, покачав головой, говорил негромко: «Это нехорошо».

Так было и теперь. Штольц отложил газету, произнес свою любимую фразу и взял газету вновь.

Заголовок гласил: «ТРАГЕДИЯ В ТОКИЙСКОМ ПРЕДМЕСТЬЕ». Ниже — фотография изуродованного человека с раскинутыми руками: в одной руке — портфель, в другой — трость. Еще фотография — мальчик с перекошенным от ужаса лицом. Далее сообщалось:

«2 апреля сего года в полутора километрах от своей резиденции зверски убит господин Камато Курода. Неподалеку был обнаружен мальчик, находящийся в тяжелом шоковом состоянии.

Разрывная пуля, попавшая господину Куроде точно в переносицу, настолько изуродовала лицо, что личность убитого установлена лишь по документам, найденным у него в портфеле. Пуля была выпущена из винтовки с довольно близкого расстояния. Полиция обнаружила место, где прятался убийца: был найден оптический прицел и другие части винтовки, из которой стрелял неизвестный.

Следствие продолжается».

На другой странице был помещен портрет человека средних лет. Подпись гласила: «Кано Сакай займет в правительстве место погибшего Камато Куроды».

Иохан Штольц сложил газету, сунул в карман своего фартука.

— Это нехорошо, — вздохнул он.

Простодушный владелец «Водопада» очень удивился бы, если бы ему сказали, что события, произшедшие в токийском предместье, самым прямым образом изменят жизнь соседнего кабаре. Более того, в этой перемене таинственно примет участие старое, но очень ценное зерка-

ло, перед которым Иохан Штольц каждое утро расчесывал свою рыжую шевелюру.

А напротив кафе Иохана Штольца находилось кабаре «Лотос». С его вывески улыбался китаец в балетной пачке. Надпись на английском, китайском и русском языках гласила: «ВЕСЕЛЫЙ ФАН ЮЧУНЬ НЕ ПРОЩАЕТСЯ С ВАМИ!»

В то утро, когда Штольц узнал о гибели Куроды, возле стеклянных дверей «Лотоса» грелся на солнышке директор-распорядитель кабаре. Звали его Ильей Алексеевичем, прозвище у него было Шпазма, а фамилии никто не знал. Никто бы не сказал, как и когда появился он в городе, сам о себе Шпазма рассказывал, что стал жертвой жестокой аферы, но в подробности не вдавался. Как и в самом слове-прозвище «Шпазма», было что-то в Илье Алексеевиче неуловимое, скользкое. Возможно, это ощущение рождалось оттого, что, разговаривая с Ильей Алексеевичем, собеседник с трудом мог встретиться с ним взглядом, а пожатие его мягкой, влажной руки вызывало неприятное ощущение.

Вот и теперь он не удостоил даже поворотом головы тихо подошедшего молодого человека.

— Разрешите, Илья Алексеевич, я занимаясь до репетиции, а то пальцы совсем костенеют...

— Играй,— кивнул Шпазма, щурясь от солнца.— Только тихо: хозяин спит.

Молодой человек поклонился и прошел было в дверь, но Шпазма окликнул его. Тот остановился и выжидающе посмотрел на распорядителя, словно ожидая какой-то неприятности.

— Собственно, это совет... просьба...— медленно, растягивая слова, сказал Шпазма.— Вы к инструменту прямо, а то все через кухню норовите.

— Да оставьте вы меня в покое! — внезапно вспылил музыкант.— Как вам не стыдно! Что, я вас объедаю, что ли? Нашли игрушку!

Он хотел что-то добавить, но лишь выдохнул шумно и, хлопнув дверью, исчез.

В кабаре в этот час было прохладно. Углы небольшого зала, в центре которого возвышалась сцена, тонули в темноте, и темнота эта казалась особенно густой из-за ярких солнечных полос, протянувшихся от окон до середины за-

ла. У дальней стены размещался бар, мерцали в полутьме стаканы на подносах. Стулья стояли на столах ножками вверх — шла уборка.

Анфиса, не старая еще женщина, подоткнув подол, мыла полы. Завидев музыканта, она широко улыбнулась:

— Здрасте, Алексей Николаевич!

Пианист ответил невнятно, быстро поднялся на сцену.

На крышке рояля спал бывший штабс-капитан Лукин. Официально он не числился в штате кабаре, но мало-помалу прижился, выполнял разную работу, ничем не гнушался и крепко пил. Он не походил на тех белогвардейских офицеров, которые собирались по вечерам в «Лотосе»: никого не винил в поражении контрреволюции в России и не считал себя «проданным и преданным». Возможно, он уже смирился со своей судьбой, а может, считал ее справедливой и единственно верной. Напивался он обычно к вечеру и тогда либо тихо сидел на кухне, глядя в одну точку, либо устраивался на заднем дворе, за ящиками от бутылок, — чертил что-то прутиком на земле.

Но иногда на него нападало: Лукин куражился. Случалось это нечасто, но заканчивалось всегда скандалом. В таких случаях он, развязно улыбаясь, входил в зал кабаре, подсаживался к столикам, хлопал посетителей по спинам и говорил гадости. В такие минуты Лукина боялись — остановить его, сдержать было невозможно. Кончалось все дракой. Вернее, кончалось тем, что Лукина били. И когда его били, он улыбался, словно получал удовольствие.

Но Лукин мог не пить и целую неделю, становился добрым, тихим, умным, приветливым человеком. Знавшие его такое многое прощали ему. Подошедший к роялю пианист стал тормошить бывшего штабс-капитана:

— Вставайте, вставайте, Лукин!

— Его вчера эти... в черных-то рубашках, опять отделили, — громко и весело сказала уборщица. — Не знаю, как жив-то остался... Хорошо, полиция вовремя приехала, а то бы все разнесли.

— О господи! — простонал пианист, садясь за рояль. — Когда это кончится!

— А когда вернемся, тогда и кончится, — весело ответила уборщица. — Я все князя-то своего, Сергея Александровича, зову обратно, а он молчит, боится. А чего бояться? Хуже-то не будет. Я как мыла полы в его имении, так и здесь мою. А вот он у плиты теперь, весь день на кухне.

Там у него, в Саратове-то, три повара прислуживали, а тут — сам повар. Китайцев поганками кормит.

Пианист горько усмехнулся, покачал головой. Потом посмотрел на спящего, и вдруг бессильная ярость захлестнула его.

— Да встань же ты с рояля, скотина! — срываясь на диксант, заорал он и ударил несколько раз по клавишам.

Лукин не пошевелился.

В тот же час Вера Михайловна Филимонова, хореограф-репетитор кабаре «Лотос», шла своей прыгающей походкой по улице, не близкой к Сиреневой, и сердилась, что идти еще далеко.

Вере Михайловне было уже за пятьдесят, но она тщательно следила за собой, как бы трудно ей это ни давалось. В Харбине она появилась незадолго до революции, приехала не одна, а с дочерью Катей, миловидной барышней лет двадцати двух. Прошло совсем немного времени, и Вера Михайловна открыла косметический салон, вышла замуж за педагога, и жизнь ее потекла плавно и хорошо. Но длилось благополучие недолго.

Скоро в городе появился бывший муж Веры Михайловны, офицер-артиллерист, от которого она, как всем было известно с ее слов, сбежала по причине лютого его характера. Появление свое артиллерист ознаменовал тем, что разгромил заведение Веры Михайловны. Педагог, опасаясь за свою жизнь, спрятался у родственников; Вера Михайловна с дочерью прятались у подруги. Вскоре выяснилось, что незадолго до того, как Вера Михайловна сбежала от артиллериста, у того умерла тетка и оставила ему довольно большое состояние. Вера Михайловна уговорила мужа держать деньги дома, объясняя это смутными временами, он послушался, а через несколько дней жена исчезла, забрав из дома все, что только было возможно.

Как артиллеристу удалось найти Веру Михайловну в Харбине, сказать трудно, но, на ее счастье, его интересовало не столько возмездие, сколько деньги. Артиллерист быстро подружился с педагогом и вместе с ним ликвидировал салон Веры Михайловны — они забрали ценности и скрылись.

Вера Михайловна решила начать все сначала, попыталась повыгоднее выдать дочь замуж, но ее затея после нескольких попыток провалилась: мужчины, на которых

распространялись надежды Веры Михайловны, почему-то предпочитали других невест. В конце концов Вера Михайловна была вынуждена устроиться хореографом-репетитором в кабаре «Лотос», а дочь ее Катя встала за стойку бара в том же заведении.

То утро началось для Веры Михайловны крайне неудачно. Катерина опять не пришла ночевать, в доме не оказалось хлеба, и позавтракать пришлось кое-как. А кроме того, она спешила на репетицию и села в трамвай, в котором ей помяли платье и отдали ноги. Пришлось сойти за две долгие остановки до «Лотоса». Всю оставшую дорогу она перебирала в уме, кто бы мог быть виноват в ее несчастье.

«Проклятый мандарин! — распаляла себя Вера Михайловна, имея в виду хозяина кабаре.— Кормит еле-еле, а репетируем чуть ли не с рассвета... Набрал дур, никто танцевать не умеет...»

— Что за жизнь! — хрюпнула она, едва успев переступить порог кабаре.— Трамвай в этом проклятом городе один, народу тьма, отдали ноги. Как теперь репетировать?.. Что вы сидите? — набросилась она на уныло сидевшего у рояля музыканта.— Дожидаетесь, пока проснется этот хам?

Прыгающей походкой она быстро прошла через зал, взлетела на сцену, приподняла крышку инструмента. Безжизненное тело Лукина плавно соскользнуло с полированной поверхности и грохнулось на пол.

— Рзыграйтесь, — обернулась Вера Михайловна к Алексею, — нечего сидеть!

Алексей с готовностью кивнул и сыграл мудреный пассаж.

Охая и ругаясь, Лукин с трудом поднялся. Он был небольшого роста, с помятым, опухшим лицом, в потертом пальто.

— Как долетели? —sarкастически улыбаясь, спросила Вера Михайловна.

Лукин не ответил. Он уселся на краю сцены, покачал головой, потом просипел:

— Видела бы это мама...

Вера Михайловна засмеялась. Она была рада любой возможности одержать хоть какую-нибудь, хоть совсем маленькую победу над язвительным Лукиным. Эти небольшие радости давали надежду, что силы еще не иссякли, что жизнь как-нибудь да сложится.

Лукин сказал:

— Я имел в виду вашу маму.

— А при чем здесь моя мама?

Лукин смерил Веру Михайловну тяжелым взглядом:

— А при том, старая ты шлюха, что она бы в гробу перевернулась, узнай, что ты и твоя дочь с китайским полицейским по очереди спите...

Вера Михайловна оцепенела на мгновение, а затем, подобно пароходному гудку, все больше набирая силу, заревела и кинулась на Лукина.

Алексей бросился ей наперерез:

— Умоляю, что вы делаете?! Перестаньте!.. Умоляю вас!..

— Мерзавец! — теперь уже визжала Вера Михайловна, вырываясь из рук Алексея.

На крик с разных сторон зала сходились служащие кабаре, в углу толпились готовящиеся к репетиции танцовщицы, но никто не вмешивался, наоборот, все с любопытством наблюдали за происходящим.

— Подлец! Ничтожество! Как ты смеешь? — надрывалась Вера Михайловна.— Я жена офицера!

— Китайскому пехотному полку ты жена! — смеялся Лукин, пытаясь обнаружить под роялем свои ботинки.

— Прекратите! — Алексей умоляюще смотрел по сторонам, но на помочь ему никто не шел.

Вера Михайловна билась в истерике, и музыкант с трудом удерживал ее.

На сцену вышла высокая, довольно полная молодая женщина, остановилась, подбоченившись:

— Что ты орешь, мама?

— Ты!.. Ты!.. — завопила Вера Михайловна.— Потаскуха! Из-за тебя все, подлая!

Шпазма, давно уже наблюдавший за скандалом, спокойно пересек зал, поднял с пола оставленное уборщицей ведро и выплеснул грязную воду на рыдающую Веру Михайловну.

— Хватит! — Он показал на окна, облепленные мальчишками.— Пожалейте харбинцев, они к этому не привучены!

Скандал прекратился необыкновенно быстро. Зал опустел. И только Вера Михайловна еще тихо всхлипывала, вытирая мокрое лицо и руки углом скатерти.

Илья Алексеевич тяжко вздохнул, негромко крикнул Анфису, чтобы подтерла лужу. Анфиса не отозвалась, он

махнул рукой и побрел на кухню. Поваренок привычно подал ему стакан холодного молока на маленьком серебряном подносе, и Илья Алексеевич по скрипучей лестнице пошел наверх к хозяину, господину Фану Ючуню.

Это было его унылой ежеутренней обязанностью — будить хозяина, подавать молоко, докладывать о событиях минувшей ночи. Кроме того, у Ильи Алексеевича были и тайные обязанности.

Еще до поступления на службу в кабаре «Лотос» он вступил в «Новую Российскую партию», во главе которой стоял некий господин Разумовский. Илья Алексеевич мало разбирался в том, чем эта «новая» партия отличается от «старой» и существовала ли какая-нибудь «старая» вообще, но он испытывал страх и некоторую зависть, глядя, как дюжие молодцы, принадлежащие к «новой» партии, в одинаковых черных рубашках нестройными рядами вышагивали по улицам. К его огорчению, рубашку ему не выдали, а вместо желанного чувства безопасности возник еще больший страх: Шпазме, в ту пору уже директору-распорядителю «Лотоса», приказано было явиться к господину Разумовскому. Тот говорил с ним недолго. Илье Алексеевичу приказали следить за его новым хозяином, господином Фаном Ючунем, просматривать его корреспонденцию и обо всем интересном и странном докладывать.

Интересного было мало, сплошные странности. И никакой корреспонденции. Собственно, корреспонденция была, но только деловая — счета за поставки, договоры, деловые письма, прошения и многочисленные доносы служащих кабаре друг на друга.

Прежде чем постучать в дверь, Илья Алексеевич заглянул в замочную скважину. Хозяин не спал. Он лежал на кровати, закинув руки за голову, явно о чем-то размышляя.

Илья Алексеевич постучал. Хозяин повернулся на бок, натянул на голову одеяло и громко захрапел.

Илья Алексеевич тяжело поднялся от замочной скважины и, перед тем как вновь постучать, подумал: «И зачем господину Разумовскому этот идиот? Чего за ним следить? Мелет чушь, делает глупости, юродивый какой-то... Вот ведь не спит, а зачем притворяется?» Однако, вспомнив, что за работу платят, а работы, собственно, почти никакой — подглядеть и доложить, Илья Алексеевич решил больше не занимать свою и без того уже лысеющую голову ненужными мыслями и постучал еще раз.

За дверью опять никто не отозвался. Илья Алексеевич осторожно нажал на ручку, и дверь медленно подалась.

— Господин Фан, — негромко позвал Илья Алексеевич. — Господин Фан...

Хозяин перестал храпеть.

— Можете подниматься, зеленщик прибыл...

Фан пробормотал что-то невнятное, сел на кровати, зевнул.

— Кто шумел? — спросил он.

— Да, собственно... как всегда...

— Обломки? — засмеялся Фан.

Он быстро встал с постели, взял с подноса стакан, сделал глоток, почмокал, потом вылил молоко Шпазме в карман пиджака и засунул туда же стакан.

— Это молоко, — спокойно сказал Фан, — не от породистой коровы. Значит, оно не для благородного человека.

Шпазма страдальчески взвел глаза к потолку и тяжело вздохнул.

Фан как ни в чем не бывало сделал два резких приседания, подошел к зеркалу, посмотрел, потом скрылся в ванной.

— Новости? — спросил он из-за двери.

— Да, собственно... опять ночью...

В ванной послышался шум воды, и вскоре на пороге появился Фан. Он был в легком халате, плотно облегающем его крепкий торс.

Шпазма стоял все в той же позе, растерянно улыбался, стараясь незаметно отлепить от ноги залитую молоком штанину.

— Так вот, ночью, господин Фан... — продолжал он доклад.

— Ладно. Это потом. Все потом...

Они вышли на площадку лестницы, ведущей от кабинета в зал кабаре. Фан запер дверь, ключ повесил на пояс.

— Веселый Фан приветствует вас, люди! — громко сказал он и побежал по ступенькам вниз, быстро перебирая ногами, обутыми в легкие соломенные тапочки.

Танцовщицы нестройным хором поздоровались с хозяином.

Фан был невысокого роста, носил короткую стрижку, которая в сочетании с чуть приплюснутым носом придавала ему сходство с профессиональным боксером. Когда Фан молчал, он мог показаться суровым, но открытая, на-

ивная улыбка делала его лицо простым, добродушным и даже глуповатым.

Фан пересек зал и нырнул вниз по лестнице на кухню. Там уже давно шла работа. Маленькие китайцы-поварята шинковали, отбивали, резали, месили. Фан пробежал по кухне, остановился возле кипящей кастрюли, взял ложку и попробовал, что варится.

В дальнем углу кухни взвешивали телячью туши. Командовал у весов Сергей Александрович Томилин, бывший князь, а ныне шеф-повар кабаре «Лотос».

Ему было уже шестьдесят пять, но выглядел он крепким и бодрым. Несмотря на титул и возраст, он выполнял свои обязанности тщательно, с достоинством. За все время работы в «Лотосе» Сергей Александрович ни разу не пожаловался и даже виду не подал, что ему тяжело. Со всеми, начиная с хозяина и кончая поварятами, он был одинаково сух и ровен, терпеливо переносил все тяготы своего нового положения, никак не пытаясь его облегчить. Он верил в то, что происходящее с ним — расплата за прошлую жизнь и нужно лишь ждать и верить в будущее. Но чью в долгих молитвах он просил об одном: помочь ему дожить до возвращения на родину, а там хоть сейчас же умереть.

Почему Сергей Александрович не возвращался, понять было трудно: никакой ненависти к Советской власти он не питал, открыто против нее не выступал, в заговорах не участвовал. И конечно, вернувшись он в Советскую Россию, не пришлось бы ему стоять по двенадцать часов у плиты, нашлась бы возможность использовать юридическое образование и тридцатилетний опыт работы, но он медлил, тянулся, словно на что-то надеялся, хотя надеяться было не на что. Никого из близких, кроме работницы Анфисы, приехавшей вместе с ним сюда, у Томилина не осталось, дни бежали, он старел, а Советская власть стояла и рушиться не собиралась.

Сергей Александрович увидел подходившего к весам Фана, отошел в сторону и почтительно поклонился.

— Доброе утро, князь,— весело сказал Фан и обратился к взвешивающему туши: — Снимайте, снимайте, моя очередь.

Туши оттащили в сторону, на весы встал Фан.

— Будьте любезны, князь...— попросил он, и Сергей Александрович стал снимать гири.

Томилин весьма уважительно относился к Фану. Ему

нравились странности хозяина, его энергия, деловая хватка.

— Что такое? — изумленно проговорил Фан, уставившись на весы.— Опять набрал? — Он хлопнул себя по животу, спрыгнул с весов.— Ничего, спустим! — Потом подошел к Томилину, спросил негромко: — Ну что, князь, домой не тянет?

Старик посмотрел на Фана, потом вынул из кармана письмо, нашел нужное место.

— «Округделнаобраза при Наркомпросе РСФСР», — с трудом, по слогам прочитал он.— Вот что теперь находится в моем доме, и меня туда не тянет... Я лучше здесь, у плиты.

Говоря это, князь кривил душой, но Фан ничего не сказал, только засмеялся. Потом крикнул наверх:

— Шпазма! Сегодня шестерых повезу! Нет, семерых! — Повернулся к повару: — Князь, меня огорчает, что русские обижают друг друга. Что делать?

— Это от отчаяния,— сказал старик.— От одиночества.

— А как же ты?

— Я? — Князь усмехнулся.— Меня нет! Никаких связей. Стратосфера. Ноль градусов.

У входа в кабаре на улице, вокруг деревянной тележки зеленщика, толпились мальчишки. Семеро уже сидели в тележке.

Зеленщик, молодой китаец, в закатанных до колен холщовых штанах и таких же, как у Фана, плетеных тапочках, стоял рядом. Он каждое утро привозил на кухню «Лотоса» зелень и специи, а потом хозяин кабаре на его тележке катал детей.

Когда-то Фан помог отцу зеленщика, старому больному человеку,— достал ему лекарство, дал денег, нанял врача. Старик выздоровел. В знак благодарности сын хотел, не имея ничего другого, всю жизнь возить Фану зелень бесплатно, но тот отказался и продолжал ее покупать.

— Здравствуй, Гу,— сказал Фан и протянул зеленщику руку.

Тот с почтением принял пожатие.

— Как отец? — спросил Фан.

— Спасибо, господин.

Фан снял с тележки одного из мальчиков, посадил

другого — потяжелее. Взялся за ручки тележки и побежал. Оставшиеся мальчишки бросились следом.

К этой странности чудаковатого китайца — бегать каждое утро с тележкой по улицам — в городе уже привыкли. Время от времени Фану попадались знакомые, и он раскланивался с ними, не останавливаясь. Поравнявшись с цирюльней, он кивнул японцу парикмахеру, который брил в это время какого-то европейца. Японец помахал Фану рукой.

— Кто это? — спросил парикмахера европеец.

— Хозяин кабаре, здесь недалеко. Пьет только молоко, не курит. И бегает. — Парикмахер повертел пальцем у виска, засмеялся: — Такой немножко... Но хороший человек, веселый!

Владелец кабаре «Лотос», китайский подданный Фан Ючунь, на родине, в далеком Казахстане, был известен как пропавший без вести участник гражданской войны, кавалер двух орденов Красного Знамени, единственный сын в роде Чадьяровых — Касымхан.

Три года прошло с тех пор, как Чадьяров появился в Харбине, но ни задания, ни связи он пока не получил.

Объектом его внимания в самом общем виде служили антисоветские белоэмигрантские организации, их деятельность. Именно поэтому обслуживающий персонал «Лотоса» состоял в основном из русских эмигрантов, осевших в Харбине. Это во многом определяло круг посетителей кабаре: они были почти сплошь русскими.

Раньше, когда много времени уходило на укрепление своего положения, установление контактов, Чадьяров не так остро ощущал свое одиночество. Теперь же, когда он был совершенно готов к работе, каждый день становился для него мучительно длинным. Даже та информация, которой он сейчас обладал, была бы важна там, на родине. Но без связи он не мог ее использовать. А связи все не было. Приходилось, похоже, попусту вести дела кабаре или чудить вот так, катая мальчишек в тележке.

...Чадьяров пробежал мимо высокого подъезда, над которым сияла медная вывеска «Фудзи-банк. Токио. Харбинское отделение». Увидел на балконе человека, приветливо улыбнулся ему.

Там, на втором этаже банка, находился кабинет управляющего, господина Тагавы. В банковских операциях

управляющий разбирался слабо, да от него этого и не требовалось, потому что господин Тагава был профессиональным разведчиком. Седой, для японца довольно высокий, в отлично сшитом фланелевом костюме. Он еще немного постоял на балконе, глядя вслед убегавшему Фану, потом вернулся в кабинет.

События последних дней в Японии доставили сотрудникам банка много хлопот. Центр слал шифровки, из которых явствовало, что готовятся большие перемены. И сам господин Тагава, и его сотрудники вот уже трое суток спали по несколько часов.

— Ну как он?

— Кто, господин управляющий? — не понял помощник.

Тагава кивнул в сторону улицы, откуда доносились удаляющиеся крики детей. Помощник, догадавшись, улыбнулся:

— А-а... Ничего особенного. За все время, что мы наблюдаем, ничего особенного.

— Вы делали ему предложение?

— Впрямую — нет. Так, вскользь говорили.

— Ну?

— Улыбался, благодарил за честь. Обещал обратиться в случае необходимости.

— Он китаец?

— Казах, из Синьцзяна. Сын знатных родителей. Пострадал от Советов. Бежал. Родителей расстреляли. Обычная история. Теперь китайский подданный.

— Проверяли?

— Да, господин Тагава.

— Как у него дела?

— Последнее время хорошо. Расцвел.

— А что он вытворяет каждое утро с газетами?

Помощник улыбнулся:

— Борется с политикой.

— Зацепиться есть за что?

— Найдем, — кивнул головой помощник. — Если нужно, зацепим.

Миновав «Фудзи-банк», Чадьяров отметил про себя, что управляющий господин Тагава появился в банке необычно рано. К чему бы это?

Чадьяров давно уже знал, что деятельность белоэми-

грантских организаций, в том числе самой влиятельной — «Новой Российской партии», невидимыми, но прочными нитями связана с «Фудзи-банком». Этот банк был центром японской разведки в Харбине. И в том, что Фан, хозяин «Лотоса», интересовал Тагаву, он не сомневался: как-никак хозяин заведения, где собирается русская эмиграция, в том числе члены «Новой Российской партии» во главе с господином Разумовским.

Этот Разумовский считал себя великим политиком, стратегом, борцом. На самом же деле был человеком ничтожным, хотя и опасным: за ним стояла сила. Его организация была сколочена из отпетых головорезов, готовых на все, лишь бы способствовать свержению Советов. Банда сама по себе ценности не представляла — это Чадьяров хорошо понимал, но было ясно также и то, что без серьезного хозяина они вряд ли долго просуществуют. И действительно, вскоре партия Разумовского расцвела: появились деньги, агентура. Чадьяров был уверен — это дела «Фудзи-банка».

Тяжело дыша, он остановился у входа в кабаре. Тонкая ткань халата прилипла к мокрой спине. Он отдал тележку зеленщику, вытер лицо поданным Шпазмой полотенцем. Тот уже успел переодеться и теперь был в светлых парусиновых брюках.

У газетного киоска толпились разносчики газет. Они во все глаза смотрели на Фана и ждали его команды. Отдышавшись немного, Фан поднял руку, ребята выстроились в ряд, приготовились.

— Пошел! — Фан махнул рукой, и мальчишки, прижимая к груди газеты, что есть духу кинулись к нему.

Тому, кто прибежал первым, он пожал руку, поздравил, забрал всю пачку:

— Сколько здесь?

— Пятьдесят! — едва переводя дыхание, ответил мальчик.

Фан кивнул Шпазме. Тот молча вынул из кармана кошелек, вздохнув, отсчитал деньги. Фан отдал их мальчику, похлопал его по плечу.

— Молодец!.. А вы тренируйтесь, — сказал он остальным и, насвистывая, скрылся за дверью кабаре.

На сцене уже вовсю шла репетиция — от утреннего скандала не осталось и следа. Фан легко вскочил на сцену и довольно бойко повторил с девушками па, которое они репетировали. Под мышкой у него была кипа газет.

Он заглянул в кладовочку за сценой, проверил, на месте ли снятые недавно со сцены софиты, которые он собирался предложить Штольцу. Потом побежал по лестнице, ведущей на кухню. Там все так же кипела работа. Фан ногой открыл дверцу ближайшей плиты и бросил в огонь газеты. Некоторое время он смотрел, как пламя лижет бумагу, поворотил кочергой, потом захлопнул дверцу.

— Горят! — удовлетворенно объявил он всем и направился к весам.

То, что владелец «Лотоса» каждое утро сжигает пачку газет, было частью игры, которую вел Чадьяров,— мол, наивная борьба дурака коммерсанта со всякой политикой вообще, еще одна из странностей чудаковатого китайца, к которой в городе уже привыкли, как и к тому, что он бегал по утрам с тележкой, пил молоко, а у входа в кабаре повесил свое изображение — в балетной пачке и на пантаках. Над Фаном посмеивались, всерьез не воспринимали, а Чадьярову было важно другое — постепенное утверждение общественного мнения в том, что Фан политикой не интересуется. На самом же деле газеты Чадьяров читал, и подробнейшим образом.

Стоя возле печи, князь Сергей Александрович смотрел на хозяина неодобрительно, но, встретившись с ним взглядом, тут же опустил голову.

— Не хмурьтесь, князь,— сказал Чадьяров.— Пятьдесят человек по крайней мере не будут сегодня лишний раз обмануты. Я подарил им десять минут нормальной жизни, большего я для них сделать не могу.

— Лучше бы добавили мне жалованье,— покачал головой князь.

— Жалованье? — переспросил Фан.— А сколько у вас получал повар в добре старое время?

Старик не ответил, угрюмо мешал в кастрюле. Не стал продолжать разговор и Фан — проворно, через несколько ступеней, побежал по лестнице.

— Шпазма! — крикнул он.— На доклад!

Обстановка во время доклада была такая: были открыты все краны, вода мощной струей обрушивалась в ванну, на краю которой сидел Чадьяров, а из-за двери доносился голос Шпазмы, который докладывал хозяину обо всем, что случилось вчера вечером.

— Собственно, ничего особенного,— говорил Шпазма, стараясь перекричать воду.— Девочки отработали и ушли... Уже и народ начал расходиться, остался господин

Разумовский с друзьями. Я уж, признаюсь, порадовался,— все, думаю, обойдется сегодня...

Чадьяров встал, подошел к узкому окошку: из него было видно большое серое здание, над которым развевался японский флаг и огромными буквами было написано: «Фудзи-банк. Токио».

«Что же там у них происходит?» — подумал Чадьяров.

А Шпазма продолжал рассказывать историю о том, как подлец Лукин обидел друзей Разумовского.

— Вот, — говорил Шпазма, — и тут вылезает на сцену этот мерзавец Лукин, пьяный, конечно, и обращается к господину Разумовскому и его друзьям с речью, что, мол, он, Лукин, хотел бы сделать «Новой Российской партии» предложение — сменить форму с черной на белую. Господин Разумовский поинтересовался, зачем этакая перелицовка, а тот и отвечает: «А чтоб перхоть не так заметна была!» Представляете?.. Ну тут, конечно, все повскакивали, стащили со сцены Лукина, он отбивался, ну и началось...

Чадьяров тихо засмеялся: «Все-таки молодец этот Лукин».

— Они, конечно, не так чтоб очень трезвые, — продолжал Шпазма из-за двери, — возбужденные, конечно, были... Я позвонил, приехала полиция, стали разбираться. Один из друзей господина Разумовского, прaporщик Гутов, как-то, видимо, неаккуратно махнул рукой и попал полицейскому по физиономии.

Чадьяров знал, что час утреннего доклада — единственная возможность для Шпазмы порыться в его бумагах, остальное время Фан либо был у себя, либо кабинет был заперт. Именно поэтому он выслушивал утренний доклад из ванной, оставляя Шпазму наедине со своим письменным столом, бумагами, папками, корзиной для мусора. Рассуждал Чадьяров так: «Если я не могу запустить своего человека к Разумовскому, то пусть он запустит ко мне своего, по крайней мере у меня будет возможность управлять информацией, которую они получат о господине Фане Ючуне». Вот почему так долго было свободно место директора-распорядителя, вот почему Чадьяров не задумываясь взял на это место Шпазму, как только понял, что тот завербован Разумовским.

А директор-распорядитель тем временем высыпал из корзины на стол обрывки счетов, скомканые листы. Одни

он сразу бросал обратно, другие, прежде чем бросить, пробегал глазами.

— И что же это, случайно, говоришь, Гутов полицейского-то задел? — громко, стараясь перекричать шум воды, спросил из ванной Фан.

— Бог мой, конечно! — не отрываясь от своего занятия, ответил Шпазма. — Вы же знаете, друзья господина Разумовского сами никогда не начинают. Люди спокойные, а тут такой казус... Ну, конечно, полицейским только того и надо было, бросились выкручивать руки Гутову, тот возмутился, естественно, оттолкнул двоих, один, правда, здорово ушибся. Словом, забрали его и уехали. А зачинщик, видно, прятался где-то. Только под утро появился, на рояле спал, подлец...

Шпазма выгораживал белогвардейцев, как будто Чадьяров их не знал. Особенно трогательно звучала история с Гутовым — двухметровым детиной, даже за столом не снимавшим перчатку, вдоль пальцев которой были вшиты куски свинца; невинное «случайно оттолкнул двоих» несомненно означало, что досталось, как минимум, пятым, а двоим наверняка предстояло долгое лечение.

— Посуды много побили? — послышался голос Фана из ванной.

— Нет, обошлось, к счастью. Но ведь могло быть и хуже. Я бы на вашем месте поехал в полицию и вызволил Гутова, он ведь друг Разумовского и вообще... С ними лучше ладить, очень приличные люди. А Лукина надо гнать. Гнать взашей...

— Я ложу со всеми, мне все нравятся, — сказал Фан, выходя из ванной и завязывая на ходу галстук. — Все, кто платит деньги, а Лукин платит...

— Но он ругает «Новую Российскую партию»!

Шпазма стоял посреди комнаты, держа руки по швам, и смотрел на Фана с волнением и преданностью. Корзинка для бумаг была на своем месте у стола.

Чадьяров уже обратил внимание, что каждый раз, после того как Шпазме удавалось беспрепятственно порыться в его бумагах, тот испытывал чувство, похожее на восторг, — словно дело, которое он делал, было чрезвычайно нужно, связано с большим риском и, не будь его, Ильи Алексеевича, бог знает что могло бы произойти на свете.

— Право каждого говорить что угодно, — сказал Фан. — Мы живем в демократическом обществе, у нас сво-

бода слова! А за свободу я готов терпеть даже битую посуду!

В тот же день, 12 апреля, в кабинете вице-министра иностранных дел Японии господина Сакаи беседовали двое. Хозяин кабинета, элегантный человек лет сорока, и его гость, седой, с благородным лицом, стояли друг против друга; их разделял длинный стол для заседаний. Тот, что стоял напротив вице-министра, был господин Сайто.

Когда Сайто вчера узнал, что вице-министр просит его зайти, он испугался. Сайто был другом покойного Куроды и полностью разделял его точку зрения относительно внешней политики Японии. Последнее время, когда тучи над Куродой сгостились, Сайто стал остерегаться дружбы с ним, боясь рисковать своей семьей. Он осторожничал, публично не выступал. Сайто знал: достаточно доноса за подписью двух человек — и никакие прежние заслуги не смогут уберечь его от тюрьмы. Но и безоговорочно принять новую государственную доктрину, как это делали многие другие, он тоже был не в силах. Сайто надеялся тихо переждать в тени, и ему казалось, что он преуспел в этом, его забыли, как вдруг извольте — неожиданное приглашение.

Наконец господин Сакаи заговорил. Он улыбался, потому что ему было приятно сообщить хорошую весть: господину Сайто доверяют, и доказательство тому — торговая миссия в Россию, возглавить ее поручено господину Сайто. Конечно, он, Сакаи, понимает, в какое сложное время господин Сайто отправляется в Москву, но, если в такое трудное время ему доверяется важная государственная миссия, это означает, что на него надеются и от него многое ждут.

— Я счастлив оказанной мне честью, — медленно проговорил Сайто и замолчал.

— Я знаю, что вы хотите сказать, уважаемый Сайто-сан, — без улыбки, тихо нарушил молчание Сакаи. — Вы были другом господина Куроды, но сейчас мы не будем обсуждать трагические недоразумения, связанные с семьей покойного, они были истолкованы врагами Японии как заговор военных. Это клевета. Насколько я знаю, вы разделяете мою точку зрения. — Сакаи пристально посмотрел на Сайто.

— Да, — выдержал его взгляд Сайто.

— Я не сомневался в этом. Как не сомневаюсь и в том, что вы оправдаете оказанное вам доверие.

Вице-министр поклонился, давая понять, что беседа окончена. Сайто поклонился в ответ и медленно вышел из кабинета. Чтобы обдумать услышанное, ему нужно было остаться одному.

Господин Сайто был человеком осторожным и дальновидным, но даже он вряд ли мог догадаться, что, в то время как он спускался по лестнице, из окна кабинета вице-министра в спину ему смотрели два человека. Один был Сакаи, другой — полковник Сугимори.

Когда за Сайто захлопнулась дверца машины, Сугимори, глядя вслед отъехавшему автомобилю, спросил:

— Ну как он?

— Все тот же, — ответил вице-министр. — Открыто, правда, говорить боится, но думает, как и раньше.

— Это к лучшему.

— Не понимаю. — Сакаи повернулся к полковнику. — Я не понимаю, Сугимори-сан, чем объяснить решение генерального штаба назначить в Москву человека со столь опасной для нас точкой зрения.

— Его точка зрения для нас не опасна, — улыбнулся Сугимори.

— Вы хотите сказать, что он не поедет?

— Напротив. Он обязательно уедет. Но не вернется...

Сакаи был назначен на пост вице-министра под давлением военных — он был их человеком и выполнял их волю, знал, на что шел, но сейчас растерялся от такой откровенности полковника. А Сугимори как будто размышил вслух:

— Этот миролюбивый старец даже не представляет себе, что именно он может стать причиной войны...

3

Паша Фокин решил уехать из Москвы. И не просто в другой город страны, а уехать совсем, навсегда — за границу. Он это не очень-то скрывал; по крайней мере, в коммунальной квартире, где занимал одну комнату, о Пашином решении знали все жильцы.

Паша появился в квартире старого арбатского дома не так давно. Его привел домоуправ, распечатал комнату умершей одинокой старушки Дарьи Ивановны и сказал, что отныне товарищ Фокин в квартире 37 дома номер 9 по

Сивцеву Вражку считается законным жильцом. Кое-кто из соседей, претендовавших на эту жилплощадь, погоревал немного, но потом все уладилось. Паша уходил рано утром, чем он занимался, никто не знал. Известно было только, что по образованию он инженер и работает то ли в бюро, то ли в конторе.

Когда Паша объявил, что уезжает, ему никто не поверил. Слишком уж не вязался его небольшой рост, толстый животик, лысина — вообще, вся его жизнь со стирками на кухне, завтраками у себя в комнате на покрытом газетой столе — с тем, что жильцы квартиры представляли себе под названием «заграница». Но потом недоверие сменилось отчуждением, враждебностью, и скоро Пашу, кроме как «эмигрантом проклятым», в квартире никак не называли.

Сосед его, железнодорожник Полозов, поспешил сообщить о Пашином решении домоуправу, тот обещал разобраться, но все не приходил, а когда Полозов вновь поинтересовался в домоуправлении, как Пашу будут наказывать, домоуправ сказал, что никаких санкций применить не может — не имеет на то полномочий.

Поначалу Паша объяснял, пытался пристыдить соседей, потом начал ругаться, но перестал, потому что в таких случаях враждебность по отношению к нему начинала приобретать угрожающий характер. Тогда Паша стал просто меньше бывать дома, тем более что давно уже пришла весна и в середине апреля приятней находиться на улице, нежели сидеть в своей неуютной комнате.

Однажды Паша Фокин вместе со своим знакомым Ипполитом Николаевичем сидел на террасе небольшого кафе. Сквозь жалкий прошлогодний плющ, обвивающий недавно выкрашенную изгородь, просматривалась солнечная московская улица. Разгоряченный несколькими кружками пива, Паша перегнулся через стол и с жаром говорил, дыша прямо в лицо Ипполиту Николаевичу:

— И вообще, я больше не могу, клянусь вам, чем хотите клянусь, я погибаю! Мне конец. Перед вами нормальный живой труп. Меня нет. Понимаете, как личности, как Паши Фокина меня нет! Я ничего не помню, все забыл. Вот, например, какой там был магазин? — Паша указал на дом напротив.

— Где? — испуганно обернулся Ипполит Николаевич.— Здесь? В этом доме была шляпная мастерская Валуцкой.

— Вот видите! — с торжеством сказал Паша.— А я не помню! Я деградирую! Я уже четыре месяца без работы. Я инженер, специалист, таких, как я,— он доверительно понизил голос,— надо на руках носить, пыль сдувать, а я только что на паперти не стоял...

— Ну, насчет паперти, допустим, уж слишком.— Ипполит Николаевич оглядел элегантный костюм Паши.— А насчет работы — кто же мешает? Поступите на службу.

— Это на какую же?

— Ну-у...— Ипполит Николаевич водил пальцем по краю пивной кружки.— Есть разные возможности... Смотря кому служить... Вообще-то, я от таких дел далек, но, если вспомнить, у меня были знакомые из этих... тоже из бывших. Я сам в этом ничего не понимаю, но они говорят, что сложа руки не сидят.— Он взглянул на Пашу и снова опустил глаза.

Паша, медленно соображая, в упор смотрел на Ипполита Николаевича, брови его поползли вверх.

— Что-о?! Чтоб Паша Фокин лез в политику! Да за кого вы меня?..— Паша начал было угрожающе приподниматься, но Ипполит Николаевич бойко перебил его:

— Сядьте и не кричите. Я сам никакой политикой не занимаюсь и другим не советую. А вам я предлагал помочь устроиться в советское учреждение по специальности.

Паша саркастически захохотал, откинувшись на спинку стула, потом вновь перегнулся через стол.

— Принципиально не пойду,— сверкая глазами, тихо сказал он.— Я и ушел из принципа. Ко мне начальника «спустили», как они теперь говорят, из рабфака, из раб-фа-ка! — Тут Паша вдруг замер, сделал паузу и громко, не торопясь, заговорил снова: — А канареек, уважаемый Иван Иванович, нужно фосфором кормить и кальцием!

— Что с вами? — изумился Ипполит Николаевич и недоуменно уставился на Пашу.

Фокин глазами показал в сторону, туда, где молоденькая официантка смахивала на поднос остатки с пустых столиков.

— Подслушивают, здесь все подслушивают! — страшно запептал Паша, потом громко сказал: — Барышня, принесите нам с товарищем еще по кружке!

— Ой! А пива вся кончилась, я вам последнюю налила,— простодушно огорчилась девушка.

— А-а-а, она кончилась! — протянул Паша, с иронией посмотрев на Ипполита Николаевича. — Видали? Пивы и той нету! Пи-вы! — И опять пригнулся к Ипполиту Николаевичу: — Нет, я понял, только бежать, бежать отсюда! Нет-нет, без политики, упаси боже, никакой политики! Я не с ними, я не против них, я уеду — и все! И вам, между прочим, советую.

— Это куда же вы советуете?

— А хоть в Харбин. Мне Зверев — может, слыхали — писал оттуда. Он получает... — Паша наклонился к самому уху Ипполита Николаевича и зашептал: — Шестьсот долларов! В неделю!

— Ну, это вы, допустим, загнули, — усомнился Ипполит Николаевич.

— Ну пусть не шестьсот, но он все имеет, все! Там русских полно, Вергинский! Что вы! И никакой политики! Никакой борьбы! Инженер — и все! Как бог буду жить!

Ипполит Николаевич, давно уже с тоской оглядывающийся по сторонам, выждал для приличия паузу, потом забрал с соседнего стула шляпу и портфель:

— Ну, мне пора!

Паша оставил на столе деньги, и они направились на улицу. При выходе с террасы обоим пришлось задержаться, пропуская грузовик с поющими молодыми людьми и девушками в красных косынках. Грузовик выскочил из-за поворота и, разбрызгивая лужи, оставшиеся после недавно прошедшего дождя, скрылся за углом соседнего дома.

— Ну вот, — сказал Паша, показывая на забрызганные водой ботинки, — нет, кто куда, а я в Харбин! Хватит с меня! — И вдруг кинулся бежать.

— Вы куда? — растерянно спросил и без того перепуганный Ипполит Николаевич, но Паша уже уцепился за поручни переполненного трамвая.

4

Казалось, что приближенный мощными окулярами бинокля японский флаг, развевающийся над зданием «Фудзи-банка», находится совсем рядом. Чадьяров повел бинокль вниз, перед ним промелькнули окна и стали видны улица и подъезд здания. Улица была пустынна, только на углу, то и дело озираясь, маячил какой-то человек. Сквозь шум воды в ванной Чадьяров слышал доносившийся из кабинета монотонный голос Ильи Алексеевича, который,

копошась в его бумагах, как всегда, докладывал о событиях минувшего вечера.

Последние три дня наблюдений за «Фудзи-банком» совершенно убедили Чадьярова в том, что там готовятся к чему-то серьезному.

Солнце зашло за облако, и Чадьяров чуть приоткрыл узкую створку окна ванной, прижался к стене и слегка высунулся, чтобы лучше было видно улицу. Он не делал этого раньше, потому что солнечный луч, отразившийся в стеклах бинокля, мог привлечь к себе внимание тех, за кем наблюдал. Теперь Чадьяров видел не только того, кто стоял рядом с «Фудзи-банком», но и второго, проходившегося в конце улицы. Вдруг этот второй замахал руками, и тот, что стоял у банка, кинулся в подъезд. Через мгновение оттуда вышли несколько хорошо одетых господ, а в конце улицы появились два больших лимузина. У банка машины остановились. Встречающие замерли в низком поклоне.

«Ну вот наконец... — подумал Чадьяров. — А то мы совсем заждались... Господин Хаяси?» — изумился он, увидев вышедшего из первой машины карлика. Из второй машины вылез полковник Сугимори.

«Та-ак... кажется, дело серьезнее, чем я ожидал...»

Хаяси и Сугимори поздоровались со встречающими, и все скрылись за тяжелыми стеклянными дверьми.

Чадьяров повел биноклем вверх, и через несколько секунд сквозь окна кабинета управляющего господина Тагавы он увидел входящих гостей. Хозяин, низко кланяясь, предлагал всем садиться.

После положенного обмена любезностями заговорил Сугимори. Он говорил довольно долго и, судя по тому, как его слушали, — о вещах чрезвычайной важности. Чадьярову даже показалось, что внимавшие Сугимори были ошеломлены его сообщением. Затем Тагава, видимо, о чем-то спросил. Ответил Хаяси. Тогда Тагава обратился к одному из своих помощников, тот вышел и скоро вернулся, пропустив впереди себя довольно молодую миловидную блондинку. Ей подвинули кресло, она села. Хаяси что-то сказал управляющему, тот встал и медленно зашторил окна.

Чадьяров опустил бинокль. Он еще не знал, что делать, как поступить, но был совершенно уверен: происходящее имело прямое отношение к интересам Советского Союза.

А вечером он выступал на сцене своего кабаре. Выступал по сокращенной программе — вместо четырех номеров отрабатывал только два — «Маленькие футболистки» и «Шляпа-метеорит».

Первый номер был для Фана несложным. Танцовщицы, наряженные футболистками, сначала разыгрывали непритязательную пантомиму, изображавшую футбольный матч, а затем на сцену сверху падал большой пестро раскрашенный мяч. Танцовщицы по очереди ударом ноги посыпали его в зал, а хмельные посетители кабаре кидали мяч обратно. Фан комментировал происходящее.

Второй номер был сложнее. Фан выходил на сцену один в белом смокинге и в черном, оклеенном золотыми звездами цилиндре. После несложных трюков, когда он жонглировал мячиками и кольцами, на сцене появлялась Вера Михайловна, наряженная астрологом — в длинном черном плаще и высокой конусообразной шляпе, вся облепленная звездами, — и останавливалась у края портала. Через всю сцену она кидала Фану его цилиндр, и тот неизменно оказывался на голове владельца кабаре. Вера Михайловна бросала цилиндр, даже повернувшись спиной к Фану, но тот все равно успевал подбежать, и цилиндр точно опускался ему на макушку.

Своих коронных номеров Фан сегодня не исполнял: он спешил к себе в кабинет, где был накрыт столик для гостей — богатого купца Коврова и начальника китайской полиции. Разгримировавшись, Фан присоединился к ним, вернее, он потешал их, рассказывал смешные истории, показывал фокусы, танцевал.

Хотя время было еще не позднее, оба гостя сильно захмелели. Снизу слышалась музыка — в кабаре продолжалось представление, — но в комнате была своя музыка и свое представление: обняв свернутое в рулон одеяло, под патефонный фокстрот танцевал Фан. Гости хотели, глядя на него, а когда мелодия кончилась, Ковров переставил иглу на лаковый ободок пластинки.

Фан перевел дыхание — пришлося танцевать снова. Конечно, было мало радости выплясывать перед этой парой, но Чадьяров имел свой расчет. Прежде всего, Ковров дал деньги Фану в долг, когда тот открыл заведение. Правда, у Фана была возможность обойтись и без его помощи, но, взяв деньги, он попадал в некоторую зависимость, которая работала на его «историю» — бедного веселого казаха, вырвавшегося наконец из нищеты. Кстати,

именно веселый характер Фана, его смех, его умение танцевать способствовали тому, что Ковров дал ему деньги в долг.

Начальник полиции был нужен для другого: хорошие отношения с ним давали возможность Фану время от времени обращаться к нему с просьбами выпустить того или иного русского эмигранта, попавшего в полицию после очередной драки,— большей частью ими оказывались члены «Новой Российской партии». Но все же самым главным для Чадьярова в такие вечера было другое: довольно ценная информация, которую он извлекал из пьяных разговоров начальника полиции со своим ближайшим другом Ковровым.

Патефон умолк, и Ковров собрался было вновь поставить пластинку, но Фан, бросив одеяло, замахал руками:

— Пожалейте, я уже полчаса танцую, сил нет!

— Не хочет! — удивленно обратился Ковров к начальнику полиции.— Давай его кабаре закроем, а? Скажем, что он хунхузов прячет или наркотиками торгует.

В это время на столе Фана зазвонил телефон. Начальник полиции, сидящий неподалеку от аппарата, снял трубку.

— Хозяина к телефону,— сказал он, протягивая Фану трубку.

Фан шагнул было к столу, но Ковров, дернув его за ремень брюк, усадил рядом, на диван.

— Хозяин занят,— сказал Ковров,— танцует для друзей!

Он снова поставил пластинку и уставился на Фана. Тот тяжело вздохнул, поднял с пола одеяло, снова начал танцевать. Начальник полиции положил трубку.

— Какой-то пьяный звонил,— объяснил он Коврову,— я, говорит, из отеля «Националь», поставьте, мол, такие-то цифры на ruletku, а выигрыш ему, значит, в тридцать седьмой номер. Каков, а?

Чадьяров с размаху сел в кресло.

— Все! — решительно сказал он.— Ногу свело, не могу больше.— Он перевел дыхание.

Нужно было успокоиться. Потому что, как ни ждал Чадьяров этого звонка, как ни готовился к нему эти годы, все равно волнение, охватившее его, могло быть заметным.

«Связь, связь, связь,— отдавалось в нем в такт доносившейся снизу музыке,— связь, наконец-то!»

— Ах, так у тебя, может, и рулетка есть? — продолжал шуметь пьяный Ковров.

— Нет у него, — примирительно сказал начальник полиции. — Я знаю.

— Ну и что? — Ковров подмигнул. — А мы скажем, что есть! А по китайским законам запрещено!

Опять зазвонил телефон. Теперь трубку снял Чадьяров.

— Да, слушаю вас... Я хозяин...

— Опять этот пьяный? — возмутился начальник полиции. — Да пошли ты его...

Но Чадьяров предостерегающе поднял руку, прикрыл трубку ладонью, тихо рассмеялся:

— Умоляю, господа! — Потом в телефон: — Понял вас, поставить на девять? С удовольствием, но... — Он заговорил театральным шепотом: — У меня здесь сейчас начальник полиции, страшный человек, и его друг...

Гости захохотали. Чадьяров замахал на них рукой.

— У нас ведь рулетка запрещена, — продолжал он в трубку. — Как они уйдут, я вам сам позвоню... Вы в каком номере?.. Обязательно позвоню, всего доброго!

— Ну хитер, — сказал Ковров, смеясь, — ни с кем не хочетссориться, даже с пьяными. Все! — неожиданно гаркнул он и захлопнул крышку патефона. — Давай, горячее пусть несут!

— Момент. — Фан встал. — Лицо только сполосну.

Он прошел в ванную, закрыл за собой дверь.

— И девочек позови! — орал из комнаты Ковров. — Скажи, два красавца скучают, любви хотят!

Чадьяров открыл кран в умывальнике, потом в ванной. Шум воды перекрыл все звуки снаружи. Он сидел, прислонившись к стене, и глядел в окно. Ярко светились в темноте электрические буквы над «Фудзи-банком», все окна в здании были черны, только из кабинета управляющего Тагавы в щель через неплотно прикрытую портьеру лился мягкий свет.

«Ну вот и начинается работа!» — радостно подумал Чадьяров.

Шумела вода, из комнаты доносилось пьяное пение Коврова, и Чадьяров тихо рассмеялся: «Вот ведь хозяин целого кабаре в два этажа, а единственное место, где я могу хоть немного быть самим собой, — ванная комната...»

Снова — уже в который раз за эти годы! — Чадьяров вспомнил Испанца, друга детства, потом фронтового дру-

га. Оба они пришли в разведку, но работали вместе только один раз. Конечно, Чадьяров не надеялся, что сюда к нему пришлют именно Испанца, но в глубине души... А, все равно! Радость оттого, что он теперь не один, заглушала в нем остальные чувства.

Быстро перебирая ногами, Фан сбежал по лестнице в зал. Все шло заведенным порядком. Ритмично двигались по сцене девушки, гремел оркестр, между столиками сновали официанты. Фан посмотрел на часы: без десяти девять. У него было еще время, чтобы заглянуть в кладовку и выбрать там бутылочку какого-нибудь вина для подарка.

Без пяти девять Фан пересек улицу и вошел в кафе Иохана Штольца. Там было немноголюдно. Хозяин увидел Фана, расплылся в улыбке и вышел к нему навстречу.

— Дорогой сосед,— поклонившись, сказал Фан,— у меня сегодня удачный день, и посему прими от меня этот подарок.— Он протянул Штольцу вино.

Штольц покраснел от удовольствия, для порядка стал отказываться. Фан перебил его:

— Я зайду к тебе?

Штольц подхватил Фана под руку, провел к себе в кабинет и положил перед ним кипу газет.

Фан подсел к телефону, посмотрел на часы. У него оставалось еще три минуты.

Чадьяров ежедневно читал газеты в кабинете Штольца. Конечно, Штольц и мысли не допускал, что господин Фан читает что-нибудь, кроме объявлений о продаже антиквариата. Но и это держалось под большим секретом. Дело в том, что господин Штольц был посвящен в новую коммерческую затею Фана — открыть в Харбине крупный антикварный магазин. Теперь Штольц понял, зачем господин Фан привлекал у себя русских эмигрантов: они могли стать потенциальными поставщиками ценных и редких вещей. Кое-что Фан уже приобрел, но хранил пока у Штольца. Как объяснял сам господин Фан: не стоило Коврову знать истинных размеров его доходов.

Чадьяров быстро и внимательно проглядывал газеты. Как ни был взволнован он ожиданием предстоящего разговора со связным, мозг работал четко и хладнокровно. Казалось бы, последние события в Японии непосредственно его не касались, но профессиональная интуиция под-

сказывала, что трагедия, связанная с семьей Камато Куроды, есть не что иное, как попытка изменить внешнеполитический курс страны, а может быть, повлиять на изменение соотношений сил на международной арене.

Ясно одно: гибель Куроды — политическое убийство. Совершено оно было по несложной схеме: предупреждение, шантаж, убийство дочери, избиение жены и, наконец, убийство самого политического деятеля. Как правило, действия такого масштаба означают серьезные изменения, и, судя по всему, не в лучшую для Страны Советов сторону: прогрессивные взгляды господина Куроды были известны многим.

Стрелка часов подобралась к девяти. Чадьяров отложил газету, снял трубку телефона:

— Отель «Националь»? Мне тридцать седьмой...

Телефонистка попросила подождать, и через несколько секунд в трубке послышался мужской голос.

— Добрый вечер,— сказал Чадьяров,— я по поводу рулетки.— Некоторое время он слушал, что ему говорили, потом сказал: — Я понял, я готов...— Вновь помолчал, слушая.— В любой момент...— Задумался, что-то прикидывая в уме, и произнес: — Пяти дней хватит... Вас понял. Хорошо, в это же время... Доброй ночи! — Бережно, двумя руками, он положил трубку на рычаг.

Из телефонного разговора Чадьяров узнал свое задание: в центре внимания должен находиться «Фудзи-банк». Следующая связь через пять дней.

Видимо, в Москве уже известно, что «Фудзи-банк» — самая серьезная организация в Харбине. Может быть, приезд Хаяси и Сугимори знаменует начало какой-то серьезной операции. Конечно, в Центре не могли знать, что Чадьяров подобрался к банку вплотную. Несколько месяцев назад помощник управляющего банком намекнул Фану на возможность более близкого общения, но тогда Чадьяров сделал вид, что не понял намека, а вот теперь настала пора...

На другой день он снова пришел к Штольцу. Тот был любезнее обычного: утром Шпазма сообщил ему, что хозяин разрешил отдать старые софиты господину Штольцу бесплатно. Правда, Шпазма всячески намекал на свое содействие, но Штольц предпочитал таких намеков не понимать. На софитах он сэкономил приличную сумму, и видеть господина Фана ему было приятно. Он проводил его в свой кабинет, как всегда, оставил газеты и вышел.

Чадьяров запер дверь и подошел к зеркалу, висевшему на стене. Это было одно из антикварных приобретений господина Фана. Чадьяров аккуратно снял его, положил на пол, тыльной стороной вверх.

Задняя стенка оказалась съемной. Чадьяров отложил ее в сторону. Под ней был лист картона. Лист этот состоял из двух склеенных половинок, разделив которые, Чадьяров вытащил старую, выцветшую фотографию. Три красноармейца стояли обнажившись на фоне плохо нарисованной балюстрады. Чадьяров в центре. Фуражка лихо сбита на затылок, гимнастерка выгорела, на темном от загара лице в ослепительной улыбке белеют зубы.

Фотография была сделана сразу после боя за станцию Рыбачья. В том бою Чадьярову повезло: осколком ему срезало пряжку на ремне, да так срезало — словно бритвой, а на гимнастерке даже следа не осталось. Этот ремень долго еще висел у Чадьярова дома на стене.

И опять, так же как и в тот далекий день, когда они втроем пришли в уездную фотографию, Чадьяров остро, как будто это случилось вчера, почувствовал горькую досаду: рядом не было Испанца. Испанец в те дни с другим отрядом находился далеко, и увиделись они только через месяц.

Чадьяров собрал зеркало, повесил на место. Некоторое время смотрел на фотографию, потом аккуратно порвал ее на мелкие кусочки, сунул в карман и вышел из кабинета Штольца.

В «Логосе» он поднялся к себе, высыпал клочки фотографии в мусорную корзину, свободно опустился в кресло, стоявшее у письменного стола, и только тогда крикнул в дверь:

— Шпазма! На доклад!

Шпазма постучался, но, не дождавшись ответа, вошел в кабинет. Вид у него был жалкий, волосы растрепаны, галстук съехал на сторону, рубашка — без двух пуговиц. Хозяин кабаре с интересом уставился на Шпазму:

— Ты в зоопарке был?

— Был, в Одессе... — не сразу понял Шпазма.

— А чего сбежал, плохо кормили? — Фан расхочтался: — Ты посмотри на себя.

Шпазма торопливо одернул пиджак, пригладил волосы.

— Собственно, — начал он, — это уже вертеп какой-

то... — И стал подробно рассказывать об очередном утреннем скандале.

Чадьяров тем временем встал, прошел в ванную.

Илья Алексеевич заметил клочки фотографии в мусорной корзине сразу, как вошел, и тут же почувствовал необъяснимый ужас: клочки фотографии предстояло украсить. Другого выхода не было. Но что это сулило ему, Шпазме?..

Из ванной доносился шум воды, Шпазма машинально продолжал рассказывать о скандале в кабаре, со страхом поглядывая на корзину с обрывками фотографии и все еще не решаясь к ней подойти.

Чадьяров промокнул полотенцем чисто выбритое лицо, налил в ладонь одеколона, с удовольствием провел по щекам и шее.

— Хватит! Надоело! — прервал он доносящийся из-за двери рассказ Шпазмы.

Фан вышел из ванной. Он был гладко выбрит, причесан, от него пахло дорогим одеколоном.

Шпазма стоял у самой двери, бледный, с подрагивающими губами, и смотрел в сторону хозяина, стараясь не встретиться с ним взглядом.

— Надоело, Шпазма, — повторил Фан. — Кто доплывает до берега? А? Помнишь?

— Помню. Веселые ребята, — чуть слышно произнес Шпазма.

— То-то! Улыбайся, распорядитель. — И Фан, весело отщелкивая пальцами такт, ловко проделал замысловатое па, одно из тех, что делали девушки в его программе.

Шпазма попытался улыбнуться.

— Иди вниз, я спускаюсь, — сказал Фан.

Илья Алексеевич торопливо поклонился и вышел.

Когда Чадьяров остался один, он подошел к столу, заглянул в корзину. Клочки фотографии не было.

«Поехали, — сказал себе Чадьяров, — держись...»

5

В Москве стояли первые по-настоящему весенние дни. Окна были распахнуты настежь, и по темному коридору опустевшей квартиры в арбатском переулке гулял сквозняк. Все, кроме Паши Фокина, были на работе. Только соседка Екатерина Егоровна варила что-то на кухне да

вернувшийся ночью из рейса машинист Полозов сидел у окна с газетой.

У Фокина была большая стирка. Поперек ванной он положил доску, на ней стояло корыто, полное пены. Паша, в повязанном поверх брюк клеенчатом фартуке, тер по стиральной доске и пел:

Белая армия, черный барон
Снова готовят нам царский трон...

— Вам, Паша, пора бы другие песни разучивать, — подала голос из кухни Екатерина Егоровна. — На вашей новой родине за такие песни бамбуковыми палками по пяткам...

— А что вы с ним разговариваете? — всхлипнул Полозов; он говорил громко, чтобы Паша слышал, но обращался к Екатерине Егоровне. — О чем с ним говорить? Дать ему по рогам!..

Паша решительно вышел из ванной, ни на кого не глядя, пересек кухню и скрылся за дверью. Когда шаги его затихли, Екатерина Егоровна вздохнула:

— И ведь друзей-то у него никого не осталось. Раньше хоть кто-то заходил, а теперь уже месяца четыре никто носа не кажет...

— А наверное, поудирали все дружки, — предположил Полозов. — Потому и не ходят.

В дверях появился Паша.

— Видали? — Он бережно держал в мыльных руках новенький заграничный паспорт. — Это я приобрел в советском учреждении за советские деньги! Понятно вам?.. И потому лучше бы помалкивали, а то заладили: бежит, бежит! Не бежит, а уезжает. Купил Паша Фокин в «Торгсине» паспорт и уезжает. В международном вагоне, между прочим. Может, вы, товарищ Полозов, еще и паровоз поведете. А потом из рейса вернетесь и будете на кухне вот здесь сидеть, думать, кому бы по рогам дать — Пашато уехал! А Паша придет из офиса в свой коттедж — и сам себе хозяин. Захочу — отправлюсь в кино, захочу — встану посреди города и буду орать, что в голову придет, — свобода! Я инженер, понятно вам? А тут сам стирать должен. Сплю на раскладушке, пытаюсь одними консервами. То заседания, то собрания. А в свободной стране инженеры — вне политики. Пифагоровы штаны на все стороны равны — что у нас, что в Маньчжурии. — Паша аккуратно засунул паспорт в карман брюк под фартук. —

Книжку бы лучше почитали, чем людей настраивать, — сказал он, проходя мимо Полозова. — А еще ответственный съемщик!

С тазом в руках Паша вышел в тенистый двор и стал развешивать на веревке выстиранное белье. Скоро под теплым ветром Пашины рубашки весело замахали рукавами.

Покончив с бельем, Фокин вынес из дома зубной порошок, развел его водой в баночке из-под монпансье и, присев на край старого, потрескавшегося фонтана, стал покрывать этим раствором свои парусиновые туфли.

Девчонки в углу двора прыгали через веревочку, а в окне второго этажа сидел Полозов и по совету Паши читал книжку. Читал вслух, медленно и внимательно выговаривая слова:

— «...Им, гагарам, недоступно наслажденье битвой жизни: гром ударов их пугает...»

Паша терпел и изо всех сил старался быть выше декламации машиниста.

— «Глупый пингвин робко прячет тело жирное в утесах», — громко вещал Полозов.

Наконец терпение Паши лопнуло, и он метнул в Полозова недочищенный ботинок, но промахнулся. Ботинок угодил в окошко соседней квартиры, но, к счастью, стекла не разбил, а, ударившись о раму, упал на карниз. Окно со звоном распахнулось, и в нем показалось испуганное лицо гражданки в халате. Увидев перед собою на карнизе Пашин ботинок, она схватила его и с криком: «Эмигрант проклятый!» — швырнула им в растерянного Пашу. Тот пригнулся, но поздно: под ликующий взгляд Полозова ботинок угодил Паше по спине...

А через несколько дней Паша уезжал.

На вокзале было многолюдно. Отправлялись в далекий путь строители Турксиба. Отовсюду слышались песни, громкие разговоры, смех. В середине перрона образовался круг — плясали под гармошку. Из окон вагонов выглядывали смеющиеся лица, повсюду мелькали цветы, лозунги, транспаранты.

Паша с трудом протиснулся к своему вагону. Вид у него был растерянный. Он поминутно вытирали платком вспотевший лоб, переступал с ноги на ногу, озирался. К какой-то парень сунул Паше огромный транспарант с надписью: «Даешь Турксиб!», а сам, натянув потуже кепку, прыгнул в круг и пошел лихо отбивать чечетку, счастливо улыбаясь. А Паша стоял с транспарантом в руке и не

знал, что делать. Кругом были счастливые, радостные лица, лица людей, объединенных единой жизнью молодой страны, и среди них Паша выглядел потерянным и несчастным.

Но вот поезд медленно тронулся.

Паша, растерянно улыбаясь, шел рядом с вагоном. Поезд прибавил ходу, Паша уже бежал, но не садился. Его тянула за рукав проводница, а он смотрел с тоской назад, на вокзал, на ликующих людей. Наконец вскочил в тамбур и снова смотрел, махая кепкой...

6

Принимать товар Фан не доверял никому. Всегда делал это сам. Сам считал ящики, взвешивал, проверял бумаги, платил тоже сам — и делал все это не из большой любви к своей профессии, а просто из боязни проторговаться. Он еще не в совершенстве постиг все тонкости коммерческого искусства, а с поставщиками нужно было держать ухо востро.

В это утро на заднем дворе кабаре «Лотос» Фан руководил разгрузкой ящиков с вином. Одна бутылка разбилась, и, когда уборщица принялась убирать осколки, он громко, с раздражением сказал:

— Я не жадный, я могу подарить десять бутылок, но за каждую разбитую буду штрафовать в тридорога. Только так можно научить относиться к моему, как к своему.

— Ну если так,— заметил старик повар,— то почему бы мне не отнестись к вашему капиталу, как к собственному?

— Хорошая мысль,— одобрил Фан и, приблизившись к князю, продолжил тихо: — Именно этому обучают работники Окруделнаобраза при Наркомпросе РСФСР, расположенного в настоящее время в вашем бывшем имении... С такими мыслями вас лучше поймут там...— И он скрылся в проеме черного хода, оставив князя в полном недоумении.

Узкая лестница вела в тускло освещенный коридор с обшарпанными стенами. Коридор выходил в сводчатое помещение, служившее сейчас Фану подиумом склада. Все было заставлено ящиками, бочками, бутылями.

«Тут со временем можно будет сделать еще один зал»,— подумал Чадьяров и усмехнулся: коммерческая смекалка работала уже вовсю.

В темном коридоре кто-то преградил Фану дорогу. Он пошарил по стене, нашел выключатель. Под потолком загорелась тусклая лампочка.

Чадьяров увидел перед собой девушку, одну из своих танцовщиц.

— Что вам, Наташа?

— Хозяин... — Девушка была очень взволнована, с трудом переводила дух. — Я хотела сказать... Вы... в общем, я встречаюсь с одним человеком... ну, из этих... из...

— Из «новой» партии, знаю, — перебил ее Чадьяров. — Знаю, ну?

— И он мне сказал вчера... Что нас... вернее, вас... они собираются громить... Только, хозяин! — Девушка схватила Чадьярова за руку, умоляюще посмотрела на него. — Он убьет меня, если узнает, что я его выдала!.. Но вы так добры к нам... Я прошу, не надо сегодня работать...

Чадьяров осторожно высвободил руку, взял девушку за плечи. Нужно было как-то успокоить ее, чтобы она не наделала глупостей.

— Успокойтесь, Наташа, — сказал он мягко. — Все будет хорошо. Успокойтесь и идите работать...

— Я клянусь вам!.. — с жаром заговорила девушка, решив, что хозяин ей не поверил.

— Хорошо, Наташа, спасибо, — улыбнулся Фан и, настырив, взбежал по лестнице в зал.

«Сработало», — с волнением подумал Чадьяров, направляясь к бару, на который Катя, дочь Веры Михайловны, только что поставила поднос с посудой. Он взял Катю под руку, отвел в сторону, негромко сказал:

— Хрусталь сегодня не ставь, что-нибудь попроще...

На ее вопросительный взгляд ответил короткой улыбкой и, подмигнув, побежал переодеваться.

Вечером в кабаре, как всегда, шла программа. Из зала на кухню доносились музыка. По лестницам с подносами сновали официанты. У окошка раздачи собралось несколько человек. Подбежавший последним официант вытер вспотевшее лицо салфеткой.

— У тебя как? — обратился он к товарищу.

— Никак, — ответил тот мрачно. — Разумовский с друзьями сел, я обрадовался, а они три пива взяли и тянут пятый час. И не уходят, сидят...

— Что-что? — остановился вынырнувший откуда-то Фан.

Официанты растерялись.

— Ничего, хозяин,— смущенно улыбнулся говоривший.— Удивляюсь только, господа разумовские нынче слабо ужинают. Я думал, как обычно, а они... даже обидно...

— Худеют, наверное,— предположил Фан и побежал наверх.

«Серьезно будут бить, натрезвую,— думал Чадьяров, поднимаясь по лестнице.— Ну-ну...»

В глубине зала за угловым столиком сидело человек семь в черных рубашках, со значками на груди. Это были члены «Новой Российской партии». Они угрюмо глядели на сцену и почти не разговаривали. На столе, кроме трех полупустых бутылок из-под пива, стаканов и пепельницы, ничего не было.

Разумовский, блондин лет сорока, с редкими, гладко причесанными волосами, с крупными, всегда влажными розовыми губами, сидел, откинувшись на спинку стула, и курил. Под глазами у него набухли желтоватые мешки, выдававшие человека пьющего и больного. Он испытывал некоторый комплекс по отношению к женщинам, отчего все его романы были шумны, скандальны и скоротечны, любил нравиться, сорил деньгами и красил волосы, о чем свидетельствовала тонкая темная полоска у корней волос.

Теперь Разумовский следил за Фаном, который, лавируя между столиками, направился к ним с неизменным стаканом молока в руке.

— Слава России! — Фан, приветствуя, поднял руку.— Что с вами, господа, сегодня?

— С каких пор вы так здороваетесь? — спросил с недоброй усмешкой Разумовский. Он был бледнее обычного, отчего его розовые влажные губы броско обозначились на лице.— Или господин Фан уже член нашей партии?

— Нет, что вы! — засмеялся Фан.— Я вне политики. У меня своя партия — клиенты! — Он обвел веселым взглядом присутствующих.— Так что случилось? Траур? Крах? Банкротство?

— Это все впереди.— Разумовский глядел ему прямо в глаза.

Фан сделал вид, что не понял угрозы, пропустил ее мимо ушей.

— Ну, ваше здоровье, господа.— Он осушил свой стакан молока и стал пробираться к эстраде — скоро его выход, а у него оставалось еще одно дело: исключить приезд полиции раньше времени.

Кабинет Чадьярова был заперт. Его телефоном никто воспользоваться не мог. Но в «Лотосе» был еще один аппарат — на сцене. Чадьяров остановился за кулисами. Рядом чечеточник под музыку выбивал дробь. Чадьяров огляделся, шагнул в темноту портала, нашупал на стене телефон, снял трубку и рывком оторвал. Как ни в чем не бывало вышел на светлое пространство сцены.

Девушки уже стояли, готовые к выходу: в полосатых визитках, канотье и с тросточками.

— Пора! — запищела Вера Михайловна.

— Спокойно, артиллеристка, — перебил ее Фан. — Веселый Фан никогда не опаздывает. — И скрылся в комнате за сценой.

Скинув пиджак, Чадьяров присел к столику, раскрыл коробочку с гримом. Он был собран, сосредоточен. Наконец опять ощущил то уже забытое им состояние напряженного покоя, которого давно не испытывал. Тело было легким, голова ясна; все было рассчитано и шло по плану. «Главное, — подумал он, — не дать себя убить».

В зале погас свет, грянул оркестр, в цветных лучах прожекторов на сцене появились девушки.

Вновь с вами встретиться
Рады всегда мы,
Мы ваши дамы, мы ваши дамы! —

бойко пели они.

При последних словах завершающего куплета: «Веселый Фан не прощается с вами!» — девушки расступились, и на сцену выбежал сам Фан — в белом смокинге, с огромным лиловым бантом и с такой же лентой на канотье. Встретили его аплодисментами.

Оркестр грянул громче. Девушки пошли по кругу; оказываясь перед Фаном, каждая опускалась на одно колено, он брал с ее головы канотье и кидал в зал. Не успевала одна шляпа описать круг и вернуться на эстраду, как над залом уже летела другая, третья... В воздухе ленты со шляп соскальзывали, захмелевшие посетители ловили их на лету.

Наконец представление окончилось, прошелестел занавес, сверкая блестками. Зал начал пустеть. Официанты с шумом сдвигали стулья, позывали, собирая со столов посуду.

Прямо со сцены Чадьяров вошел в гримерную Веры Михайловны.

— Чтобы через десять минут я не видел здесь ни единой души. Вам ясно? — тихо сказал он.

— А в чем дело?.. — начала было Вера Михайловна, но осеклась.

Чадьяров негромко, но очень явственно выругался. Вера Михайловна впервые услышала такое от хозяина и была изумлена настолько, что не нашлась, что ответить, бросилась подгонять переодевавшихся девушек.

Чадьярову было сейчас не до объяснений, он и так делал многое, на что не имел права. Конечно, чем больше людей пострадало бы от погрома, тем было бы лучше, выгоднее для Чадьярова, но нельзя же вмешивать девушек.

Он стоял у стены и смотрел, как танцовщицы, застегивая на ходу плащи, выходили из кабаре через артистический выход. Первой в дверь проскользнула Наташа; в течение вечера она несколько раз умоляюще смотрела на Фана, но тот упорно этого не замечал, а подойти Наташа не решилась.

Когда последняя из девушек вышла, Чадьяров запер дверь на ключ, спрятал его в карман, потом пошел по кирпичному коридору кулис, спустился в почти пустой зал и направился прямо к столику Разумовского.

— Господа, мы закончили, — улыбаясь, на ходу сказал Фан и хотел было пройти мимо.

Но Разумовский ногой преградил ему дорогу:

— Момент!

Фан в недоумении остановился.

— Товарищ, подпиши карточку. На память... — Ухмыляясь, Разумовский вынул из кармана лист бумаги склеенной из кусочков фотографией. — Гнида! — презрительно бросил Разумовский. — Веселый Фан! Ну, ничего, мы сейчас тебе фалды-то задерем. — И он кивнул одному из своих.

Со стула поднялся огромный детина, в кулаке он сжимал что-то длинное, завернутое в газету.

— Послушайте... — тревожно начал Фан. — Господа... Я вам сейчас все объясню... Господа...

Испуганным взглядом Фан следил за бандитом, который не спеша пересек зал, зашел за стойку бара, но Катя преградила ему дорогу.

— Сюда нельзя, — вежливо сказала она.

Детина отодвинул Катю, развернул газету — в ней оказался полуметровый кусок водопроводной трубы.

Первый удар пришелся по бутылкам, второй и третий размолотили поднос со стаканами и большую пепельницу. Катя пронзительно закричала, на ее крик выскочил Лукин, он перемахнул через стойку и бросился на бандита.

— Что вы делаете, господа?! — умоляюще вскрикнул Фан.

Лукин с разбегу ударили бандита головой в живот, тот охнул, оседая на пол. Лукин бросился на него, опрокинул, и они покатились по осколкам. Бандит был сильнее Лукина, сначала он скинул его с себя, потом двумя ударами свалил под стойку. Грохнулась на пол стоявшая в углу ваза, с треском лопнули сдираемые с окон шторы.

— Перестаньте! — Фан метался по залу.— Умоляю, перестаньте!.. Что вы делаете? Я все объясню!

Он попытался схватить одного из бандитов за руку, тот ткнул его локтем в живот. Фан судорожно хватал ртом воздух. Бандит ударили его в челюсть. Фан упал, и второй удар, уже ногой, пришелся ему в бок.

«Затылок нужно беречь», — пронеслось в голове у Чадьярова. Он рванулся вперед, вскочил на ноги.

— Умоляю! — закричал он.— Господа! — Ему удалось увернуться от брошенной в его сторону тарелки.

Забившиеся в угол официанты с ужасом смотрели, как молодцы Разумовского крошили трубами оставшуюся на столах посуду.

Катя выскочила из-за стойки, кинулась за кулисы к телефону, но трубка была оборвана. Тогда девушка бросилась к артистическому выходу, однако тот оказался запертым.

Фан метался от одного бандита к другому, они отпихивали его и били. Бровь у него была рассечена, глаз затек, белый смокинг разорван.

С самого начала погрома Шпазма спрятался под лестницей и сидел там, заткнув уши. Его была мелкая дрожь, с губ срывались слова молитвы. Сначала он молился, чтобы Фана не убили, потом стал молиться, чтобы его убили, потому что, если его не убьют, он наверняка догадается, кто передал фотографию. Потом Илья Алексеевич стал молиться, чтобы убили Разумовского, потому что все это случилось из-за него. А потом уже Шпазма ни о чем не молился, только повторял: «Спаси, пронеси...»

В это время кто-то из погромщиков прошелся трубой по клавишам рояля; звон струн потонул в грохоте разбиваемых зеркал. Фан стоял посреди зала, закрыв лицо ру-

ками, и плакал. Потом в бессильном отчаянии схватил со стола какие-то тарелки, швырнул их в стену, сорвал скатерть вместе с оставшейся посудой.

— Нате, нате, громите!.. Ничего не надо! Все бейте! — Тут он заметил сидящего в стороне Разумовского и с воплем бросился на него, повалил вместе со стулом, схватил за горло.

— Вот этими руками все нажил! — хрюпал в беспамятстве Фан. — Вот этими! Чуешь?! Не уйдешь! Я тебя кормил, я тебя и убью!

Разумовский выкатил глаза и завизжал. К нему на помощь кинулись сразу двое — страшный удар оглушил Фана. Он повалился на бок.

Разумовскому помогли подняться. От испуга он был близок к обмороку.

— Сволочи! — проговорил Разумовский, приходя в себя и поправляя галстук. — Все. Пошли! Веселый Фан прощается с нами! — С этими словами он перешагнул через лежащего без сознания хозяина кабаре.

Молодчики Разумовского с грохотом побросали трубы и удалились вслед за своим патроном.

Чадьяров, однако, не лишился сознания. Чувствовал, правда, себя плохо — все-таки не успел увернуться от удара сзади, просто не рассчитал, что двое подручных Разумовского подоспевают так быстро. Теперь нестерпимо ныла шея, мучило, во рту был противный солоноватый привкус.

Над Фаном склонились официанты, пытаясь понять, жив хозяин или нет.

— Что смотрите? — еле выговорил он и сам испугался своего голоса, так он был глух и слаб.

Шпазма протиснулся вперед. Кто-то принес воды, хозяину брызнули на лицо, осторожно подняли, довели до кабинета, усадили на диван.

Голова у Чадьярова кружилась, хотелось уснуть. Катя постелила постель. Попыталась помочь раздеться, но он отрицательно качнул головой.

— Вам плохо? — спросила Катя.

— Не надо, — с трудом произнес Фан.

Шпазма кинулся к телефону:

— Полицию! Немедленно вызовем полицию!

— Вон! — выдохнул Фан.

— Собственно... — опешил Шпазма.

— Все вон! — повторил хозяин.

«Догадался», — с ужасом подумал Илья Алексеевич и похолодел от этой мысли.

Оставшись один, Чадьяров посидел на диване, отдохая. Потом осторожно встал, придерживаясь рукой за стулья и стены, подошел к двери и запер ее. Постоял некоторое время, покачиваясь. Пошел в ванную.

— Та-ак, — проговорил он, идя к зеркалу, — посмотрим...

Из овальной рамы на него смотрел человек с заплывшим глазом, с рассечеными губами. Лицо, руки, смокинг — все было залито кровью. Чадьяров покачал головой. Попытался улыбнуться. Гримаса получалась кривая, но в целом Чадьяров остался собой доволен.

— За что боролись, на то и напоролись... — почти ножевеля разбитыми губами, проговорил он и подмигнул себе. — Теперь наш ход...

Весь следующий день Фан пролежал у себя в кабинете, никого не принимал, даже начальника полиции, и только князю разрешил приносить ему молоко, соки и кашу: жевать он не мог.

Илья Алексеевич Шпазма изнывал от страха и неизвестности, но продолжал исполнять свои обязанности, за исключением утреннего доклада.

Весь город знал о случившемся, и, конечно, поползли самые разнообразные слухи. Говорили и о том, что Фана чуть не убили за наркотики и что это дело «красных диверсантов». Узнать же правду никто толком не мог: двери кабаре были с утра заперты, окна завешены. Никому не разрешалось что-либо убирать в зале. Весь день Чадьяров делал примочки, ванны: перед тем как отправиться в «Фудзи-банк», нужно было хоть немного прийти в себя. И дело не в следах от побоев, они-то как раз нужны, но на продолжение второй части задуманной операции необходимы были свежие силы.

Вечером Фан позвал Шпазму. Илья Алексеевич с замиранием сердца явился к хозяину. Он был бледен, робко остановился в дверях.

— Подойди! — приказал хозяин.

Илья Алексеевич сделал шаг и остановился.

— Ближе.

Шпазма сделал еще два шага.

— Спасибо тебе, — проникновенно сказал Фан.

Илья Алексеевич, ожидавший чего угодно, только не благодарности, с изумлением уставился на хозяина.

— Ты настоящий друг,— продолжал Фан,— я видел, как ты сражался вчера, и понял, что в тебе не ошибся.

«Или бредит, или издевается»,— решил Шпазма, но промолчал и на всякий случай скромно опустил глаза.

— С этого дня я увеличиваю тебе жалованье,— сказал Фан и устало откинулся на подушку.— Завтра в девять— одеваться и молоко.

— Зеленщика вызывать?

— Нет. Иди.

Шпазма, низко поклонившись, вышел. «Я не знаю, за что его били,— весело думал он, сбегая по лестнице,— но то, что он полный идиот, совершенно ясно! Ничего не понял. С кем он меня мог перепутать в драке?.. С Лукиным, что ли? — Он вспомнил про Лукина и еще раз порадовался: — Наконец-то этот мерзавец получил сполна, до сих пор языком еле ворочает, встать не может...»

А Чадьяров, проводив своего распорядителя, мог спокойно продумать весь ход завтрашней встречи. Через час он сел к столу, раскрыл большой телефонный справочник и велел телефонистке соединить его с «Фудзи-банком».

— Прошу прощения за столь поздний звонок,— сказал Фан вежливо.— Я бы хотел поговорить с господином Тагавой...

7

На следующее утро, когда Шпазма пришел будить хозяина, тот был уже на ногах. Выпив молока, Фан потребовал подать ему свой старый, изношенный костюм и рубашку с вытершимся воротником. Галстука он не надел.

Илья Алексеевич все исполнял быстро, стараясь беззвучно передвигаться по комнате.

Одевшись, хозяин взглянул на себя в зеркало, поправил наклейку на брови и вышел. С самого утра и до ухода Фан был непривычно молчалив, распоряжения отдавал сухо и кратко. Казалось, он был чем-то озабочен. Но Шпазма не посмел задавать вопросов, а все предположения, которые он строил на этот счет, его только пугали.

29 апреля в 9 часов 30 минут утра большие зеркальные двери «Фудзи-банка» закрылись за вошедшим в них Фаном.

Какой-то человек, не обратив ни малейшего внимания на побитое лицо Фана, проводил его на второй этаж.

А еще через десять минут Фан сидел за чайным столиком и, комкая край своего пиджака, говорил со слезами на глазах:

— Вот смотрите: на лбу — это трубой, язык еле ворачается, глаз чуть не выбили. И все за что? За что, спрашивается?

Напротив него сидели господин Тагава, управляющий банком, и его помощник. Они слушали всхлипывающего Фана, пили чай, сокрущенно качали головой.

— И спрашивается, за что все это? — продолжал Фан торопливо. — Только за то, что я всю жизнь ненавидел политику? И не хотел ею заниматься?.. А из-за чего? Нашли где-то на помойке, даже ума не приложу как, старую мою фотографию! И все! Да! Служил в Красной Армии, а куда мне было деваться? Когда говорят: кто не с нами, тот против нас! Любой бы пошел! И вы пошли бы!.. Я казах из Синьцзяна, сын богатых родителей, не пошел бы — убили, и все! — Фан, давясь, несколько раз хлебнул остывший чай. — Ни разу я в этой проклятой армии не выстрелил, ни разу! Переводчиком при штабе просидел. Отец, слава богу, языку успел научить. Но потом же я сбежал от них! Не выдержал, сбежал! А куда? Бежать-то, выходит, некуда. Там на меня шинель слишком надели, а здесь чуть не убили... — Фан горестно покачал головой. — А как я здесь начинал? Жил — двадцать шесть ступенек наверх, комната, как ваш стол, худая крыша, любой дождь пропускает. Кого это волновало? Когда я в «Лотос» устроился, помните, что это за дыра была? День и ночь работал, в одной рубашке ходил — ночью стирал, а утром еще в мокрой на работу шел. Зимой! Плакал от холода. А кому до этого дело было? А вот когда жонглер Фан стал хозяином, выплатил почти все деньги за кабаре да сделал из него лучшее заведение в городе, тогда всем стало дело до господина Фана... И я ведь ни с кем ничего, никакой политики, чистая коммерция!

Он замолчал, суетливо порылся в карманах, достал большой мятый носовой платок, вытер вспотевший лоб, промакнул кровь, пропустившую сквозь тонкую наклейку над бровью.

— Господин Фан, — тихо заговорил помощник управляющего после недолгого молчания, — вы вот все время повторяете, что политика вас не интересует, а тогда зачем же вы каждое утро сжигаете газеты. Разве это не борьба?

— Вот-вот! Именно! — с жаром воскликнул Фан.— Я как раз хотел сказать — это и есть моя борьба с политикой вообще, понимаете? Я...

— Вот видите,— перебил его улыбаясь Тагава.— Когда вам пытаются внушить что-то с помощью газеты, вы ее сжигаете, а когда — с помощью трубы, приходите к нам, а ведь мы из тех, кто читает газеты.

— Все понятно,— тяжело вздохнул Фан и встал.— Прошу извинить.— И, прихрамывая, направился к двери.

— Ничего,— улыбнулся ему вслед Тагава.— Идите, господин Фан. Идите и подумайте. Вы коммерсант и должны знать, что за все полагается платить.

— Но вы говорите не о деньгах, а это уже не коммерция,— ответил Фан в дверях, поклонился и вышел.

Некоторое время Тагава задумчиво смотрел на закрывшуюся за Фаном дверь. Потом негромко проговорил:

— Идеальная кандидатура... Синьцзян, Красная Армия, Казахстан...

И тут дверь, на которую Тагава продолжал смотреть, медленно открылась. В щель просунулась голова Фана.

— Я подумал,— грустно улыбнулся он.— Поэтому и пришел...

Весь следующий день Чадьяров провел дома. Он ни с кем не встречался, на телефонные звонки не отвечал.

Для принятия каких-либо дальнейших решений ему необходимо было встретиться с человеком из Центра.

Вчера, после четырехчасовой беседы в «Фудзи-банке», веселый Фан был завербован японской разведкой. Он согласился на это, страдая и препираясь. Ничего конкретного ему пока не сказали, но расстались с ним чрезвычайно учтиво, обещали помочь восстановить кабаре, разобраться с Разумовским, с которым Тагава оказался «немного знаком». Часа через два, после того как Фан вернулся домой, из «Фудзи-банка» посыльный принес конверт с чеком на довольно крупную сумму...

В семь часов вечера Чадьяров поужинал у себя в кабинете, потом лег на диван и уснул. Проснулся он в половине девятого, встал, прошел в ванную, осмотрел начавшие заживать ссадины, потом сел за свой письменный стол и стал ждать. Когда в девять глухо ударили стоявшие в углу кабинета большие часы, Чадьяров поднял трубку.

— Отель «Националь»... Тридцать седьмой... Могу ли я поговорить с господином Эрихом фон Риттенбергом? — спросил он, когда в тридцать седьмом номере сняли трубку.— Я по поводу мебели...— Секунду он слушал кого-то на том конце провода, потом сказал: — Хорошо.— И повесил трубку.

Было уже темно, когда Чадьяров оказался перед зданием отеля. Он прошел через вестибюль, поднялся на второй этаж. Тридцать седьмой номер находился в самом конце коридора. Коридор был пуст. Чадьяров постучал. Из-за двери ответил по-немецки мужской голос.

— Относительно мебели...— сообщил Чадьяров, и ему разрешили войти.

Чадьяров переступил порог и остановился — в комнате было совершенно темно.

— Закройте дверь, проходите. Прямо у окна кресло,— сказал из темноты тот же голос.

Чадьяров закрыл дверь.

Если не считать слабого света уличных фонарей, падавшего на потолок и часть стены, в комнате была полная темнота. Чадьяров сделал несколько шагов, но споткнулся обо что-то и тихо рассмеялся:

— Послушайте, я вас три года ждал, а вы меня так встречаете!

Мужчина не ответил.

Чадьяров дошел до окна, сел в кресло.

— Так и будем в темноте сидеть? — поинтересовался он.

— Да, так и будем,— сухо ответил хозяин номера и спросил: — Что у вас? Как дела?

— Если не смотреться в зеркало, хорошо. Разумовский разгромил мое заведение, я пожаловался «Фудзи-банку», завербован. Конкретного пока ничего. Правда, деньги на ремонт дали. И на новую мебель тоже. Деньги взял...

Дальше Чадьяров рассказал все, что думал о «Фудзи-банке», о приезде Хаяси и Сугимори, об убийстве Куроды.

Хозяин номера слушал внимательно. Помолчав немногого, заговорил сухо, без интонаций:

— Москва не хотела вас трогать. Однако вы к цели ближе всех, потому и получили приказ действовать. Положение тяжелое. Японцы смотрят на материк. Готовят что-то серьезное. А воевать мы сейчас не можем. Сил на войну нет. В Италии фашисты. В Германии тоже начин-

ют... — Хозяин номера встал, повернулся спиной, прикурил. Спичка на мгновение осветила его силуэт, белую рубашку, коротко стриженные волосы. Он затянулся, сел на место, продолжил: — В Японии, сами знаете, народ трудолюбивый, хочет мира. Но это — народ... Более того, в правительстве тоже сильны антивоенные настроения, но существует правое крыло — военные. Эти готовы на все, и в их руках сила — армия. Помните: возможна любая провокация, самая дерзкая. Задача: работа с японцами, глубокий, четкий анализ их действий. Связь, инструкции у вас будут. Как всегда — внимание, осторожность. Запасных вариантов у Москвы нет. Пока нет. Это все.

Он замолчал.

Чадьяров видел, как в темноте бледным пятном расплывалась рубашка связного, как розовый глазок сигареты плавно летал по воздуху.

— Вы готовы?

— Готов? — горько усмехнулся Чадьяров. — Я уже полтора года готов. Как мне вас называть?

— Никак. Через два часа я уезжаю.

— Что?! — У Чадьярова напряженно заходило сердце. — Уезжаете?! Да вы что, с ума сошли?

От одной мысли, что ему опять предстоит оставаться одному, без связи, стало жутко. Как он ждал этого человека! Как был счастлив, когда услышал пароль. И когда его били во время погрома, он не так ощущал эти удары, потому что знал — одиночество кончилось, он нужен, о нем помнят... Есть связь, а что теперь? Все сначала?

— Кому я нужен один? — с яростью шептал Чадьяров. — Три года просидел здесь без связи, без людей, без задания!.. Забыли, что ли, там про меня? Вы... ты сам-то представляешь себе хоть немного, что это такое, когда поговорить три года не с кем?! Когда унижение кругом, мерзость! Не приходилось тебе перед начальником китайской полиции плясать вечерком этак часика полтора? У меня почти два года все подготовлено — только работай! Но что я без связи? Нулю! В общем, так. — Голос Чадьярова стал твердым: — Передай в Москве: или у меня будет связь, люди и так далее — все, что нужно, или я...

— Хорошо, — сухо перебил его хозяин номера, — я передам! Вернусь и передам.

— Это когда же, интересно? — резко спросил Чадьяров.

— Когда вернусь... — повторил связной. — Если вернусь. Я ведь еще туда еду, а не обратно... — Он загасил окурок в пепельнице. — У меня все.

Наступила тишина. Тикал стоявший на тумбочке маленький будильник. По улице прогрохотала тележка.

У Чадьярова лопнула ссадина на губе, и теперь он сидел, слизывая, как в детстве, выступившую кровь. Ныл затылок, и, вообще, все тело отяжелело, захотелось скорее оказаться в своем кабинете, лечь на диван, накрыться одеялом, заснуть и долго не просыпаться.

Шумно вздохнув, Чадьяров провел рукой по волосам и глухо сказал:

— Вы меня не слышали. Забудьте. Извините — и забудьте.

Хозяин номера не ответил. Они помолчали, и Чадьяров спросил:

— Вы на поезде ехали? Через Казахстан?

— Да.

— Ну как там?

— Тепло.

Чадьяров встал:

— Не сердитесь. Я сделаю все, что в моих силах. Все, что приказано. До конца.

Он протянул собеседнику руку, тот крепко ее пожал.

— Я это знаю. И все это знают. Там, в Москве. Будьте осторожны. — Потом неожиданно засмеялся: — Здорово вы это придумали, с тележкой по утрам бегать! Я вас видел.

Чадьяров усмехнулся:

— Что делать? Веселый Фан. Городской сумасшедший.

Держа руку Чадьярова в своей, связной негромко сказал, неожиданно перейдя на «ты»:

— Ты даже не представляешь, что сейчас для Москвы значишь. Для страны... Счастливо тебе.

Чадьяров поднялся:

— Ты, случайно, Испанца не знаешь там, в Москве? — спросил он.

— Нет, — подумав, ответил тот.

— Жалко. Что ж, всего тебе...

В кабаре полным ходом шел ремонт. Стучали молотками плотники, работали паркетчики, маляры восстанавливали потолки.

ливали попорченную краску стен, стекольщики меняли зеркала.

Ссадины на лице Фана затянулись, синяки почти совсем исчезли. Он стал походить на прежнего веселого хозяина кабаре, шутил, бегал от одного рабочего к другому, помогал, давал советы.

Однажды утром в дверях кабаре неожиданно появился господин Тагава со своим помощником. Фан с приветливой улыбкой пошел навстречу гостям.

— Я вижу, господин Фан чувствует себя лучше,— приподняв шляпу и растягивая слова, проговорил Тагава.— Я вижу, господин Фан умеет работать...

Фан оживился, стал водить гостей по залу, рассказывать, что и как здесь будет через несколько недель: пользуясь тем, что все равно надо делать ремонт, он решил провести и некоторую реконструкцию подсобных помещений, оборудовать маленький зал внизу, расширить эстраду.

Гости вежливо слушали, с вниманием все осматривали, одобрительно кивали. Потом, наконец выбрав момент, господин Тагава наклонился к Фану и негромко сказал:

— Нам бы поговорить...

Фан сразу засуетился, повел гостей к себе в кабинет, достал из стола бутылку виски, три высоких стакана, но Тагава показал рукой, что пить не будет. Фан спрятал бутылку.

Некоторое время они улыбались друг другу. Потом управляющий банком вытащил из кармана какую-то длинную книжицу. Бросил на стол.

— Это вам,— сказал он.— Паспорт.

Фан испугался:

— У меня есть паспорт! — Он кинулся к висевшему на стуле пиджаку, начал рыться в карманах: — Сейчас, сейчас, момент...

— Не нужно,— улыбаясь остановил его Тагава.— У вас остается постоянный паспорт, а это — новый, на время.— Он достал из кармана конверт и бросил рядом с паспортом: — А это билеты.

— Какие билеты? Куда? — еще больше заволновался Фан.

— Билеты на Транссибирский экспресс. До Москвы и обратно... Ну и туристический полис на обслуживание,— продолжая улыбаться, пояснил Тагава.

— Что? — закричал Фан.— Зачем? Нет! Никогда! Да

что вы?! — Он схватил билеты, паспорт, резко отодвинул их по полированной крышке стола к господину Тагаве.— Обратно, туда?! Умоляю, что угодно! — Фан сложил на груди руки, в глазах его стояли слезы.— Только сейчас я вздохнул, дайте пожить!.. Умоляю! Я же все наладил... У меня ремонт... Вы же знаете, что это! Я же бежал, бежал, понимаете — бежал! Меня убьют там, умоляю!

Фан пытался упасть на колени перед сидящим в кресле Тагавой, но помощник схватил его под руку, усадил на стул.

— Вы поедете как китайский подданный,— сказал Тагава спокойно, словно не было истерики Фана и вопрос этот давно решен.— Туристом, задание несложное, простое задание. Получите его в дороге. Доедете до Москвы и тут же вернетесь.

Фан поднял на управляющего банком побелевшее лицо и одними губами прошептал:

— Умоляю...

Тагава в который уже раз ласково улыбнулся, прошелся по кабинету и продолжил:

— Успокойтесь, милый Фан. Это будет чудесное путешествие. Кстати, будете иметь возможность пополнить свой гардероб. У вас неважные костюмы, мы сошлем вам в дорогу новые. Скоро придет портной.

— Какие костюмы?.. — начал было Фан, но, не договорив, махнул рукой, поняв, что сопротивление бессмысленно. Он вынул из кармана платок, вытер лоб и тихо спросил: — А что я скажу здесь, в кабаре?

— Скажите, что уезжаете по делам недели на две. Или еще что-нибудь в этом духе, придумайте сами.

Фан принял с снова упрашивать, но зазвонил телефон. Трубку снял Тагава.

— Да,— сказал он,— конечно, ждем... — И положил трубку.— Это портной. Он сейчас явится. Приведите себя в порядок.

Фан устало кивнул, медленно прошел в ванную, запер за собой дверь. Умылся и посмотрел на себя в зеркало. Легкая улыбка скользнула по его губам. «Быстро я им понадобился,— подумал Чадьяров.— Хорошо ли это?..— Он вытер лицо, сел на край ванны.— Задание?.. Какое, интересно, задание можно дать такому идиоту, как веселый Фан, да еще завербовав его всего пять дней назад?.. Тут нужно соображать...»

В кабинет постучали. Чадьяров слышал, как хлопнула

дверь. Когда он вышел из ванной, вид у него был убитый. Кроме Тагавы и его помощника в кабинете оказался маленький японец, почти карлик.

«Ого, сам Хаяси! — мелькнуло в голове у Чадьярова. — Похоже на смотрины».

— Это портной, который будет шить вам костюмы, — сказал Тагава, уважительно глядя на карлика.

Карлик улыбнулся, закивал головой. Он неотрывно смотрел на Фана. Потом стал снимать мерку, но, для того чтобы дать возможность портному измерить ширину плеч, Фану пришлось сесть на стул.

— Не могли, что ли, портного нормального найти? — мрачно проворчал Фан.

— Прекратите! — неожиданно зло прошипел Тагава и быстро взглянул на портного.

Тот невозмутимо продолжал делать свое дело.

Фан, не ожидавший такой реакции на свои слова, испуганно моргал, глядя то на управляющего банком, то на странного портного.

Закончив обмерять Фана, портной поклонился и вышел.

— Завтра будут костюмы, — быстро сказал Тагава и заторопился вслед за Хаяси. Ушел и помощник, предварительно положив новый паспорт Фана и конверт с билетом на видное место.

«Так, — думал Чадьяров, оставшись один, — что мы имеем?.. Мы имеем паспорт на имя китайского гражданина, билет на Транссибирский экспресс и туристический полис первого класса... Только что завербованного агента, причем человека странного, отправляют на задание, которое контролируется самим Хаяси. Суть задания этот агент должен получить в поезде. Это значит, что кроме него будет ехать еще кто-то, знающий задание, — видимо, профессиональный человек. Один ли?.. Это и нужно узнать с самого начала...»

Хаяси вышел от Фана, повернулся за угол и сел в машину. Полковник Сугимори виновато посмотрел на шефа.

— Еще раз прошу простить меня, Хаяси-сан, за то, что вам пришлось это делать, — приложив руку к груди, сказал он.

— Ничего, Сугимори-сан, — с улыбкой ответил карлик. — Вы не виноваты, что выросли в богатой семье и вам не пришлось с детства зарабатывать себе на хлеб учеником портного...

У него было хорошее настроение. Сугимори это почувствовал и потому спросил:

— Ну как этот самый Фан?

— Вполне достойный мешок, — ответил Хаяси.

8

На следующее утро Чадьяров проснулся рано. Спал он в эту ночь часа два, и теперь голова его была тяжелой. Он с трудом поднялся, нашупал ногами тапочки, прошел в ванную, стал под душ.

Такого состояния он не испытывал уже давно. Последний раз он вот так же чувствовал себя с похмелья. А за все время, что Чадьяров находился здесь, он вышел только раз, когда такой же, как фон Риттенберг, транзитный связной сообщил ему о смерти матери. Чадьяров остался на свете совсем один. Это был единственный случай, когда Фана могли видеть пьяным. Но никто не видел. Чадьяров капли спиртного в рот не брал, пил только молоко. И дело было не в том, что этого требовала работа. Просто Чадьяров знал, какое усилие воли требуется потом, после этого мимолетного расслабления, чтобы собраться и снова делать свое дело.

Но не только в этом ограничил себя Чадьяров. Он сумел полностью оборвать в себе связи с прошлым, с тем, что осталось там, по ту сторону границы, — с домом, где он не был уже шесть лет.

Иногда он вспоминал свою жену, но нежный образ ее все более и более расплывался в памяти...

Маншук и их маленького сына Нуржана порубали басмачи, когда узнали, кем им доводится красный командир Касымхан Чадьяров. После их гибели Чадьяров не мог спать несколько месяцев. Он участвовал в самых опасных операциях, сражался, не жалея себя, искал смерти. Но смерть его щадила. Даже когда рядом падали убитые товарищи и конь под Чадьяровым с простреленной грудью ваился на бок, он оставался живым, словно жизнь специально хранила его для мести.

После свадьбы с Маншук он видел ее всего два раза, а маленького своего Нуржана — однажды. Касымхан боялся взять на руки этот живой комочек, а Маншук смеялась над неуклюжестью мужа и радовалась, что хоть в чем-то может быть более ловкой, чем он.

С тех пор прошло уже восемь лет. Время, занятное беспрестанной работой, делало свое дело. Постепенно и эта рана зарубцевалась. Ни одной фотографии Маншук у Чадьярова не было, и оттого образ ее постепенно стирался. В памяти остался лишь ее звонкий смех, который Чадьяров иногда слышал во сне. И это было страшно. Ему снилась женщина, у которой не было лица, волосы обрамляли белое пятно, и всю ее видел он словно сквозь запотевшее стекло. А смех был живой, чистый, долгий. Иногда один и тот же сон снился ему несколько раз подряд, и это становилось мучительным. Тогда он заставлял себя проснуться и начинал заниматься каким-нибудь делом: разбирал бумаги, счета, делал гимнастику — все что угодно, только чтобы сломать упрямую память чувства, которая все время пыталась вернуть его к прошлому, притупляя силы и размягчая волю...

Чадьяров выключил душ, вытерся насухо полотенцем, надел халат и вернулся в кабинет. Сел за стол и начал что-то чертить на бумаге. Так он делал всегда, когда хотел сосредоточиться. Нужно было еще раз проанализировать происходящее.

Могли ли его подозревать? Ну это всегда возможно. Подозревать Тагава должен всякого — такая работа. Были ли серьезные основания, чтобы подозревать Фана?.. Конечно. Жизнь в Казахстане, служба в Красной Армии... Однако именно его ставят в центр какой-то операции. Возможно, и не центральной фигурой. Но кандидатуру его утверждает сам Хаяси. Стало быть, роль, отведенная Фану, немаловажная... Теперь другое. Мог ли Чадьяров как-то «засветиться» по своей линии?.. Нет, это исключено. Конкретной работы он не вел. Встреча в «Национале» состоялась после вербовки японцами. Да и Эрих фон Риттенберг был в отеле зарегистрирован как поставщик мебельной фирмы, и общение Фана с ним было совершенно естественным.

Чадьяров отложил карандаш, потер лицо руками. Потом снова взялся за карандаш, нарисовал маленький паровозик с дымом из трубы...

А может быть, их интересует именно такой человек? С таким прошлым? С жизнью в Казахстане, со службой в Красной Армии?.. Но чем его прошлое может быть им полезно?

Чадьяров бросил карандаш в бронзовый стаканчик на столе, откинулся в кресле.

Ох как нужен был ему сейчас совет!.. Как ему не хватало Испанца...

Строго говоря, решиться на такую поездку в Транссибирском экспрессе с пересечением границы Чадьяров сам, без согласия Центра, не имел права. Но ничего опасного, ставящего под угрозу его дальнейшую работу, он в этой поездке не видел. К тому же связаться с Центром у него не было физической возможности.

Экспресс уходит рано утром послезавтра.

«Как Наполеон говорил? — вспомнил Чадьяров.— Надо навязать бой, а там разберемся...»

— Там разберемся, — повторил он вслух.— Нужно ехать. Хаяси и Сугимори пустяками не занимаются...

Чадьяров вызвал Шпазму, приказал ему, как только появится зеленщик, тут же доложить.

Илья Алексеевич заботливо предостерег хозяина: мол, рано ему возобновлять утренние пробежки, он ведь еще не совсем здоров. Фан сказал, что обойдется без советов, и попросил выполнить то, что приказано. Вскоре он спустился вниз, вышел на задний двор кабаре. Мальчишки-поварята снимали с тележки Гу плетеные корзинки зелени.

— Здравствуй, Гу,— сказал Чадьяров, пожимая руку китайцу.— Как отец?

— Спасибо, господин.— Китаец низко поклонился.— Он принимает лекарства и чувствует себя хорошо. Я слышал о вашем несчастье, могу ли я как-нибудь помочь?

— Можешь. — Чадьяров отвел Гу в сторону.— У меня к тебе просьба,— сказал он негромко.

— Человек, сделавший так много добра, не должен просить — ему достаточно хотеть.

— Спасибо, Гу. Прошу тебя, как друга, помочь. Мне нужно уехать по делам на Транссибирском экспрессе. У тебя, кажется, родственник работает в билетной кассе. Так вот, узнай, есть ли свободные места на послезавтра в международном вагоне. Только,— Чадьяров улыбнулся,— это коммерческая тайна, нельзя, чтобы об этом узнали. И еще. Мне очень важно выяснить, не едет ли в этом вагоне кто-нибудь из «Фудзи-банка». Я получил у них кредит, не хотелось бы посвящать их в мои коммерческие операции. Можешь ли ты это сделать?

Гу помолчал, сосредоточенно думая, потом поднял на Фана глаза:

— Смогу.

— Но это нужно узнать обязательно. От этого в моей жизни будет зависеть очень многое.

— Я не сказал «постараюсь», я сказал «смогу».

— Спасибо. Буду ждать.

Чадьяров пожал парню руку и пошел к себе.

Ремонт в кабаре еще не закончился. Зал был весь в лесах, но девушки уже репетировали на сцене. Вера Михайловна поминутно останавливалась репетицию, исправляла, показывала сама.

Фан направился за кулисы в каморку, где все еще отлеживался после погрома Лукин.

— Как дела, господин штабс-капитан? — спросил Фан.

— Спасибо, генерал, — слабо улыбнулся Лукин.

Он лежал на кушетке, накрытый суконным одеялом. Рядом, на стуле, — несколько склянок с лекарствами. На левой части лица был еще виден сильный отек, но губы уже поджили.

— Спасибо за медикаменты, генерал. Но, откровенно говоря, лучше б коньячку-с.

— Не время, Лукин, надо сначала выздороветь, — сказал Фан, садясь на кушетку. — Я уезжаю ненадолго... Кроме тебя, мне положиться здесь не на кого...

— А как же верный пес, красавец Шпазма? — удивился Лукин.

— Так вот, — продолжал Чадьяров, пропустив эту фразу мимо ушей, — прошу тебя, пока меня не будет, не напивайся, будь молодцом, последи за хозяйством... деликатно, ненавязчиво...

— О-о-о! — усмехнулся Лукин. — Да я произведен в тайные советники?

Чадьяров рассмеялся, встал, в дверях обернулся.

— И спасибо тебе, — сказал он серьезно, — ты вел себя как человек...

— И тебе спасибо, генерал, — ответил Лукин и добавил: — Езжай спокойно.

Фан осматривал нижний, только что выкрашенный зал, когда услышал голос зовущего его Шпазмы. Илья Алексеевич, запыхавшись от быстрого бега, протянул большой сверток:

— Господин Фан, это вам... вам просили передать!

— Отнеси ко мне, — сказал Фан, дал Шпазме ключи от кабинета и сам не торопясь пошел следом.

Илью Алексеевича разбирало любопытство. Все, что происходило в последние дни, крайне его удивляло. И какая-то сосредоточенность хозяина, и неожиданное появление сотрудников «Фудзи-банка», и загадочный отъезд Фана, и теперь этот сверток, который он носил в руках,— все было странно, таинственно и оттого страшно. Но самое главное — неожиданный приказ Разумовского временно прекратить наблюдение за Фаном. Вообще последняя встреча Ильи Алексеевича с Разумовским оставила у Шпазмы камень на душе: Разумовский был груб, чём-то расстроен и вместо благодарности за фотографию, на которую Илья Алексеевич очень рассчитывал, обозвал его дураком и бабой. «Зря тебя Фан не задушил»,— казнил себя расстроенный Шпазма, уходя от Разумовского.

Шпазма положил сверток на диван и остался стоять у двери в надежде узнать, что же принесли хозяину, по Фан отправил его заниматься делами и запер за ним дверь на ключ. В свертке оказались три новых костюма. Чадьяров усмехнулся, примерил пиджак. Потом открыл шкаф и собрался было развесить костюмы, как в дверь кабинета постучали. Чадьяров отпер. На пороге стоял изумленный до предела Илья Алексеевич. В руках он держал два чемодана.

— Господин Фан... — растерянно проговорил он и замолчал.

В кабинет вошла молодая женщина лет тридцати, блондинка, в легком плаще, шляпе, с сумочкой в руке.

— Поставьте чемоданы и идите, — сказала она Шпазме, не оборачиваясь.

Фан некоторое время в недоумении смотрел на женщину, потом сделал Шпазме знак — тот вышел.

Чадьяров сразу узнал гостью: это была та самая особа, которую в день приезда Хаяси и Сугимори он видел через окно кабинета управляющего «Фудзи-банком».

— Я ваша жена, — сказала она наконец.

Фан, похоже, потерял дар речи.

Женщина швырнула сумочку на стол, сбросила плащ.

— Меня зовут Александра Тимофеевна, можете звать меня Сашей... Мы едем путешествовать в Советский Союз Транссибирским экспрессом. Женаты три года, детей нет. И не будет...

Говоря все это, Александра Тимофеевна открыла чемодан, стала вынимать из него какие-то вещи, достала

флаконы, поставила их Фану на стол, повесила на спинку кресла платье, бросила на пол пару туфель.

— Предупреждаю: спать я буду отдельно. Говорить только по-русски. — Она открыла сумочку, вынула из нее билет, швырнула на стол. — Убери к себе, это мой билет. В дороге будешь подчиняться мне. Выполнять только мои приказания.

Александра Тимофеевна открыла шкаф, стяхнула с вешалок свитер и любимый халат Фана, ловко и быстро повесила свои платья.

В углу комнаты у Фана стояла деревянная золоченая статуя Будды. На нее Александра Тимофеевна набросила широкополую белую шляпу.

Фан, до сих пор с изумлением наблюдавший за тем, как незнакомая женщина превращала его строгий мужской кабинет черт знает во что, вдруг взорвался:

— Да что же это такое? — Ударом ноги он отшвырнул туфли Александры Тимофеевны под диван. — За кого меня принимают? — кричал он. — Не-ет, хватит с меня! Нашли мальчика!.. — Он рванул трубку телефона: — «Фудзи-банк»?.. Алло! Господин Тагава? Я не согласен!.. Я так не хочу! Не поеду!.. Какая жена? Почему жена? Что, я один не могу?! Мы так не договаривались!.. А... Это Фан говорит! Фа-ан. — После этого Фан надолго замолчал, несколько раз пытаясь возразить, но его перебивали.

Александра Тимофеевна тем временем, не обращая внимания на то, что творится с ее «мужем», напевая, легко ходила по комнате. Уже все вокруг было завалено ее вещами, в ванной шумела вода...

Фан уныло говорил в телефонную трубку:

— Понимаю, господин Тагава... извините... Я помню, господин Тагава... До свидания, господин Тагава...

На лестнице послышались шаги, потом постучали.

— Кто там еще? — спросил Фан, вылезая из-под дивана с туфлями Александры Тимофеевны в руке.

На пороге стоял Шпазма.

— Что тебе? — спросил Фан.

Илья Алексеевич изумленно косился на дверь ванной, откуда доносилось пение и плеск воды.

— Да! Жена! Жена моя приехала! — раздраженно сказал Фан и со стуком поставил туфли на пол. — Ну и что тут такого?.. Александра Тимофеевна! Женаты три года, детей нет. И не будет!

— Там... зеленщик внизу... Вас спрашивает. Я его гнал, говорил, что вы заняты, а он не уходит. Что сказать?

Чадьяров быстро спустился во двор, отвел Гу к штабелю пустых ящиков.

— Свободные места есть,— сказал зеленщик.— И еще: «Фудзи-банк» заказал для себя на послезавтра четыре билета, только не знаю, в один вагон или в разные...

— Спасибо, Гу.— Чадьяров крепко пожал руку зеленщику.

Так... Значит, два билета — для Фана и его «жены». Но в операции, по всей вероятности, должны быть заняты еще два человека. О них Фану не сообщили. Предосторожность? Или он вообще не должен этого знать?.. Известно ли о них его «жене»? От кого он должен получить задание? От «жены» или от кого-то из тех двоих?..

«Пока одни вопросы, — думал Чадьяров, поднимаясь по лестнице в свой кабинет.— Но ясно, что нас не двое, остальных они от меня скрывают. Выходит, я в этом деле — сторона пассивная. Либо прикрытие, либо отвлекают от чего-то более важного. Хотя не исключена возможность, что те двое просто сотрудники банка, отправляются по служебной надобности и к операции не имеют никакого отношения...»

В преданности Гу Чадьяров не сомневался. Но даже если господин Тагава узнает о том, что Фан посыпал зеленщика на вокзал, можно отвертеться. Мол, хотел контрабандой протащить в Москву кое-что из мануфактуры, обменять там на водку, икру и провезти без пошлины обратно.

9

Ранним утром экспресс «Владивосток — Москва» приближался к Харбину. В коридоре международного вагона стоял пожилой японец, господин Сайто, дипломат. Он направлялся в Москву.

Поезд уже начал тормозить, когда к дипломату подошел один из его охранников.

— Господин Сайто, я был счастлив сопровождать вас этот отрезок пути. Жаль, что он был так короток...

— Разве вы не едете дальше?

— Нет, к сожалению. У меня заболела жена, и мне разрешили вернуться. В Харбине к группе охраны вместо меня присоединится другой работник. — Он поклонился.

Поезд уже останавливался.

...После того как Сайто вышел из кабинета вице-министра, все произошло очень быстро: в тот день его вызвали в министерство заполнить бумаги. Все последующие дни шли беседы с разными чиновниками, оформлялись документы. Вплоть до самого отъезда у господина Сайто не было ни минуты свободного времени, и, только сев в поезд и передохнув немногоД, он вновь с тревогой стал думать о своем странном назначении на новый пост.

Охранник, сошедший с поезда в Харбине, представил господину Сайто своего заместителя, молодого человека, теперь он будет сопровождать его в пути. Звали нового охранника Исида. Прежний еще раз поклонился и вышел из вагона.

На немноголюдном перроне Сайто увидел через окно молодую, модно одетую женщину. Она прохаживалась вдоль вагонов, нервно оглядываясь по сторонам. На вид ей было лет тридцать, высокого роста, с тонкими, хотя и мелкими, чертами лица. Опущенные уголки губ делали выражение ее лица злым и надменным. Она почувствовала на себе взгляд Сайто и несколько раз, тоже вскользь, посмотрела на него.

Кроме какого-то господина в низко надвинутой на глаза шляпе, в вагон пока никто не садился. Господин этот быстро вошел в пятое купе и закрыл за собой дверь. Через некоторое время сели две старушки, потом — семья с детьми. Уже перед самым отходом поезда в вагоне появился светловолосый, с аккуратно подстриженной бородкой, господин. В руке он держал легкий чемодан.

Ударил станционный колокол. Александра Тимофеевна бросила папироску и вошла в вагон.

«Ну и поездочка предстоит мне с этим идиотом!» — раздраженно думала она, проходя по коридору в пятое купе. Там, не сняв шляпы, в плаще с поднятым воротником сидел Фан.

В дверь постучали. Фан затравленно оглянулся и съежился в углу мягкого дивана.

— Войдите, — сказала Александра Тимофеевна.

На пороге стоял Шпазма.

— Что вам угодно? — нетерпеливо спросила Александра Тимофеевна.

— Вот... просили передать... — Шпазма изумленно смотрел на хозяина: таким он видел его впервые.

— Кому передать? — раздраженно спросил Фан.

— Вот им... — По-прежнему глядя на Фана, Шпазма ткнула рукой с чемоданом в сторону Александры Тимофеевны. — Привезли... Господин Фан, все желают вам счастливого пути и скорейшего возвращения. А я...

В третий раз ударила станционный колокол, и Шпазма, не договорив, поспешила из вагона.

Александра Тимофеевна, покосившись на Фана, поставила принесенный Шпазмой желтый чемодан на багажную полку, подошла к окну.

Поезд мягко тронулся.

— Все, поехали, слава богу, — сказала она.

Фан откинулся на спинку дивана.

— О-о! — простонал он. — За что мне бог посыпает испытания?

Из-под надвинутых полей шляпы он увидел в окно, как от удалявшегося вокзала отъехали три машины.

«Провожали, — подумал Чадьяров. — Ну что ж... посмотрим, что нас ждет впереди...»

В то же самое время к противоположному перрону подошел экспресс, прибывший из Москвы. Сквозь толпу пассажиров и встречающих пробирался Паша Фокин с чемоданами в руках. Счастливо улыбаясь, он вышел на при вокзальную площадь, свистнул извозчика и взгромоздился на скрипучую коляску.

В «Палас-отеле» пожилой портье бегло оглядел Пашину фигуру, чемоданы и снова опустил голову к бумагам. Паша извлек из кармана довольно тугой бумажник. Портье оторвался от бумаг, взглянул еще раз на Пашу и на чистом русском языке устало спросил:

— Желаете получить номер?

— Иес, — ответил Паша достойно. — Оф корс. Одноместный.

— Вы не из Нижнего, случайно? — поинтересовался портье.

— Да господь с вами? — обиделся Паша. — Я москвич.

— Ну-у? — Портье еще раз оглядел Пашу с ног до головы. — И надолго в наши края?

— Как дела пойдут, — уклончиво ответил Паша. — Смотря как с работой.

— Обращайтесь в эмигрантский комитет, — посоветовал портье. — Они оказывают помощь беженцам,

— Я не беженец, — высокомерно ответил Паша. — Я уехал. Это большая разница.

Номер Паше понравился. Он покачался на кровати, пощупал занавески, открыл шкаф и заглянул в него. Прешел в ванную. Там он поочередно открутил краны, попробовал воду пальцем, посмотрелся в зеркало.

Когда Паша вышел из ванной, горничная поправляла постель. Он поздоровался с ней, она приветливо ответила. Паша счастливо потер руки, потом неожиданно для самого себя наградил горничную шутливым шлепком. Та посмотрела на него удивленно, но тут же улыбнулась и, уходя, уже в дверях, мило погрозила пальцем. В ответ Паша послал ей воздушный поцелуй.

Паше захотелось сделать что-нибудь этакое, крикнуть, что ли, от радости, но кричать Паша не отважился. Схватил со стола свою шляпу, широким жестом пустил ее по номеру и запел первое, что пришло в голову:

Белая армия, черный барон
Снова готовят нам царский трон...

Вот и началась она, Пашина заграничная жизнь.

10

14 мая 1927 года, ранним утром, из дверей отеля «Палас» вышел молодой человек. Он был одет в шелковую рубашку и защитного цвета брюки до колен; белые гольфы, коричневые ботинки на толстой подошве завершали его элегантный туалет. Это был Паша Фокин. Увидев в стекле витрины свое отражение, он поправил сбившуюся набок шляпу и не спеша двинулся дальше.

Так он дошел до кабаре «Лотос».

— Лё комитэ дезэмигрэ? — спросил Паша, вопросительно уставившись на человека, сидевшего у дверей. Тот не понял. — Лё комитэ дезэмигрэ? — еще раз повторил Паша. — В эмигрантский комитет как пройти?

— Так вы русский? Сразу бы и говорили, — недовольно сказал Шпазма, гревшийся с утра на солнышке у дверей «Лотоса». — Прямо и налево, там спросите.

Паша прочел вслух вывеску над входом:

— «Веселый Фан Ючунь не прощается с вами!» Придумают же! Это не вы, случайно?

— Пока нет, — усмехнулся Шпазма.

Паша иронически хмыкнул:

— Предел ваших мечтаний!.. — Он приподнял шляпу: — Честь имею...

Эмигрантский комитет оказался действительно недалеко. Он располагался в старом, неказистом здании, и, если бы не вывеска, вряд ли можно было бы догадаться, что в таком доме находится официальное учреждение.

В накуренной комнате, куда заглянул Паша, сидели три человека: двое — в штатском, третий — в поношенной форме армейского офицера, с погонами поручика.

— Мне председателя! — бойко потребовал Паша, остановившись на пороге.

— Его нет, — вежливо ответил один из штатских. — А вы по какому делу?

— Насчет работы. Я инженер. Мне сказали, что ваш комитет помогает приезжим.

— Беженцам?

— Я не беженец. Я не бежал, а уехал. Без политических мотивов. Просто взял и уехал. Вот мой паспорт.

— Так вы господин Фокин? — просиял второй, в пенсне, глядя на Пашу восторженными глазами. — Вы не удивляйтесь, у нас каждое новое лицо на виду. Мы уже про вас выяснили. Вы ведь в отеле «Палас» остановились, не так ли?

— Правильно, — подтвердил с достоинством Паша. — Именно там. В отдельном номере. Только не «господин Фокин», а гражданин, гражданин Фокин,

— Левашов. Заместитель председателя, — представился человек в пенсне. — А это Артемьев, член комитета. — Он указал на соседа. — Ну и Федоровский Дмитрий. — Левашов многозначительно улыбнулся в сторону поручика. — Выполняет у нас важнейшие функции...

Артемьев кивнул, а Федоровский и бровью не повел, недружелюбно оглядел Пашу бесцветными, чуть навыкате, глазами.

Левашов радостно потер ладони и произнес с энтузиазмом:

— Это чертовски хорошо, что вы пришли, господин Фокин!

— Гражданин, — угрюмо перебил Федоровский.

— Да, простите, гражданин Фокин. Так вот, мы сами хотели к вам идти. У нас ведь к вам, так сказать, деловое предложение. В этом году, как вы знаете, большевики намереваются праздновать десятилетие своей революции.

Видите ли, Павлик... ничего, что я вас так называю? — Он засился мелким смехом, обнажив при этом редкие зубы. — Так вот, Павлик, имейте в виду, у нас тут просто, мы как одна семья. Поскольку вы...

— Наше самое свежее поступление, — опять угрюмо вставил Федоровский.

— Митя! — поморщился Левашов. — В общем, вы самый новый из прибывших, и мы бы хотели вас просить выступить перед соотечественниками с рассказом о жизни в России, о положении интеллигенции, оставшейся в этом ужасе...

— На сцене, значит, выступать? — перебил Паша.

— И на сцене. Прочтете несколько лекций...

— А сколько заплатите?

— Павлик! — укоризненно покачал головой Левашов. — Это ваш святой долг, и грех брать с людей деньги за возможность услышать правду о родной земле... Вы же просите нас помочь вам с работой, вот и мы просим помочь нашему общему делу.

— Нет, — после некоторой паузы ответил Паша. — Я вне политики. Я инженер и уехал без всяких политических мотивов. Мне и там все нравилось и здесь. Я ни в какую борьбу не встревал и уехал-то потому, что не хотел никуда встревать.

— Вот видите, — обрадовался Левашов. — Значит, все-таки заставляли «встревать»? Вот об этом и расскажите.

— Кто вам сказал, что заставляли? — возмутился Паша. — Я сам, понятно? Сам! Взял и уехал. Это вы заставляете: мы тебе работу, а ты иди и на сцене представляй!.. Я свободный человек, что хочу, то и делаю, что думаю, то и говорю! Я инженер, а не поручик!

Брови Федоровского поползли вверх.

— Это что же гражданин Павлик изволит иметь в виду? — с угрозой спросил он.

— А то, что говорит! — заорал Паша. — Чтобы Паша Фокин за ваши благодеяния перед всякими обломками на сцене кривлялся?! Да еще бесплатно!

При этих словах все присутствующие переглянулись. Но Пашу уже, что называется, понесло:

— Вы, поручик, можете хоть по проволоке ходить. Празднуйте что хотите! У вас и повод есть — ровно десять лет воротничок не меняли! А я человек свободный! Отдайте документ!

Паша хотел выхватить свой паспорт из рук Левашова, но его остановил крик Федоровского:

— Назад! Большевистский шпион!

— Что-о?! Да я тебе...

Паша кинулся к Федоровскому, его схватили за руки. Поручик хотел ударить Пашу по лицу, но тот вовремя увернулся, и удар пришелся по шкафу. Проявляя чудеса прыткости, казалось бы, вовсе не свойственной Пашиной тучной фигуре, он отбивался как мог, но все же получил две-три крепкие затрешины...

А через некоторое время Пашу Фокина и Федоровского вели по улице двое полицейских. Рядом нервно шагал Артемьев и еще несколько человек. Фокин был без шляпы, с синяком под глазом, в разорванной рубашке. Следом, крича, бежали мальчишки. Процессия прошла мимо кабаре «Лотос», где у дверей все еще сидел Шпазма.

Неудачно начиналась Пашина новая жизнь. Но он шел бодро, говорил Федоровскому:

— Идем, идем, поручик, власти разберутся! Здесь тебе не Нижний. Здесь свободную личность чтут...

11

Между тем Транссибирский экспресс уходил все дальше на запад.

Фан, одетый, лежал на верхней полке своего купе, Александра Тимофеевна устроилась внизу с книжкой в руках.

Международный вагон плавно раскачивался. Почти все места в нем были заняты. Свободными оставались одно или два купе.

До сих пор Александра Тимофеевна ни словом не обмолвилась о предстоящем деле. Никто из тех, для кого «Фудзи-банком» были заказаны еще два билета, не появлялся. Едут ли они с ними, или в другом вагоне, и едут ли вообще — Чадьяров не знал. Проходя через вагоны в вагон-ресторан, он осторожно присматривался к пассажирам, но пока подозрения никто не вызывал. В соседнем купе ехал важный японец со свитой. Дальше — две старушки. Журналист. В следующем — молодая пара, муж и жена, итальянцы. Больше в международном вагоне никого не было.

Сейчас Чадьярова интересовало, знает ли Александра Тимофеевна суть предстоящей операции. Не исключена

возможность, что она, как и он, служит лишь звеном в цепи. В таком случае Александра Тимофеевна тоже должна ждать от кого-то инструкций. Но как же так? Ее знакомили с Хаяси и Сугимори в кабинете управляющего «Фудзи-банком», она наверняка представляла, с кем имеет дело, и господину Хаяси не требовалось превращаться в портного, чтобы, сохранив инкогнито, представиться ей как бы заново. Значит, Александра Тимофеевна знала, зачем едет. Может быть, не все, но кое-что знала наверняка... Чадьяров смотрел прямо перед собой на лежавшие в нише вещи: чемоданы Александры Тимофеевны, ее шляпные коробки. Желтый кожаный чемодан, принесенный Шпазмой, стоял в сторонке.

«Начнем все сначала, — думал Чадьяров. — Завербованный несколько дней назад несчастный глупый китаец с сомнительным прошлым едет по заданию японской разведки со своей фиктивной женой в страну, откуда он едва унес ноги. Едет, с тем чтобы провести в Москве два дня и вернуться восвояси... Задания своего он не знает. Сшили три новых костюма, и кроме своих вещей и вещей «жены» в их багаже есть чемодан, содержимое которого неизвестно... Помимо них в поезде должны ехать еще двое. Кто они? И какую все-таки роль придется сыграть китайцу Фану? Однако торопиться не будем. Выждем...»

При толчке на одном из стыков желтый чемодан упал набок. «А вот он и сам просится», — ухмыльнулся Чадьяров.

От звука упавшего чемодана Александра Тимофеевна встрепенулась и быстро посмотрела на Фана. Он лежал неподвижно.

— Нет, не могу, — простонал Фан. — Не могу... Да что я, олух, что ли, какой-нибудь? Зачем еду? Зачем?! Два дня прошло. Что я должен делать? Куда меня везут?

— Когда нужно будет, все узнаешь, потерпи, — равнодушно сказала Александра Тимофеевна.

— Что значит «потерпи»?! — вспылил Фан. — Что значит? Я же не по Америке еду! Из Советов еле ноги унес, понимаешь?

Александра Тимофеевна продолжала читать книгу.

— Это нечестно, — дрогнувшим голосом сказал Фан, глядя на «жену». — Если ты что-то знаешь и молчишь, это нечестно... Одно дело делаем! Нельзя же так мучить человека... Я спать не могу, есть не могу. Так можно и с ума сойти! Ехать неизвестно куда, неизвестно зачем —

и все время бояться. Пойми меня. Попробуй стать на мое место!

— Это невозможно, — холодно усмехнулась Александра Тимофеевна. — При всем желании я не могу оказаться на месте хозяина кабака!

— Почему ты так со мной говоришь? — горько спросил Фан. — Почему вы все так со мной разговариваете? За что презираете? Я только хочу знать, зачем еду и что вы затеяли.

— Кто это «вы»? — усмехнулась Александра Тимофеевна. Она отложила книгу и встала.

— Все вы! — Фан отвернулся к стенке. — Политики! Александра Тимофеевна шоколопала его по спине.

— Перестань, успокойся, — примирительно сказала она. — Что ты, ей-богу?.. Я тоже ничего не знаю. Придет время, задание нам сообщат. Не надо нервничать. Пойдем обедать...

Фан тяжело, с расстроенным видом слез с полки.

Коридор был пуст. Они прошли через тамбур, миновали следующий вагон. Фан — впереди, Александра Тимофеевна — сзади. Перед вагоном-рестораном Фан остановился.

— Ты иди, я сейчас... — И он показал глазами на дверь в туалет. — Закажи только молоко. Эта кухня не по мне.

Выждав несколько секунд, после того как хлопнула ресторанная дверь, Чадьяров выскользнул из туалета, достал железнодорожный ключ-трехгранку, сунул в скважину и повернул. Над дверной ручкой появилась надпись: «Занято».

Он побежал по коридору к своему купе и, войдя, запер за собой дверь. Одним прыжком взлетел на свою полку, достал желтый чемодан, осмотрел замки, ремни, приложился ухом — прислушался: ничего особенного. Не спеша расстегнул ремни, вытащил из клубка шерсти в корзинке на столе спицу, вставил тонкий конец в замок.

«Спокойно, спокойно, — твердил сам себе Чадьяров, — время есть».

Петля щелкнула, откинулась. В чемодане лежали мужские вещи. Несколько рубашек, галстук, белье и кимоно Фана, то самое, в котором он бегал по утрам и которое несколько дней назад отдал в прачечную.

«Осторожно, чтобы не помять», Чадьяров вынимал вещи и складывал на диван. Когда чемодан опустел, он

поднял его, взвесил на руках — тяжеловат. Прощупал крышку, дно — ничего подозрительного. Осмотрел стеки. Так и есть: в задней тайник.

Концом спицы Чадьяров аккуратно оттянул заглушку, и она выпала. В тайнике лежал пистолет. Накрыв его новым платком, Чадьяров осторожно вынул находку из чемодана. На рукоятке пистолета была выгравирована надпись: «Бесстрашному красному командиру, борцу за идеалы Мировой революции. Реввоенсовет VII. 17 ноября 1920 года». Вытащил обойму и, придерживая пистолет другим концом платка, разобрал его, осторожно извлек боевую пружину, сунул ее в карман.

Положив пистолет на место, стал укладывать вещи в том порядке, в каком они лежали. «Раз про оружие мне не сказано, значит, оно может быть направлено против меня. Пружину вставить недолго, а так — безопасней», — рассудил он.

Вагон-ресторан был почти пуст. Кроме Александры Тимофеевны здесь сидел только господин Сайто и сопровождающие его четверо молодых людей.

— Добрый день, мадам. Что желаете? — улыбнулся официант.

— Принесите пока стакан молока моему мужу, он сейчас подойдет. — Александра Тимофеевна посмотрела на часы.

Все это время, как Александра Тимофеевна впервые увидела Фана, ее не покидало чувство непонятного беспокойства и раздражения. Глупый, суетливый, трусливы, смотрит на нее собачьими глазами, стонет по ночам — ужас какой-то! С тех пор как Александра Тимофеевна Демидова стала работать с японцами, это был первый случай, когда она чувствовала себя так нехорошо.

Из России она бежала, когда ей был 21 год. Родила в Вятке, в бедной офицерской семье, родители хотели видеть свою дочь счастливой, а все представления о ее счастье были у них связаны с Петербургом. Правдами и неправдами, подключив свои немногочисленные связи и единственную столичную родственницу, вдову отставного генерала, им удалось устроить Сашу в Смольный институт.

Первые годы учебы Саша потом вспоминала как непрерывную череду унижений, оскорблений самолюбия, иронии над ее бедностью и провинциальностью. Прошлого своего она стыдилась. Самые нежные воспоминания ран-

него детства, когда она помнила себя маленькой, сидящей в теплом солнечном квадрате на полу, или ощущение чуда от впервые увиденного парохода на реке, отравлены были для нее тем, что пол в доме родителей был не паркетный, а дощатый, крашеный, и река была не закованной в гранит Невой, а Вяткой — с зелеными берегами, с бабами, полоскавшими белье, с деревянным мостом, ежегодно сносимым ледоходом.

Нужно ли удивляться, что подругой Саша избрала себе Вареньку Львову, единственную дочь знатных и богатых родителей. Варенька была обаятельна и простодушна. В первых ученицах она не числилась, потому что больше всего на свете любила танцы, вышивание и страшные истории, которые по ночам шепотом рассказывались в дортуаре. Сашу Вареньку обожала. Саша была в числе первых учениц, много читала и, что больше всего восхищало Вареньку, прочитанное запоминала.

Саша тоже привязалась к Вареньке. Первое время Сашу потрясало даже не столько богатство и роскошь семейства Львовых, сколько то, как запросто принимала ее Варенька, как искренне изумлялась, узнав, что Саша сама причесывается и заплетает себе косу...

Чем ближе подходило время выпуска, тем чаще в разговорах девиц мелькали слова «жених», «замужество», «юнкер», «приданое»... Все чаще пирожник, единственный, кому дозволено было беспрепятственно проникать с улицы в институт, приносил на дне своей корзины тайные записки-секретки. До глубокой ночи не утихал шепот в дортуарах, но страшных историй с привидениями никто больше не рассказывал.

В Варенькиной жизни слово «жених» материализовалось в высокого, белолицего, с холенойрусой бородой инженера Владимира Константиновича Акимова. Происхождения он был незнатного, но богат, учился за границей, а главное, как со слов родителей страстным шепотом поведала Варенька, — «подавал надежды на блестательное будущее». И Сашенька поняла: пора действовать. Дружба дружбой, но Вареньке с ее положением и приданым беспокоиться не о чем, а у нее, Саши, единственным капиталом были молодость и миловидность.

Сначала она решила расстроить сватовство Акимова с Варенькой. Для этого Саше было достаточно сообщить подруге о тайных домогательствах инженера, а потом еще и пересказать текст полученного якобы письма, содержа-

щего недвусмысленные намеки и нелестные слова в адрес Вареньки и ее матери. Вскоре ничего не понимающему Акимову без объяснения причин от дома отказали. Выполнение второй части задуманного плана — прибрать инженера к рукам — неожиданно пришлось отложить: Акимов, расстроившись, уехал за границу.

После выпуска Варенька с матерью, а с ними и Саша уехали в подмосковное имение Львовых. Там до них и дошла весть о революции.

Варенька с матерью решили бежать в Англию, где уже несколько лет по делам службы находился господин Львов. К революции они всерьез не относились, поэтому Саша охотно приняла предложение переждать беспорядки в их петербургском доме.

«Беспорядки», естественно, переждать не удалось. Сашу вскоре выселили из львовского дома. Туда въехало какое-то учреждение. Некоторое время Саша существовала за счет драгоценностей и побрякушек, унесенных из дома Львовых, но этого хватило ненадолго. Пришлось устроиться на службу, но эти дни впоследствии Саша старалась не вспоминать. Случайно она узнала, что инженер Акимов вернулся в Россию. Более того, стал крупным начальником по железнодорожному ведомству, и Саша решила, что его послала сама судьба.

Она пришла к Акимову, он ее сразу узнал и встретил приветливо. Однако все повернулось совсем не так, как Саша ожидала. Она просила вернуть ей если не весь дом, то хотя бы несколько комнат в доме Львовых и дать возможность спокойно существовать без ежедневных посещений опостылевшей конторы, но Акимов ее просьбе не внял. Выдумав в свое время историю со злополучным письмом, Саша настолько уверовала в некие отношения между нею и инженером, что его слова о необходимости работать, жить одной жизнью со страной показались ей чудовищным предательством и оскорблением.

В тот же день она отправилась в ЧК и заявила, что ей нужно сделать важное сообщение. Ее провели к начальнику, и она потребовала немедленного ареста Акимова: он, мол, дворянин, был дружен с нынешним эмигрантом Львовым, а теперь прикидывается честным советским служащим. Чекист внимательно выслушал ее, потом сказал, что ему нужно отлучиться из кабинета, а ее попросил изложить все сказанное письменно. Не было его довольно долго. За это время Саша успела написать че-

тыре страницы и предвкушала восторг неминуемого и скорого отмщения. Чекист вернулся не один. Следом за ним вошел Акимов.

— Вам знакома эта гражданка? — спросил чекист.

— Знакома, — ответил Акимов, вздохнул и добавил: — К сожалению.

Чекист передал ему исписанные Сашей листки. Акимов, прочитав, ничего не сказал, на Сашу даже не посмотрел, попросил чекиста не наказывать ее и отпустить поскорее. Он не назвал Сашу по имени, сказал: «ее».

Когда Акимов вышел, чекист объяснил Саше, что Акимов — профессиональный революционер, уважаемый в партии человек и что следовало бы ее наказать за клевету, но у ЧК есть дела поважнее, чем разбираться в мотивах истерик малокровных барышень...

В доме, где квартировала в то время Саша, жил красный командир, и она решила украдь у него револьвер и застрелить Акимова. Она была твердо убеждена, что все ее несчастья от него.

Револьвер она украла неудачно. Пропажа сразу же обнаружилась. Саша успела выскочить на улицу. Кто-то гнался за ней, она, не оборачиваясь, выстрелила, не попала, бросила револьвер в сугроб и убежала. Страх погнал ее из Петрограда. Опомнилась она в Нижнем Новгороде. Видимо, тот же страх гнал ее домой, в Вятку. Случайно на пристани в Нижнем Саша встретила вятских знакомых, она так была напугана, что рассказала им все. Вместе они решили, что конечно же в Вятке ее уже ищут и спасение одно — бежать из России.

Сначала она попала в Швецию, потом в Канаду, в Японию. Для тамошней эмиграции ее рассказы о конфликте с властями, о пребывании в ЧК, о покушении на красного командира с погоней и перестрелкой, рассказы, обросшие к этому времени новыми подробностями, сделали Александру Тимофеевну Демидову врагом Советской власти. Она и сама уже искренне верила в это.

Из Японии Александра Тимофеевна перебралась в Харбин, который стал к тому времени центром белой эмиграции на Востоке. Там Александра Тимофеевна и была завербована японской разведкой.

Три года назад, по заданию разведки, она вышла замуж за советского служащего КВЖД, для того чтобы скомпрометировать его на продаже наркотиков. Александра Тимофеевна жила с человеком, которого ненавидела,

и, после того как его арестовали, воспоминания об их мучительном супружестве не давали ей спокойно спать. Слава богу, задание теперь ничего такого не требовало...

«Ну где же этот болван?» — раздраженно подумала Александра Тимофеевна и вновь взглянула на часы.

Дверь ресторана между тем отворилась, и вошел Карл Шнайдер, тот самый бородатый иностранец, что садился в поезд в Харбине. Он поклонился Александре Тимофеевне и сел у окна.

Александра Тимофеевна решительно встала, направилась к выходу.

— Мадам уходит? — удивленно спросил официант.

— Нет-нет, я сейчас...

Дверь туалета была заперта. Над ручкой виднелась надпись: «Занято». Демидова отошла к окну и закурила.

«Не удавился ли он там со страху?» — подумала она, глядя на бесконечную тайгу, проплывающую за окном. Вагон раскачивался, вздрагивая на стыках. «Господи, — устало подумала Александра Тимофеевна. — Сколько же еще ехать!»

Наконец щелкнул замок, из туалета медленно вышел Фан. Он испуганно уставился на «жену»:

— Что случилось?

— Ничего, — презрительно взглянув на него, ответила Александра Тимофеевна.

— А я думал, началось...

Господин Сайто сидел в своем купе и читал. В дверь постучали.

— Вы звали меня? — На пороге стоял Исида, молодой охранник, сопровождавший Сайто в числе других.

— Да, Исида. В дороге я намерен придерживаться своего обычного расписания, я вас предупреждал. С двух до трех я отдыхаю. Сейчас без десяти два.

— Через пять минут я сам хотел прийти и постелить вам.

Господин Сайто поднялся и вышел из купе. Исида остался один. Он быстро расстелил постель, накрыл ее одеялом. Тихо подошел к двери, прислушался и осторожно, без щелчка, запер дверь на замок. Затем он лег на постель лицом к стене, полежал некоторое время, и со стороны могло показаться, что он собирается спать. Исида, стараясь не менять позы и не сводя глаз с намеченного

места на стене, вытянул из кармана тонкий шнурок. Один конец шнурка прижал пальцем к стене, приподнялся, а другой рукой измерил расстояние до наружной стени вагона — получалось около полуметра. На обоих концах шнурка он завязал узелки, встал, аккуратно свернул шнурок и сунул его в карман. Разгладил постель и так же, не щелкнув замком, отпер дверь.

— Вы можете отдохнуть, господин, — сказал Исида и поклонился.

12

В типографии одной из крупнейших токийских газет рабочий день был в полном разгаре: шумели машины, сновали рабочие. Лавируя между печатными станками, к группе господ начальственного вида бежал секретарь редакции. Издатель и редактор газеты Кавамото, стоявший в центре этой группы, вышел навстречу секретарю.

— Что? — тихо спросил он.

— Приехал!

Кавамото, извинившись, быстрыми шагами направился к выходу из зала типографии. Он пересек двор, бегом поднялся по лестнице, отышавшись, открыл дверь своего кабинета.

За его столом, заваленным рукописями, сидел полковник Сугимори. Они раскланялись. Полковник указал Кавамото на кресло, стоявшее возле стола. Кавамото сел.

— Мне очень жаль, Кавамото-сан, — начал Сугимори с улыбкой, — что в последнее время мы стали так редко видеться, но я не хочу допускать мысли, что виной тому какое-нибудь ваше недовольство нами...

Издатель отрицательно покачал головой, заулыбался, развел руками:

— Это исключено, Сугимори-сан. Мы всегда были и будем друзьями. Я надеюсь на это...

Но это было неправдой. Последнее время отношения издателя Кавамото и полковника Сугимори оставляли желать лучшего. Дело в том, что после гибели Куроды Кавамото отказался печатать предложенную военными версию причин случившегося. Версию, правда, он все-таки напечатал, но среди прочих, выдвинутых другими группировками. Это не могло понравиться военным. Кавамото считал, что он и так уж достаточно много сделал, и, кроме того, он хотел иметь возможность отступления в случае перемены политических тенденций в стране. Никто из

военных впрямую с ним на эту тему не разговаривал, но отчуждение наметилось, и Кавамото его ощутил. Он боялся Сугимори и особенно Хаяси, но надеялся на свою популярность и покровительство императора. Последнее время он старался избегать встреч с кем бы то ни было из военных, вот почему столь бесцеремонное поведение Сугимори в его кабинете напугало его, и не без оснований.

— Смотрите. — Сугимори достал из портфеля газету. — Знакомо?

— Конечно, — ответил Кавамото, — это газета от третьего апреля.

— А как это вы сразу определили?

— Во-первых, это одна из моих газет. А во-вторых, вот некролог Куроды, мы его давали третьего апреля, я точно помню.

— Правильно. Вы запомнили точно. — Сугимори помолчал, пристально разглядывая издателя, и наконец сказал: — Тогда запомните такую дату: двадцать второе мая. Повторите!

— Двадцать второе мая.

— И вот еще что. — Сугимори протянул через стол пачку фотографий: — Вам нравятся эти фотографии?

Кавамото с удивлением посмотрел на полковника:

— Это моя жена... А это сын... Это я, только не помню, где и кто меня снимал... А это, — он отложил в сторону одну фотографию, — господин Сайто, уехавший с торговой миссией в Россию.

— Правильно, — кивнул Сугимори. — Теперь смотрите внимательно.

Полковник взял фотографию Сайто, развернул газету за третье апреля и приложил фотографию на место изображения убитого Куроды в траурной рамке.

— Нравится?..

Кавамото молчал, лицо его покрылось испариной.

— Господин полковник, — как можно более достойно начал он, — я не имею права... это...

— Хорошо. Тогда так...

Сугимори разложил на столе оставшиеся у него фотографии и по очереди стал прикладывать их к траурной рамке в газете.

— Может быть, вам так больше нравится?

— Но это моя жена! — цепенея, произнес Кавамото. — А это сын...»

— Так что? — Сугимори спокойно смотрел на Кавамото.

— Нет, лучше действительно эту, — быстро проговорил издатель и поспешно отложил в сторону фотографию Сайто.

— И я так думаю, — согласился Сугимори. — Вы все правильно понимаете, да я в этом и не сомневался... Кстати, ничего, что я занял ваше место?

— Нет-нет, что вы! — торопливо проговорил Кавамото и, сам того не ожидая, встал. Так они и продолжали разговор: Сугимори сидел, а Кавамото, подобострастно склонившись, стоял по другую сторону стола.

— Если я правильно понял, двадцать второго мая я должен поместить эту фотографию в такой же рамке?

— Вы прекрасно поняли. — Сугимори улыбнулся. — Но не только фотографию, но еще и это... — Он протянул Кавамото лист бумаги.

Тот прочитал вслух:

— «Трагически пал от руки...» — Кавамото поднял глаза на Сугимори.

— Что вы так испугались, это пока не про вас, — добродушно заверил полковник. — Знать о нашем разговоре никому не надо... В том числе и некоторым друзьям.

— Вы имеете в виду... — заспешил Кавамото.

— Я попутал, — успокоил его Сугимори. — Итак, вы сами подготовите этот материал?

— Да, Сугимори-сан.

— Но только после того, как получите телеграмму вот такого содержания. — Сугимори достал из портфеля листок бумаги и протянул издателю. — Вы должны получить ее двадцать второго. В тот же день выйдет ваша газета. — Полковник встал: — А теперь попросите секретаря проводить меня.

13

Поезд раскачивало, изредка стены купе озарялись отсветами одиноких фонарей, уныло стоявших на маленьких станциях и полустанках, мимо которых проскакивал поезд.

Чадьяров, лежа на верхней полке, следил за перемещающимся по потолку световым пятном, размышлял: «Мне говорят, что в Москве я буду два дня. Мне говорят, что о задании я узнаю в дороге, меня убеждают, что не

придется никуда выходить и не придется с кем-либо встречаться. И тем не менее я неизвестно для чего получаю три новых костюма... Чтобы оправдать появление Хаяси в облике портного?.. Едва ли. Видимо, костюмы играют какую-то самостоятельную роль. Знает ли об этом моя мегера?.. Завтра проверим...»

Утром Александра Тимофеевна, уютно устроившись в углу купе, в кресле, вязала. Дверь распахнулась. Она подняла голову — на пороге стоял оживленный, улыбающийся Фан. Таким его она видела впервые.

— В чем дело? — удивленно спросила Александра Тимофеевна.

— А ни в чем! — развязно ответил Фан и легко запрыгнул к себе на полку. — У вас — свои дела, у меня — свои! — Он звонко постучал себя ладонью по лбу: — Все таки варит!.. Варит, родная! — воскликнул он.

— Что там у вас варит?

— А ничего. Коммерция. Это не вашего ума дело.

— Что случилось?

Вместо ответа Фан принялся насвистывать и демонстративно уткнулся в журнал.

— В чем дело? — В голосе Александры Тимофеевны звонило раздражение.

Фан спрыгнул с полки, приблизился к «жене»: видимо, ему не терпелось поделиться своими замечаниями.

— Только между нами, — торопливо начал он. — Этот состав через день после прибытия в Москву едет обратно в Харбин. Так? У меня три костюма. Новенькие, с иголочки, пошитые одним карликом. Бесплатно. Зачем они мне? Из вагона я не выхожу, в Москве из номера гостиницы тоже шагу не сделаю, хоть убейте. Так зачем мне костюмы? Отдаю их проводнику, но денег с него не беру. На эту сумму он покупает водку и икру, грузит в вагон-ресторан и привозит в Харбин. Без пошлины. — Фан тихо и счастливо засмеялся, победно глядя на Александру Тимофеевну: — Каково?

Демидова, бледная, с трясущимися от злости губами, подошла к двери, заперла ее и повернулась к сияющему Фану.

— Так вот, коммерсант, слушай и запоминай... Если пропадет хоть один пиджак или даже пуговица, — она перевела дыхание, чтобы говорить как можно спокойнее и убедительнее, — ты случайно выпадешь из вагона. Понятно?..

Фан опешил. Сначала он, изумленно моргая, смотрел на Александру Тимофеевну, потом разозлился:

— Да кто ты такая? Начальник мне, что ли? Я вот скажу кому следует, какая ты жена! — Он вновь забрался к себе на полку, ворча: — Обзывают как хотят, грозят... — Он посмотрел на Александру Тимофеевну и перестал расстегивать рубашку: — Так, ладно... Давай выходи! Я хочу раздеться и лечь.

— Пожалуйста, я не смотрю.

Александра Тимофеевна отвернулась, продолжая наблюдать за Чадьяровым в зеркало.

— Да что же это такое! — возмутился Фан. — Вот прицепилась! Могу я хоть штаны снять в одиночестве?.. Когда ты переодеваешься, я по часу торчу в коридоре. А ну давай выходи!

Александра Тимофеевна хотела что-то ответить, но сдержалась и вышла, хлопнув дверью.

«Та-ак, — подумал Чадьяров, слезая с полки и запирая дверь на замок. — Не ждал я такой страсти по поводу моих туалетов!» Он осторожно снял с вешалки один из новых костюмов, проверил карманы, потом то же сделал с другим и уже отложил было его, собираясь взять последний, как под рукой, сквозь подкладку, прощупал лист бумаги. «Ну вот», — обрадовался он, быстро вынул из своего бритвенного станка лезвие и аккуратно подпорол подкладку. В руках у него оказался тонкий листок. Сверху было написано: Мандат, ниже — текст: «Предъявитель сего является командиром Красной Армии и выполняет важнейшее задание по борьбе с врагами Родины. Настоящим предписывается всякое содействие граждан и организаций», подпись и круглая печать.

У Чадьярова не было времени анализировать смысл находки, нужно было торопиться. Он сложил листок вчетверо и спрятал в карман. Оторвал приблизительно такой же по размеру кусок газеты, сунул его в пиджак под подкладку и, найдя в корзинке Демидовой иголку с ниткой, зашил распоротое место.

Когда Александра Тимофеевна вошла в купе, Фан лежал на своей полке, отвернувшись к стене. «Хоть бы пристал разочек, — с раздражением подумала она, — с таким бы удовольствием отхлестала его по трусливой роже...»

Она взглянула на висевшие на вешалке костюмы — все было по-старому. Александра Тимофеевна разделась,

легла и, засыпая, вдруг тихо засмеялась, вспомнив угрозу Фана пожаловаться кому-то на нее.

А Чадьяров продолжал размышлять: «Итак, в один из костюмов несчастного Фана, который пока ничего не знает, кроме того, что послан по заданию японской разведки, зашил мандат командира Красной Армии. О нем он тоже не знает. Мало того, об этом мандате известно его напарнице, но, судя по всему, она имеет строжайший приказ держать это в тайне. Следовательно, либо тогда, когда Фан будет получать задание, ему сообщат и о мандате и о пистолете, либо и то и другое должны найти помимо него...»

Чадьяров мысленно проиграл приблизительную ситуацию, в которой могли бы «сработать» найденные им вещи. Если, допустим, представитель власти спросит у Фана, его ли это костюмы, он, естественно, ответит, что костюмы его. При желании в одном из пиджаков очень нетрудно обнаружить мандат. А признавшись, что костюмы его, он будет лишен возможности доказать, что документ, вшитый в его пиджак, принадлежит не ему. Значит, нужно выяснить, кому все это нужно и каким образом должно быть пущено в ход.

«Да, — думал Чадьяров, — бедный Фан стал маленьким винтиком в очень сложном и серьезном механизме...»

14

Только 17 мая Пашу Фокина освободили из полицейского участка. Вернее, просто вытолкнули за ворота, в отличие от Федоровского, которого отпустили через четверть часа, после того как привели в участок.

Паша изменился: он был небрит, нечесан, одет в мятые короткие, до щиколотки, китайские штаны, такую же куртку. Когда ворота закрыли, Паша заколотил в них:

— Сатрапы! Вы за это ответите! Два дня честного инженера в каземате ни за что держали! Позвоните начальнику, хуже будет!

Собралась толпа, но Паша ни на кого не обращал внимания.

— Отдайте документы! Вещи! Я пожалуюсь!

— Это куда же? Очень интересно, — спросил из толпы князь, повар из «Лотоса».

В кабаре еще шел ремонт, работы не было, и потому Сергей Александрович с утра мог позволить себе прогули-

ваться, наслаждаясь солнцем, распустившейся молодой листвой на деревьях.

— Найду, найду куда! — огрызнулся Паша.

Ворота приоткрылись, вышли трое полицейских, взяли Пашу под руки, приподняли и, несмотря на отчаянное его сопротивление, перенесли на другую сторону улицы. Появившийся затем в воротах поручик Федоровский бросил на тротуар Паину шляпу и сильным ударом ноги, как футбольный мяч, отправил ее вдоль улицы. Полицейские расхохотались.

— Что, поручик, — неодобрительно спросил князь, — такими шутками теперь свой хлеб отрабатываете?

— А ваше сиятельство шло бы щи варить! — злобно оскалился Федоровский, скрываясь за воротами.

Князь подошел к растерянному Паше, сочувственно тронул его за плечо:

— Молодой человек, чего вы добиваетесь? Мой вам совет: держитесь от этих молодчиков подальше. Еще спасибо скажите, что дешево отделались.

— Я еще им спасибо должен сказать?! — Паша задохнулся от негодования. — Ни за что забрали, избили, раздели, ни денег, ни документов — и спасибо! Не-ет, не на того нарвались! — Паша круто повернулся и решительно зашагал по улице.

Прохожие в изумлении оглядывались на него: нечасто увидишь человека, шагающего по тротуару без обуви, в одних белых гольфах. Но Паше было не до них.

Швейцар отеля «Палас», где Паша так счастливо начал свою новую жизнь, бледный от ужаса, преградил ему дорогу.

— В чем дело? — недовольно спросил Паша.

— Что вам угодно? — привстал из-за стойки портье.

— Мне угодно пройти в свой номер, переодеться. И навести порядок в этом городе, — с достоинством ответил Паша. — Прикажите пропустить добром.

— Это невозможно, — бесстрастно ответил портье. — Мы не держим клиентов, которые сидят по несколько дней в участке за пьяные скандалы.

— Что?! — задыхаясь, выкрикнул Паша. — А ну повтори!

Порттье взялся за телефонную трубку. Паша понял, что шуметь и здесь невыгодно.

— Позвольте, я вам объясню... — начал он. — Я по-

страдал абсолютно ни за что. Я вам подробно расскажу, и вы поймете!

— Не надо мне ничего рассказывать! — замахал руками портье. — Здесь были господа из полиции и ваши соотечественники, они все уже рассказали, кстати, и вещи ваши просмотрели.

— Знаю я, что они могли рассказать! — нетерпеливо перебил его Паша. — Это же бандиты! Вы сейчас все поймете.

Но портье уже не слушал его. Швейцар вынес какой-то мешок и положил к Пашиным ногам.

— Что это? — Паша удивленно заглянул в мешок — там лежали его изрезанные, изуродованные вещи: порваные рубашки, лохмотья, оставшиеся от костюмов.

Фокин заплакал. Потом подхватил мешок и вышел на улицу. Правда, вскоре успокоился, посидев на скамеечке в сквере, — надежда все же не покидала его.

Когда он проходил мимо «Лотоса», его окликнул Шпазма.

— Ну как там эмигрантский комитет? Новую форму выдали?

Фокин внимательно посмотрел на Илью Алексеевича, пытаясь его вспомнить, и вдруг узнал.

— Ах, это вы! — Он радостно улыбнулся и, подойдя ближе к сидевшему на стуле Шпазме, опустился на свой мешок. — Вы говорите: новая форма. А это я специально купил, для местного колорита. А вообще, у меня все нормально. С работой просто отлично. Уже договорился. Иду в одно приличное место. Инженером. Главным...

Он собирался врать дальше, но его прервал голос князя:

— Чего он там городит? — Сергей Александрович уже давно стоял в дверях и слушал Пашину болтовню. — Побили его в полиции, отобрали деньги, документы, а судя по мешку, и с квартиры выкинули. Стыдно слушать, сударь...

— Меня с квартиры не выгоняли! — возмутился Паша. — Я в «Паласе» жил...

— Вот с этим мешком? — спросил Шпазма и расхохотался.

— Зря смеетесь! — разозлился Паша. — Паша Фокин так этого не оставит! Это вы здесь привыкли, а я не позволю издеваться над свободным человеком! Они мне

все до нитки, до копеечки вернут! Я до императора дойду!..

Князь взял Пашу под руку, отвел в сторону.

— Вот что, голубчик! — вздохнул он. — Держите, здесь мелочь. Кушите себе тапочки. На соломенные этого хватит. Босиком больше не ходите. Насчет императора — это ваше дело, я бы не советовал. А как совсем проголодаетесь, подойдите к кухне — это здесь, во дворе, — что-нибудь придумаем...

Паша гордо поднял руку и высокомерно посмотрел на князя:

— Чтоб Паша Фокин просил подаяние?! Возьмите назад ваши гроши! Вы еще поймете, что такое инженер в свободной стране!

15

Чадьярова беспокоило то, что времени оставалось все меньше, а вопросов становилось больше. Он пришел к выводу: готовится серьезная провокация. Основным условием ее, видимо, было то, что произойти она должна на территории Советского Союза. Но в чем она могла заключаться?.. Пока все имеющиеся у Чадьярова данные существовали для него по отдельности, но в какую-нибудь более или менее стройную систему никак не складывались. Может быть, пора припугнуть «жену»? Перестать быть глупым Фаном? Это, конечно, застало бы ее врасплох: чего-чего, а такого она никак не ожидала бы! Но поступить так — значит погубить дело, на которое ушло столько времени. На это, конечно, Чадьяров пойти не мог. Во всяком случае, до решающей минуты.

Следуя за логикой событий, Чадьяров решил выяснить, случайны ли их места — именно в этом вагоне и именно в этом купе. Многое могло зависеть от ответа на этот вопрос: по крайней мере можно было определить какую-либо связь Фана и Александры Тимофеевны с теми, кто еще едет в международном вагоне.

Поезд начал замедлять ход — он приближался к станции. Чадьяров стоял в коридоре, смотрел в окно и думал: «Через стенку, слева от нас, в шестом купе, едет сановный японец с сопровождением... Кто же справа?»

Показались первые строения станции.

— Сколько стоим? — поинтересовался Чадьяров у пробегавшего мимо проводника.

— Долго. Час.

Когда проводник скрылся, Чадьяров дернул дверь четвертого купе. Пусто. Постели застелены, пепельницы чисты. И следующее купе оказалось свободным...

Александра Тимофеевна на станции вышла на перрон. Купила соленых огурцов, яблок, вареной молодой картошки и, с трудом удерживая большой кулек, направилась в свое купе, но на пороге его в изумлении и ужасе остановилась: ни Фана, ни чемоданов.

Александра Тимофеевна выронила из рук снедь — картошка, яблоки покатились по полу; еще секунду она стояла в полной растерянности, затем бросилась по вагону, выскочила на перрон, лихорадочно шаря глазами по толпе, — Фана нигде не было.

Александра Тимофеевна побежала обратно в вагон. Вид у нее был перепуганный. Она остановилась в коридоре, пытаясь собраться с мыслями, и вдруг из четвертого купе послышалось тихое пение. Демидова рывком распахнула дверь и увидела на верхней полке лежащего как ни в чем не бывало Фана. Он смотрел в окно и что-то напевал.

— Что ты здесь делаешь? — еле сдерживая злость, спросила она.

— Переехал, — беззаботно улыбнулся Фан. — Здесь лучше. Все равно оно пустое. Тут дует меньше и вообще... — Он показал глазами на стенку, понизил голос. — Зачем нам соседи? Мы по какому делу едем, соображашь? По секретному?.. Вот-вот задание получим. Разговоры тайные и все такое... А тут иностранцы за стенкой. Мало ли?.. — Он многозначительно поводил пальцем перед лицом «жены». — А с проводником я договорюсь, не беспокойся. Не все ли ему равно?

— Да что же ты во все лезешь? — отчетливо выговаривая каждое слово, с яростью прошипела Александра Тимофеевна. — Кто тебя просил?! Кретин!

Тут лопнуло терпение и у Фана.

— А ну пошла вон отсюда, — тихо и спокойно сказал он. — Надоела! Забирай свое барахло и катись! — Он достал один из чемоданов Александры Тимофеевны и бросил его вниз. — Я остаюсь здесь. Все!

Александра Тимофеевна была в отчаянии, на глаза навернулись слезы. Она смотрела в спину Фана и в бессильной злобе, с ненавистью думала, как хорошо было бы взять палку и дать по его чугунному затылку! Но делошло слишком далеко, и, овладев собой, она заговорила как можно ласковее:

— Миленький, ну, прошу тебя, ну, пожалуйста, давай вернемся! — Она дотронулась до спины Фана, но тот не поплевелся. — Я прошу тебя, вернемся, так надо!

— Что надо, почему? — спросил Чадьяров не оборачиваясь.

— Ну-у... просто я прошу тебя... Пойдем...

— Если тебе надо, иди, пожалуйста. Я никуда отсюда не пойду. Мне не надо.

Александра Тимофеевна некоторое время постояла рядом, потом резко вышла из купе и захлопнула дверь.

«Так, — пронеслось в голове у Чадьярова. — Значит, я со всей своей начинкой: документами, оружием — должен ехать рядом с японским дипломатом... Это уже что-то...»

Он спрыгнул вниз, некоторое время подождал и открыл дверь в коридор.

Поезд все еще стоял на станции. Александры Тимофеевны не было.

Теперь быстрее, быстрее! Чадьяров стремительно прошел в конец коридора, постучал в предпоследнее купе.

— Войдите, — послышался голос одной из старушек, соседки Фана и Александры Тимофеевны по вагону-ресторану.

— Извините меня, фрау, — взволнованно сказал Фан. — Только вы можете мне помочь... У меня несчастье. — Он прерывисто вздохнул.

— Что случилось, голубчик? — Старушка испуганно заморгала.

— Понимаете, мы опять поссорились.. Я перебрался в соседнее купе, а она не хотела... ну, в общем, я нагрубил. — Голос Фана задрожал: — Я виноват... характер у меня такой дурацкий, сам понимаю... А она убежала, и я боюсь... Она такая впечатительная... Прошу вас, умоляю, найдите ее, она где-нибудь здесь, на перроне... — Фан взял старушку за руку. — Если она одна, отвлеките, побудьте с ней... А если рядом кто-нибудь есть, то не надо... И умоляю, не говорите, что я вас послал, а то еще хуже будет...

Старушка, выслушав исповедь Фана, выразительно посмотрела на него: мол, о чем вы говорите! И засеменила по коридору к выходу из вагона.

...У буфетной стойки в здании вокзала стояли Александра Тимофеевна и Исида.

— Вы что, с ума сопли? — чуть слышно говорил Иси-

да, зло поглядывая на Александру Тимофеевну. — Инструкцию забыли?

— У меня чрезвычайный случай...

Демидова понимала, что, вызвав охранника из вагона, она грубейшим образом нарушила инструкцию, могла поставить операцию под угрозу провала, но у нее сдали нервы.

— В чем дело? — нетерпеливо спросил Исида.

— Он самовольно перебрался в другое купе и не хочет возвращаться...

— Догадывается?

— Какое там! Очередная блажь. По-моему, он просто сумасшедший. Где они только такого выкопали?! — Александре Тимофеевне хотелось пожаловаться, рассказать о своих мучениях, но, встретив холодный взгляд Исиды, она сухо закончила: — Он нам все срывает, нужно что-то придумать.

— Я не имею права вмешиваться! — отрезал Исида. — Думайте сами... Впрочем... договоритесь с проводником, чего проще...

А счастливая, разрумянившаяся от быстрой ходьбы старушка, крепко сжимая руку Чадьярова, говорила в тамбурах вагона:

— Все в порядке, голубчик, успокойтесь. Она в буфете, беседует с молодым человеком из нашего вагона... Высокий такой японец в сером костюме. Знаете, с дипломатом едет. — Она улыбнулась и погрозила пальцем Фану: — Конечно, взъярена немножко, но, думаю, все будет в порядке...

Они не видели, как к четвертому купе подошла Александра Тимофеевна.

— Будьте с ним построже! — приказала она сопровождавшему ее проводнику. И толкнула дверь.

Купе было пусто. Проводник недоуменно посмотрел на Александру Тимофеевну.

— Где же он?

Александра Тимофеевна ничего не ответила, у нее задрожал подбородок.

— Изверг! — сквозь зубы процедила она и бессильно опустилась на откидной стульчик в коридоре, но тут же рывком поднялась: теперь в пятом купе послышалось пение.

Александра Тимофеевна с силой толкнула дверь и ос-

тановилась на пороге, с ненавистью глядя на Фана. Тот преспокойно лежал на своей полке.

— Решил не ссориться, Шурочка, — пояснил Фан. — Ехать осталось недолго, женщина ты скандальная. Вернемся, наговоришь на меня, а зачем это нужно? Правильно? — И он весело рассмеялся.

Александра Тимофеевна вошла в купе, опустилась в кресло, устало прикрыла глаза.

Поезд наконец тронулся. Медленно проплыло здание вокзала, лотки, станционные постройки...

«Ну вот, кое-что и прояснилось, — думал Чадьяров, глядя в окно. — Один из тех двоих, с билетом «Фудзи-банка», — охранник важного дипломата, Исида. Так называет его дипломат. Это раз... Второе. Наше пребывание именно в этом пятом купе, по соседству с ними, обязательно. Значит, нужно искать здесь... Неизвестным остается еще один человек, для которого Тагавой был заказан билет в Харбине... Знает ли его Демидова? Знает ли его Исида? И кто главный? Исида? Ведь Демидова обратилась к нему... Или, наоборот, обратилась к нему, чтобы не подвергать опасности главного?.. Все-таки в этой ситуации она поступила неосторожно. Нервы не выдержали. Что ж, неплохо. В таком состоянии чаще совершаются оплошности... Правда, еще не ясен ход операции, ее схема, и все же нужно попытаться внести некоторое смятение в их ряды», — не без удовольствия подумал Чадьяров и улыбнулся, потому что в голову пришла хорошая идея...

16

В то же самое утро, 19 мая, по улице Харбина, уныло глядя перед собой, брел Паша Фокин. Прошла неделя, с тех пор как он оказался в городе, с которым связывал столько надежд. Все выходило по-другому: гордый инженер Паша Фокин постепенно превращался в бродягу.

Вот уже несколько часов он бесцельно ходил по улицам, потому что идти ему, как оказалось, было некуда. Бесцельно гнал перед собой спичечный коробок, потом остановился перед дверью какого-то кафе, потянул носом и шагнул было вовнутрь, но дверь перед ним захлопнули. В зеркальном стекле Паша попробовал рассмотреть свое отражение — небрит, веки от бессонницы воспалены. «Ох и порадовался бы моему виду товарищ Полозов!»

Обернувшись, он увидел бежавшего по улице рикшу. В коляске сидел толстый господин. Паша кинулся вдогонку.

— Господин Ковров, один момент, подождите! — кричал Паша. — Как с моим делом? Я Фокин, инженер. Помните?.. Вы говорили, что вам нужен разносчик. Я согласен!.. Господин Ковров, я согласен! Умоляю, не дайте совсем опуститься! Да постой же ты! — крикнул он рикше. — Видишь, люди разговаривают!

Ковров ткнул рикшу тростью в спину, и тот побежал еще быстрее. Паша остановился, тяжело дыша, подобрал с земли камешек и бросил вслед удаляющейся широкой спине Коврова.

Он стоял на пустынной узкой улице с одним заметным зданием, по его фасаду большими буквами было написано: «Фудзи-банк. Токио. Харбинское отделение». Паша не знал, что из окна за ним наблюдает сам Тагава, управляющий банком.

— На что он живет? — спросил Тагава у своего помощника.

— Князь подкармливает, повар из «Лотоса».

Помощник перехватил взгляд управляющего и отрицательно покачал головой:

— Ни на что не годен. Болтлив, глуп, самоуверен и совершенно не умеет скрывать своих эмоций...

— Зато свободный человек, — усмехнулся Тагава.

Как только Фан и Александра Тимофеевна вошли в ресторан и заняли свои места, Исида что-то спросил у господина Сайто и, видимо получив разрешение, вышел.

Александра Тимофеевна проводила его напряженным взглядом, и от Чадьярова это не ускользнуло. Через минуту после ухода Исиды Фан тяжело поднялся.

— Ты куда? — быстро спросила Демидова.

— Я деньги забыл, схожу...

— Сиди! — тихо приказала Александра Тимофеевна, но, увидев поползшие брови Фана, боясь какого-нибудь нового фокуса, мягко добавила: — Потом сходишь, ну прошу тебя, побудь со мной. У меня есть деньги...

Чадьяров сел. После того как он догадался об истинной роли Исиды и о связи операции с едущим в соседнем купе дипломатом, он стал действовать спокойнее. «Она разболтывалась, она первничает, просит остаться.

Другими словами, неходить следом за японцем. Хорошо, посидим...» — так думал Чадьяров, глядя в окно.

И вдруг он словно очнулся после глубокого сна. Все это время, логически выстраивая операцию, борясь с Демидовой, домысливая мотивы поведения каждого из тех, кого он не знал, Чадьяров хоть и часто смотрел в окно своего купе, но так ничего и не видел. И вот сейчас, в первый раз за все время, он понял, что там, за окнами поезда, — Родина...

Пролетел маленький полустанок с красным флагом над крышей, мальчишки бежали вдоль полотна и размахивали руками, на переезде стояли повозки; какой-то парень мыл в луже салоги и замер, глядя с восхищением на проносящийся поезд, а потом снова поля, степь, степь... И так захотелось Чадьярову выскочить из вагона, пойти по этой степи и оказаться дома! Ничего не говорить и не спрашивать, а просто лечь и уснуть. Дома. И спать долго-долго, а потом проснуться, и чтобы не было ничего поздни — ни войны, ни голода, ни разрухи, ни Фана, — ничего. Будто он вчера лег, а сегодня встал. Жена приготовила завтрак, сын сидит рядом... Обыкновенная, очень простая жизнь... Работать в поле, уставать, волноваться по малому поводу: не подвезли вовремя обед или, к примеру, нет подвод, — решать проблемы, которые кажутся вблизи очень сложными, а на расстоянии — пустяком. Словом, жить обычновенной и такой счастливой жизнью!

Чадьяров с трудом, как после обморока, вернулся в настоящее. Стучали колеса. Мчался поезд, и в этом поезде ехал китайский подданный Фан Ючунь. Напротив тихо беседовали две старушки, официант расставлял тарелки и приборы. Вернулся Исида. Александра Тимофеевна, улыбаясь, что-то говорила Фану.

— Что? — переспросил он.

— Ты не слушаешь меня? — ласково говорила она. — Ешь, у тебя супстынет.

— Жду твоего разрешения, — хмуро ответил Фан.

— Ну что ты, опять обиделся? Какой ты недотрога! — примирительно сказала Александра Тимофеевна. — Ну пойди, пожалуйста, если тебе так хочется!

— И пойду! Из одного принципа пойду! — Фан встал и направился к выходу.

Демидова проводила его спокойным взглядом.

Чадьярову стало ясно: Исида побывал у них в купе. Больше всего он опасался проверки. За пистолет можно

быть спокойным — он на месте. А вот мандат... Если Исида вспорет подкладку — это провал...

Чадьяров вошел в свое купе, запер дверь. Снял с вешалки серый пиджак, разложил его на диване. Все было в порядке: подкладка была подшита теми же темно-серыми нитками — Чадьяров узнал свои стежки. На всякий случай он проверил, на месте ли пистолет. На месте.

«Та-ак...» Чадьяров оглядел купе — все было по-старому.

Все, кроме корзинки с рукоделием Александры Тимофеевны. Уходя, она оставила ее на столике, а сейчас корзинка стояла на диване у стенки, смежной с купе Сайто.

Чадьяров осторожно осмотрел корзинку, не трогая ее. Затем аккуратно отодвинул. Пощупал место под ней, приподнял одеяло. Стал осматривать стенку.

И тут примерно в полуметре от наружной стены вагона он увидел еле заметную с первого взгляда карандашную метку. Один из цветков на линкрусте был обведен.

Чадьяров огляделся и на столе увидел карандаш — им была заложена книжка, которую читала Александра Тимофеевна. Чадьяров взял карандаш и на другой стенке, в самом углу, провел им по линкрусту. Метка на стене за корзинкой была сделана этим карандашом. Значит, она сделана не раньше. Точнее, десять минут назад...

Ранним утром поезд медленно подходил к перрону маленькой станции. Александра Тимофеевна, сидя у зеркала, причесывалась. Чадьяров смотрел в окно.

Что-то неуловимо знакомое было в маленьком побеленном здании станции, и в дороге, уходящей от нее в степь, и в облике немногих, в этот ранний час стоявших на перроне людей. Казалось даже, что небо над этой станцией было знакомым.

Чадьяров прижался лбом к стеклу, напряженноглядывался в этот медленно проплывающий за окном мир, словно ждал какого-то знака, чего-то, что могло бы сразу, через годы и расстояния, соединить его, сегодняшнего, с тем мальчиком, невероятно давно жившим за этой станцией...

Поезд остановился.

Железнодорожник, постукивая молотком по колесам, шел вдоль вагонов. Потом мимо пробежала девушка-казашка, в красной косынке, с маленьким пестрым узелком

в руке. Пробежала мимо окна, посмотрела прямо на Чадьярова. Ударил колокол, девушке что-то крикнул дежурный по станции, она ответила ему, махнув рукой куда-то вперед, так же легко побежала дальше. Чадьяров понял, что она села в какой-то из передних вагонов.

Поезд тронулся. И вдруг Чадьяров сразу вспомнил и узнал все, что видел. Он не мог бы объяснить это точно, но он узнал и станцию, и звук колокола, и девушку. Конечно, он не был знаком с этой девушкой раньше, ее просто не существовало на свете так же, как и станционного здания, когда Чадьяров последний раз был здесь. И вместе с тем небольшая станция являлась частью того мира, в котором так счастливо жил маленький мальчик Чадьяров, и этот мир теперь прочно жил в Чадьярове взрослом, и он узнавал его обитателей, помнил какой-то другой памятью, очень прочной и безошибочной.

К обеду Чадьяров пришел на десять минут раньше остальных. Ресторан был пуст. Он быстро приблизился к столу, за которым обычно сидели японцы, вынул из кармана небольшой конверт и положил его под прибор Исида. Проделав это, Чадьяров удалился, никем не замеченный, и заперся в туалете.

Он слышал в коридоре за дверью голоса старушек и Александры Тимофеевны, они о чем-то оживленно разговаривали, потом тяжелые мужские шаги. Чадьяров не понял — чьи. Когда дверь в ресторан захлопнулась, он выбрался из туалета.

— Где ты был? — поинтересовалась Александра Тимофеевна.

— Ты хочешь, чтобы я громко объявил об этом? — в свою очередь поинтересовался Фан.

Александра Тимофеевна, ничего не ответив, отвернулась к окну.

Японцы пришли, как всегда, все вместе. Расселись за отведенные специально для них столы. Чадьяров не видел, как удивленный Исида достал из-под своей тарелки конверт, как повертел его в руках и, не читая, сунул в карман. Чадьяров сидел к нему спиной, но он видел растерянное лицо Александры Тимофеевны...

Конверт, который спрятал Исида, заинтересовал, однако, не только Александру Тимофеевну, но и еще одного человека, сидящего в ресторане, — журналиста Карла Шнейдера.

Господин Сайто стоял у окна напротив своего купе и ждал, пока Исида приготовит ему постель для отдыха.

— Все готово, господин советник. Можете отдыхать.— Вышедший в коридор Исида склонился в почтительном поклоне.

— Спасибо. — Сайто скрылся в купе.

Исида собирался отправиться к себе, но, услышав позади голос Шнайдера, обернулся. Журналист шел по коридору, держа в вытянутой руке носовой платок.

— Простите, — извинился он. — Кто-то из ваших друзей уронил платок. Я шел за вами и поднял его. Возьмите.

— Благодарю, — японец поклонился, — это мой.

Шнайдер приветливо улыбнулся.

Переданный платок означал экстренный выход на связь. И теперь, войдя к себе, Шнайдер сел в кресло и стал ждать. Через несколько минут в дверь постучали. Исида протянул Шнайдеру платок.

— Слушаю вас, — сказал японец.

— От кого вы получили сегодня письмо?

— Теперь не знаю.

— Что значит «теперь»?

— Раньше думал, записка от вас, теперь не знаю...

Шнайдер сидел в кресле, Исида стоял перед ним, но немец не предлагал ему садиться.

— Что там? — спросил он.

— Сказано, что сегодня, в половине первого ночи, меня будут ждать в тамбуре третьего вагона для важного сообщения...

— Покажите.

Исида протянул конверт. Шнайдер развернул листок. Текст был написан по-английски. Сложив записку, он бросил ее на стол, посмотрел на Исиду:

— Вы же знаете, как мы должны выходить на связь.

— Да, и поэтому очень удивился записке. Но больше некому писать мне.

— А они? — Шнайдер глазами показал в сторону купе Фана.

— Исключено. Ее я знаю, а этот... — Исида пожал плечами.

Некоторое время Шнайдер молчал, наконец спросил:

— Что вы по этому поводу думаете?

— У меня есть конкретная задача. Я должен ее вы-

полнять. Вы мой непосредственный начальник. Думать должны вы.

В интонации Исида Шнайдер уловил издевку. Отношения их были натянутыми. Исида считал несправедливым работать под началом Шнайдера и всячески старался подчеркнуть свою независимость.

Шнайдер был профессиональным разведчиком, учился в Германии, сотрудничал с англичанами и вот уже пять лет как переметнулся к японцам. Ему было совершенно безразлично, на кого работать. Все решали предложенные условия. Принципов, убеждений — никаких, он одинаково презирал всех, считал свою работу ниже своих способностей, но выполнял ее хорошо. Он брался за любое дело, вне зависимости от его сложности и конечного результата. Привыкший полагаться в жизни только на себя, Шнайдер никому не верил и в любой операции основное старался выполнять сам. К тем, на кого работал, Шнайдер относился равнодушно. Зная себе цену, понимал, что с его мастерством, умом и профессионализмом без дела и денег он не останется.

Пристально взглянув в глаза Исида, Шнайдер жестко спросил:

— Может быть, кроме меня в поезде у вас есть еще один начальник, которого я не знаю?

— Нет, — холодно ответил Исида.

— Кто же это писал?

Японец не ответил, посчитав излишним повторять сказанное. Шнайдер оценил эту реакцию, сказал:

— Хорошо. Пойдем вместе. — Он отдал японцу записку. — Так оставлять нельзя, нужно выяснить.

Исида поклонился и вышел.

Шнайдер остался один. Лицо его стало озабоченно-тревожным. Он открыл портфель, вынул из него пистолет, сунул в боковой карман висевшего на вешалке пиджака...

Конечно, Чадьяров рисковал. Но тут: или — или. Ему необходимо было выяснить, кто же четвертый. Получив записку, Исида должен посоветоваться с главным, «четвертым». Не обратить внимания на письмо нельзя. Если они профессионалы — а они, по всей видимости, профессионалы, — вряд ли в такой ситуации дело останется без проверки. Поставив себя на место неизвестного ему «четвертого», Чадьяров подумал, что, учитывая важность операции, он не дал бы кому-нибудь из своих идти на такую

вот ночную встречу без прикрытия. И прикрывать надо самому...

Чадъяров шел по вагонам, незаметно вглядываясь в лица пассажиров. В третьем классе было особенно много людно. Красную косынку Чадъяров заметил издалека. На коленях у девушки был разложен пестрый платок, и на нем лежали два яблока, хлеб и сыр. В руке девушка держала книжку. Чадъяров присел напротив. Видимо, книжка была интересной, потому что девушка читала не отрываясь, не глядя, отщипывала кусочки хлеба и клала в рот.

— Здравствуй, сестренка, — негромко сказал он по-казахски.

Девушка подняла глаза на Чадъярова, просто и дружелюбно ответила:

— Здравствуйте.

— Как тебя зовут?

— Айжан.

— Я видел, ты недавно села в поезд?

— Утром. А вы кто?

Чадъяров улыбнулся, взял с ее платка кусочек сыру. Он не мог бы сказать точно, сколько лет назад ел такой сыр, но сразу вспомнил его вкус, вспомнил памятью, в которой жила и станция, и эта девушка. И в памяти зазвучали голоса, появились запахи и имена.

— Что делает сапожник Каныбек? — спросил Чадъяров. — У него еще был брат, который очень хорошо кожи выделывал.

— Каныбек? Но он умер, и давно...

— Жаль... Очень хороший был человек. Очень хороший.

Девушка внимательно всматривалась в лицо Чадъярова. Она оглядела его костюм, не самый лучший костюм господина Фана, который однако же в вагоне третьего класса поражал элегантностью.

— А Камал уже вырыл колодец? — улыбаясь поинтересовался Чадъяров.

— Кто вы? — вновь спросила девушка. — Камал — это мой дядя... Почему вы всех знаете? Разве вы жили у нас?

— Жил. Но недолго. Если твой дядя действительно вырыл колодец, то ты, Айжан, ходишь за водой мимо моего бывшего дома.

— Так вы Касымхан?! — Глаза девушки округлились,

она прикрыла ладошкой рот, испугавшись вылетевшего вдруг имени.

— Да. Я жив. И теперь мне очень нужна твоя помощь, Айжан.

Они вышли в тамбур, и Чадьяров объяснил девушке, что от нее требовалось. Ночью она должна находиться во втором по ходу поезда тамбура третьего вагона, есть яблоко или смотреть в окно. Но с двадцати минут первого и до часу ночи постараться запомнить всех проходящих в начало поезда и вернувшихся обратно. Особенно иностранцев. После этого в половине второго они встречаются в переходе международного вагона.

— Я сделаю все что нужно, — дрожащим от волнения голосом сказала Айжан, затем добавила чуть слышно: — Я постараюсь.

Чадьяров взял ее за плечи, внимательно посмотрел в глаза:

— Это очень важно, Айжан. Очень...

Ночью Исида и Шнайдер встретились на переходе между вагонами.

— Двадцать девять минут первого, — сказал Исида.

— Идите. Я останусь между третьим и четвертым вагонами, вы пойдете дальше один...

Немец закурил. Сквозь стекло двери он видел тамбур третьего вагона. Там, накрывшись шинелью и положив голову на деревянный чемоданчик, спал человек. У окна стояла девушка и грызла яблоко.

Поезд раскачивался, громыхал на стыках. За окном было темно, и только изредка пролетали назад слабые точки фонарей.

Наконец появился Исида.

— Ну? — нетерпеливо спросил Шнайдер.

— Там никого нет. Пусто.

Спавший под шинелью человек поднял голову, сонными глазами посмотрел вокруг, пробормотал что-то недовольно и повернулся на другой бок. Девушка продолжала грызть яблоко и смотреть в окно.

— Который час? — спросил Шнайдер.

— Двенадцать пятьдесят, — ответил Исида.

Они постояли в нерешительности. Все происходившее было крайне странно и неприятно.

— Что будем делать? — спросил Исида.

Шнайдер не ответил, выбросил окурок. Он еще не понимал, что происходит, но инстинкт самосохранения предупреждал его об опасности.

А Чадьяров лег рано. Он лежал на своей полке и в который раз раскладывал в голове пасьянс из того, что ему было известно, но логику операции он пока нащупать не мог. Чадьяров верил Айжан, и волнение за нее и за ход придуманного им маневра не давало покоя.

После двенадцати он каждую минуту поглядывал на часы и с трудом дождался того времени, когда нужно было идти самому. В двадцать пять минут второго Чадьяров тихо спустился вниз, нашарил в темноте тапочки.

— Ты куда? — повернулась к нему Александра Тимофеевна.

— На репетицию, — огрызнулся он. — У нас тут хор организовался... мужской. Сейчас спевка...

Александра Тимофеевна, не желая больше слушать болтовню Фана, отвернулась.

Чадьяров вышел в коридор — тихо. В тамбуре следующего вагона его уже ждала Айжан.

— Были? — сразу спросил Чадьяров.

— Да. Двое, — волнуясь, сказала девушка. — Один — японец, высокий, другой — блондин такой, с бородой...

Чадьяров рассмеялся, схватил Айжан за плечи и расцеловал в обе щеки:

— Спасибо тебе, сестренка.

— Я могу вам еще помочь? — спросила девушка.

— Нет, все. Дальше я один. Ты и не знаешь, сколько сделала, как мне помогла... — Он пожал ей руку, еще раз поблагодарил: — Спасибо тебе. Будь счастлива.

21 мая 1927 года в Токио, в просторном кабинете генерала Койсо кроме самого хозяина сидели три полковника. Одним из них был Сугимори.

— Господа, мы собрались здесь по чрезвычайно важному делу. Завтрашний день может стать поворотным для страны! — так начал свою речь генерал Койсо. Он указал рукой в сторону Сугимори: — У полковника Сугимори есть достоверная информация о том, что завтра, двадцать второго мая, на территории Советского Союза будет убит направляющийся в Москву господин Сайто. Его убьет советский офицер, который выдает себя за китайского под-

данного. Он попытается бежать, но, я надеюсь, ему это не удастся... — Койсо посмотрел в сторону Сугимори.

— Можете не сомневаться, — подтвердил полковник, — бежать ему не удастся.

— Я надеюсь, посольство Японии обратится с нотой к комиссару иностранных дел, если у них не хватит смелости выступить от имени императора и объявить о разрыве дипломатических отношений с Советской Россией. Нашим миролюбивым политикам не останется ничего иного, кроме как принять сам факт. Но в стране это может вызвать беспорядки, особенно среди трусов, которые не хотят воевать за Японию. — Койсо замолчал, как бы недоумевая, что же делать в таком случае, огорченно вздохнул и продолжил: — Не исключено, что нам придется вмешаться и для поддержания порядка взять на себя всю полноту власти в стране. Надеюсь, мы сумеем распорядиться властью достойно... А теперь я полагаю нeliшним, чтобы господин Сугимори посвятил нас в детали операции, которая должна произойти завтра.

Полковник Сугимори встал, поклонился генералу и разложил перед собой газеты, фотографии.

Операция заключалась в следующем. Господин Сайто направляется из Владивостока в Москву Транссибирским экспрессом. В Харбине его охранника подменяет некто Исида, сотрудник аппарата Сугимори. Рядом с купе дипломата из Японии едут с туристическими целями двое китайских подданных, муж и жена. Она — кадровый сотрудник японской разведки под кличкой Ракушка. Он только что завербован, ничего об операции не знает, ни в какие подробности не посвящен, кличка Официант.

Завтра, 22 мая, в 14 часов 20 минут, господин Сайто будет убит во время отдыха Ракушкой выстрелами через стену. За пять секунд она должна будет сделать как минимум три выстрела; пистолет у нее именной, подаренный командиру за доблесть, и командир этот — Официант.

Охранник дипломата, Исида, который будет стоять за минуту до начала операции в коридоре, услышав выстрелы, ворвется в купе и расстреляет Официанта.

На все остальное отпущено не более 15 секунд. Официанту вложат в руки как бы принадлежащее ему оружие, а в подкладке его костюма уже давно запишут документ, который изобличит его как агента Коминтерна. Биография этого человека подтвердит принадлежность его к советской разведке: он казах из Синьцзяна, некоторое

время служил в Красной Армии, ныне китайский подданный.

Но операция начнется лишь после того, как журналист Карл Шнайдер, подданный Австрии, получит телеграмму о выходе его статьи из печати. Он же первый окажется на месте происшествия и проявит естественную для его профессии оперативность.

Таким образом, получится: Советы пытались организовать убийство видного японского деятеля китайским подданным, они хотели столкнуть великую Японию с Китаем, но благодаря бдительности Исида — охранника господина Сайто — и оперативности Карла Шнайдера коварный замысел Москвы разоблачен...

Когда Сугимори закончил, генерал Койсо спросил:

— Как вы узнаете об успехе операции, Сугимори-сан?

— Если операция закончится благополучно, Шнайдер пошлет телеграмму на имя крупнейшего токийского издателя Кавамото с известием, что очередной материал готов. Эта телеграмма — сигнал для бума в прессе.

— Простите, Сугимори-сан, — подал голос один из полковников. — А вы не боитесь, что господин Кавамото вновь поступит с нами так же, как поступил однажды?

— Думаю, что нет. Я ему все объяснил. — Сугимори сделал паузу и добавил: — Как следует объяснил.

— Приказ Шнайдеру начать операцию означает, что мы готовы к последующим событиям. Я считаю, медлить нечего, — сказал генерал Койсо. Он поднялся, встали остальные. — Итак, — обратился Койсо к Сугимори, — можете давать телеграмму журналисту.

Сугимори почтительно склонил голову.

На следующий день, ранним утром 22 мая, экспресс подходил к маленькой станции; одинокая фигура дежурного маячила у края перрона.

Было тепло и пасмурно. Дежурный вглядывался в номера вагонов и, найдя седьмой, побежал рядом. Когда поезд остановился, он вошел в вагон и громко сказал:

— Господин Карл Шнайдер! Вам телеграмма!

Из седьмого купе высунулась взлохмаченная голова Шнайдера.

— Да-да! Спасибо! — сказал он торопливо, взял телеграмму и расписался.

Чадьяров не мог не заметить, как напряглась Александра Тимофеевна, услышав голос дежурного. Она тотчас вышла в коридор и закурила.

Чадьяров слез со своей полки и встал перед зеркалом, как бы соображая, стоит ли вставать или можно еще полежать. Невзначай взялся за ручку двери и, подсунув под нее тапочку, закрепил так, чтобы зеркало в простенке отражало коридор. Сделав это, он влез на полку и накрылся одеялом. Через несколько минут Чадьяров увидел, как Исида пронес в купе к Сайто стакан чаю. Потом вышел в коридор и остановился, глядя в окно.

...Шнайдер еще раз прочел телеграмму.

«Значит, там все готово, и дело надо кончать сегодня».

Шнайдер знал, что значит для японцев эта операция. Исход ее закрутит такую машину, в шестерни которой попадать, мягко говоря, нежелательно. Но, по логике, после странного письма, полученного Исидой, операцию нужно было отменить. Или по крайней мере перенести до той поры, пока не станет ясным, кто писал это письмо. В данный момент отменить операцию мог только Шнайдер. И в этом случае вся ответственность ложилась на него.

«Ну, хорошо, — размышлял Шнайдер, лихорадочно отхлебывая чай из стакана, — отменю. Из-за чего?.. Из-за странного письма. Но ведь того, кто это письмо написал, нет. А может быть, его и не существует? Может быть, его написал Исида сам, чтобы провалить операцию моими руками? Что тогда? Тогда получится, что я самовольно сорвал тщательно продуманный и долго подготавливаемый план японской разведки и тех, кто станет новым правительством. — Шнайдер отставил стакан. — Этого мне, конечно, не простят. С другой стороны, если письмо написал не Исида, тогда почему никто не явился на встречу?.. А может, эта встреча состоялась, но Исида мне о ней не сказал?.. Нужно было идти вместе с ним. Но тогда бы грубейшим образом нарушилась конспирация, и я допустил бы профессиональный просчет, выразил бы недоверие тем, с кем работаю. Это для японцев тоже непростительно... А если, скажем, Исида продался Советам и раскрыл операцию?.. В таком случае пострадать может только Сайто, и Демидова, и этот... тюфяк Фан. Я никого не убивал, я журналист, и инкриминировать мне нечего».

И Шнайдер решил так: телеграмма получена, операция готова. Писавший письмо не обнаружил себя. Значит, нужно действовать, но быть готовым к неожиданностям!

Шнайдер выглянул в коридор — Исида и Демидова, видно услышав о телеграмме, стояли неподалеку. Шнайдер подошел к окну напротив своего купе и сдвинул левую занавеску.

Это означало — сегодня!

Потом Шнайдер постоял у окна, невидящими глазами глядя на проносившийся мимо перелесок. Он подумал, что, пожалуй, эта операция будет последней в его сотрудничестве с японцами. Надо отдохнуть. Уйти на покой года на два подальше от Азии... Хорошо бы и от Европы подальше... И от Америки...

Мысли его снова вернулись к сегодняшней операции. Что-то в ней настораживало... Но действовать необходимо.

В своем купе Шнайдер тщательно проверил оружие, неожиданно для самого себя перекрестился и вышел в коридор.

Он обратил внимание на то, что дверь пятого купе была приоткрыта, а в зеркале отражался спящий Официант. Проходя мимо Демидовой, Шнайдер тихонько коснулся ее локтя, как бы прося идти за ним: он все же решил поговорить с Ракушкой.

— У меня к вам просьба, мадам, — сказал Шнайдер, когда Александра Тимофеевна двинулась за ним. — Я слышал, вы русская. Может быть, вы мне поможете с названиями станций? В расписании есть перевод, но, что эти слова обозначают на русском языке, я не знаю... А мне бы они очень пригодились для статьи...

Остановившись у расписания на стене, Александра Тимофеевна начала переводить Шнайдеру названия станций, и он, записывая их в блокнот, тихо спросил:

- У вас нет ощущения, что мы едем не одни?
- То есть? — подняла на него глаза Демидова.
- Что нас контролируют?
- Нет, — поразмыслив, ответила она.
- А как ваш «муж»?
- Глупый, трусливый человек.
- От него не может быть сюрпризов?
- Думаю, нет. Он почти не выходит из купе, целыми днями лежит и ноет, проклиная судьбу.

— Она действительно у него незавидная, — улыбнулся Шнайдер и тут же серьезно добавил: — Операция сегодня. Будьте готовы.

Чадьяров знал: времени у него мало. Но сегодня, после получения Шнайдером телеграммы, оцепенение Демидовой, ее нервозность — все говорило за то, что времени не осталось совсем.

Когда Александра Тимофеевна вошла в купе, Фан брился.

— Пойдем завтракать? — рассеянно спросила она.

— Сейчас... Иди, я догоню.

Против ожидания Александра Тимофеевна не стала спорить. Отправилась в ресторан.

Японцы уже ушли. Чадьяров услышал голос Шнайдера, который, крикнув проводника, как всегда, попросил закрыть свое купе.

Вытерев лицо полотенцем, Чадьяров вышел в коридор. Он медленно прошелся и встал неподалеку от купе, в котором ехал Шнайдер.

Проводник, напевая, подметал пол. Вскоре он скрылся в тамбуре, и Чадьяров отпер своим ключом-трехгранкой дверь, проник в купе Шнайдера. Осмотрелся. На столе — бумаги, пишущая машинка, ворох газет. В багажной нише лишь небольшой чемодан и портфель.

Чадьяров достал чемодан, переворошил содержимое, потом вынул мандат, вшитый когда-то в пиджак Фана, и положил его на дно. Закрывая чемодан, прищемил рукав лежащей сверху рубашки, торчащая манжета, конечно, привлечет внимание хозяина. Затем положил чемодан на место, но не так, как он лежал раньше, а боком.

Прислушавшись, Чадьяров чуть приоткрыл дверь, посмотрел — пусто ли в коридоре — и выскоул из купе.

Расчет у Чадьярова был простой. Он хотел попытаться помешать операции или по крайней мере потянуть время, заставив Шнайдера заподозрить кого-то из своих в измене. Если Шнайдер найдет у себя в чемодане мандат, он вправе подумать, что жертвой намечен он сам.

Теперь Чадьяров уже понимал, что Фану в этой игре отведена самая незавидная роль.

Вернувшись из ресторана, Шнайдер мгновенно определил, что в его вещах рылись. Он осторожно вынул из чемодана все содержимое, небрежно набросанное туда кем-то, и увидел мандат.

«Так, — подумал Шнайдер, — значит, предали, но ничего, посмотрим, чей будет верх. Операция состоится. Однако никто, кроме меня, не выйдет из нее живым...»

Шнайдер сунул удостоверение в карман, аккуратно сложил вещи.

А Исида тем временем, чуть раньше обыкновенного, постелил Сайто постель для послеобеденного сна и с поклоном сообщил дипломату, что тот может отдыхать.

Чем ближе господин Сайто приближался к Москве, тем беспокойнее ему становилось. Он прекрасно знал тех, кто работает в посольстве, знал их убеждения, настроения, не предвещавшие ему ничего хорошего. В то же время, чем дальше он уезжал от Токио, тем тревожнее ему становилась за оставленную там семью.

Удрученный тяжелыми мыслями, Сайто отправился отдыхать.

Часы показывали без пяти два...

В пятом купе на своей полке Фан листал журнал. Несколько раз он безуспешно пытался уговорить Александру Тимофеевну открыть дверь, ссылаясь на духоту в купе. Демидова молча лежала на диване, отвернувшись к стене.

— Ты спишь? — спросил Чадьяров.

Александра Тимофеевна не ответила.

Она смотрела прямо перед собой, на сделанную на стене метку. Под платком, которым была накрыта Демидова, лежал пистолет, тот самый, из тайника. Сбоку от него — перчатки. Она услышала, как в соседнем купе дипломата хлопнула дверь, потом щелкнул замок.

«Вот сейчас... сейчас... — Александра Тимофеевна несколько раз с силой сжала и разжала под платком онемевшие пальцы. — Теперь, наверное, уже лег...» — подумала она о Сайто и представила себе его лицо вот здесь, прямо за стенкой, в двадцати сантиметрах от себя, — бледное лицо молчаливого японца. Она никак не могла согреться, тело словно свела судорога.

«Нужно успокоиться и все вспомнить... Двумя руками, чтобы не выбило отдачей... Ствол вплотную к стене, чуть ниже метки... — Она взглянула на часы. — Боже мой, еще пять минут!..»

Исида стоял перед зеркалом в своем купе. Он дослал патрон в ствол пистолета, сунул его за пояс, застегнул пиджак. Потом одним движением выхватил пистолет, при-

целился в свое отражение, повторил это движение несколько раз, все время чуть-чуть меняя положение. Наконец остался доволен, спрятал оружие и застегнул одну пуговицу.

Пора идти...

Он еще раз взглянул на свое отражение в зеркале и вышел в коридор. Остановился против двери купе дипломата, прислушался, потом прошел чуть дальше и встал рядом с дверью пятого купе так, чтобы можно было одним рывком ее распахнуть.

Исида выглядел спокойным, только присмотревшись, можно было заметить некоторое напряжение в его чуть подавшейся вперед фигуре...

А Чадьяров продолжал листать журнал.

Александра Тимофеевна несколько раз мелко перекрестилась, потом осторожно начала надевать перчатку. Пальцы слушались плохо, соскальзывали с тонкой лайки... Теперь она больше ни о чем не думала, лишь бы до первого выстрела сделать все совершенно бесшумно.

Она медленно и осторожно нашупала под платком пистолет, подтянула его повыше, удобно взялась за рукоятку и тихо, насколько было возможно, спустила предохранитель.

Чадьяров перевернул страницу журнала.

Александра Тимофеевна приставила ствол пистолета вплотную к стене.

Чадьяров небрежно шелестел страницами. На самом же деле он испытывал огромное напряжение и в любую секунду был готов к прыжку. Этот звук он не смог бы спутать ни с чем: внизу щелкнул предохранитель. Что же теперь? Боевая пружина лежала у него в кармане. Именной пистолет из желтого чемодана выстрелить не должен. Ну а если у Демидовой есть другое оружие? Нет, Чадьяров довольно внимательно осмотрел все вещи Александры Тимофеевны. В те редкие минуты, когда она оставляла Фана одного, он не терял времени даром. Это во-первых. Во-вторых, он не мог не заметить, что один ремень на желтом чемодане не застегнут. Значит, его открывали. Ну а если пистолет проверили и обнаружили неисправность?..

Как все обернется дальше, Чадьяров не знал. Он сделал что мог, на что был способен. И сейчас, ловя каждый

шорох с нижней полки и готовый к самому худшему, Чадьяров шумно перелистывал страницы.

Задержав дыхание, Александра Тимофеевна плавно положила палец на спусковой крючок, нажала. Выстрела не последовало. Она резко нажала еще раз, еще — то же самое. Забыв об осторожности, она судорожно щелкала предохранителем, вновь несколько раз нажала на спусковой крючок — тщетно.

По виску Чадьярова катилась капелька пота. Он слышал прерывистое дыхание Демидовой и теперь уже был совершенно уверен, что в руках ее то самое оружие, которое везли в тайнике.

Шнайдер посмотрел на часы. Время прошло, выстрела не последовало. Внутренне он уже подготовился к тому, что операция срывается, но все-таки в эту минуту страх перед неведомой силой овладел им.

Вначале все казалось просто и ясно: с одной стороны, Сайто, которого нужно убить, с другой — руководимая Шнайдером груша, которая это сделает.

Но откуда-то появилась таинственная третья сила... Как бороться с ней?..

В недоумении был и Исида. Он отцепил побелевшие пальцы от поручня, за который держался в коридоре, посмотрел на часы. У двери пятого купе прислушался: тихо. Некоторое время он в нерешительности переминался с ноги на ногу, видимо прикидывая, как поступить дальше, потом быстро пошел по вагону и постучал к Шнайдеру. Вошел в купе, закрыл за собой дверь, но ничего не успел сказать: сильный удар свалил его с ног. Не дав Исида упасть, Шнайдер схватил его за лацканы пиджака, бросил в кресло, прижал голову к стене.

— Я... я... — пытался что-то сказать ошеломленный Исида.

— Почему не стреляет? — с яростью зашипел Шнайдер.

— Не знаю...

Шнайдер ударили Исиду в подбородок. Тот гулко стукнулся о стену затылком, на мгновение потерял сознание. Шнайдер плеснул ему в лицо остатками чая. Японец открыл глаза.

— Кто тебя подоспал, говори?.. Обвести меня хотели? Официантом сделать? А ну говори!

— Я не понимаю... — с трудом выдавил Исида.

— Поймешь! — Шнайдер взвел курок. — Кто меня должен был убить? Кто сорвал операцию? Кто тебе писал записки? Ну!

Японец замотал головой, вытер окровавленный рот.

— Кто здесь еще едет?

— Не знаю...

— А вот это знаешь? — Шнайдер выхватил из кармана мандат, ударил им наотмашь Исиду по щеке: — Это знаешь? Кто мне подложил? Хотели, как того барана?

Исида вдруг резко распрямился и головой ударили Шнайдера в живот. Потом сверху двумя руками — по шее. Шнайдер упал на колени, но тут же, схватив Исиду за ноги, что было силы дернулся на себя. Тот рухнул, свалился со стола пишущую машинку. Посыпались бумаги, газеты, разбился стакан.

Не помня себя от ярости, Шнайдер ударили Исиду ногой, потом еще и еще...

Александра Тимофеевна распахнула дверь. В пустынном коридоре ветер тихо шевелил белые занавески. Исиды не было! Значит, если бы она выстрелила, никто бы не ворвался в купе, и тогда...

— Боже мой! — прошептала Александра Тимофеевна, холода.

Она обернулась, и Чадьяров увидел ее бледное лицо с бескровными прыгающими губами.

Фан с недоумением смотрел на «жену».

Поезд замедлял ход. Мимо купе пробежал проводник:

— Стоим две минуты! Просьба не выходить!

Но Александра Тимофеевна, похоже, ничего не слышала. Еще секунду стояла в оцепенении, смотрела невидящим взглядом куда-то мимо Чадьярова, потом сорвалась с места. Дернула ручку двери в купе Шнайдера. Там было заперто.

Александра Тимофеевна вернулась к себе, захлопнула дверь и, рыдая, повалилась на постель.

18

Когда поезд остановился, Айжан спрыгнула с подножки на перрон. Навстречу ей уже торопились отец и братья. Всю дорогу она вспоминала про Чадьярова, очень хотела еще раз его увидеть.

Старик что-то говорил, обнимая дочь, малыши со всех сторон обленили старшую сестру. Так все вместе они спустились с перрона, перешли полотно за поездом и направились к стоявшей неподалеку повозке.

И тут Айжан увидела того самого человека с бородой, который приходил ночью в тамбур третьего вагона. Он быстро шел по насыпи к головным вагонам. На лице его была видна свежая ссадина, рубашка расстегнута. Видимо, бородатый выскочил в окно, потому что все двери с этой стороны состава были заперты.

Айжан услышала, как зазвонил станционный колокол, ему гудком ответил паровоз. Бородатый заторопился. Клацнув буферами, поезд медленно тронулся. Бородатый побежал.

Сама того не замечая, Айжан машинально пошла за ним, оставив отца и братьев в недоумении стоять у повозки. Она еще не знала, что предпринять, но чувствовала: нужно остановить бородатого или как-то дать знать о нем Чадьярову.

Айжан стала прибавлять шаг.

А поезд набирал скорость. Шнайдер вскочил на подножку первого вагона, остался стоять на ступеньках. И тут, оглянувшись, он увидел девушку, которая, размахивая руками, бежала по насыпи. Шнайдер с беспокойством смотрел на нее, пытаясь понять, зачем она бежит. Вдруг девушка остановилась, кинулась обратно и ловко вскочила в седло стоявшего возле повозки коня.

Помощник машиниста видел и Шнайдера, идущего по насыпи, и бежавшую за ним Айжан. Он даже подозревал к окну машиниста, но тот ничего не заподозрил.

— Ну, отстал кто-то или забыли чего... Делом лучше займись.

Добродушное машиниста успокоило парня, однако он вынул из ящика с инструментами молоток потяжелее и положил рядом с собой.

Оставив в купе плачущую Александру Тимофеевну, Чадьяров вышел в коридор и запер снаружи дверь.

У окна беседовали двое пассажиров-иностранцев. Чадьяров двинулся по коридору и замедлил шаг перед купе Сайто. Там было тихо. Так же тихо было и за дверью Шнайдера. Исида тоже не видно.

Поезд набирал ход.

— Смотрите, смотрите! — воскликнул один из пассажиров, показывая на окно. — Что вы скажете? Вот дикий народ!

Чадьяров увидел Айжан. Беспрерывно погоняя коня, она мчалась рядом с поездом. Айжан тоже заметила Чадьярова и что-то закричала, показывая вперед. Чадьяров попытался открыть окно, но оно не открывалось.

— Вот так скакать, кричать неизвестно что и зачем, — продолжал рассуждать пассажир, глядя на всадницу. — Инстинкт, дикость. Она ведь и сама не может объяснить, зачем скакет...

Чадьяров все еще пытался открыть окно. Оно не поддавалось.

Айжан начала отставать. Нешадно погоняя взмыленную лошадь, кричала, взмахивала руками, но за грохотом колес ничего не было слышно.

— Да, у всякой нации есть свой предел развития, потолок, — заключил свое рассуждение пассажир. — Не нужно пытаться нарушить эту закономерность. Одни рождены выдумывать и делать машины, другие — вот так, рядом с этими машинами, скакать на диких лошадях...

Последний раз всадница появилась в крае окна и исчезла. Чадьяров уже не видел, как споткнулась под Айжан лошадь, как девушка вылетела из седла, как, вскочив на ноги, пробежала еще несколько шагов за уходящим поездом, а потом упала в отчаянии на рельсы.

А Шнайдер стоял на подножке первого вагона. Он с радостью отметил про себя, что затея сумасшедшой всадницы не удалась. Сейчас для него самым главным было поудачнее соскочить с поезда, похоронив в нем всех остальных. «Их много, а я один» — это был принцип Шнайдера, которым он руководствовался, принимая то или иное решение, и этот принцип был для него святым.

Шнайдер перекинул ногу через перегородку, отделявшую первый вагон от паровоза, уцепился руками за скобу на тендере, подтянулся и спрыгнул на уголь.

Он видел только машиниста — помощника скрывала толстая железная перегородка. Шнайдер вытянул из-за пояса пистолет. Стрелять было неудобно — паровоз сильно раскачивался, — но, взявшись за рукоятку двумя руками, он подгадал и в промежутке между стыками выстрелил. Машинист повалился на рычаги. Услышавший выстрел помощник, здоровенный парень, появился в проеме желез-

ной двери и, не целясь, метнул в Шнайдера молоток. Шнайдер выстрелил — брызнули стекла манометра. Вторая пуля попала парню в плечо.

В это время паровоз качнуло, Шнайдер потерял равновесие, его бросило вперед, и раненый помощник машиниста успел толкнуть навстречу Шнайдеру железную дверь. Она сильно ударила его в грудь, пистолет отлетел далеко на уголь...

Чадьяров лихорадочно соображал, что делать. «Пистолет не выстрелил, — думал он, — но жив ли дипломат, неизвестно. Не видно Шнайдера... Нигде нет Исиды... Еще Айжан... Почему она мчалась за поездом?»

В коридор вошел официант, на подносе он нес стакан с чаем и блюдечко с вареньем, видимо направляясь в другой вагон, но Чадьяров задержал его:

— Постучите в седьмое купе, там пассажир хотел что-то заказать в ресторане.

Официант кивнул и, подойдя к купе Шнайдера, постучал. Ему не ответили. Он тихонько нажал на ручку, но дверь была заперта. Чадьяров виновато пожал плечами.

У окна остановился проводник, недовольно сказал:

— Чего это машинист так раскочегарил? Опаздываем, что ли? Все колеса поотлетают. — И озабоченно прошел мимо Чадьярова.

Поезд действительно мчался необыкновенно быстро. Он проскочил разъезд. В окно Чадьяров увидел обходчика — тот, размахивая флагом, бежал по насыпи.

Ждать было нельзя.

Чадьяров вошел в туалет, запер дверь, снял пиджак. Потом открыл окно, высунулся. Рельсы по большой дуге уходили вправо, и можно было видеть поезд, растянувшийся полукругом. Паровоз нещадно дымил.

Чадьяров ухватился за водосточный желоб снаружи вагона, подтянулся и, почувствовав под ногами раму окна, стал на нее, потом, оттолкнувшись, уцепился за вентиляционную трубу, выбрался на крышу.

Вагон сильно раскачивало. Чадьяров, балансируя, побежал по крыше. Определив по вентиляционным трубам купе, в котором ехал Сайто, он лег на живот и осторожно стал сползать.

Дипломат лежал в своей постели, и Чадьяров не мог сразу определить, жив он или нет. Ему пришлось некото-

рое время наблюдать за Сайто, и, лишь когда тот во сне высвободил из-под одеяла руку, Чадьяров понял, что с ним все в порядке. Затем нашел купе Шнайдера. Окно было распахнуто, ветер шевелил газеты, бумаги, разбросанные по полу, под столом виднелась перевернутая пишущая машинка, осколки стекла. Раскрытый чемодан лежал на диване.

В кресле полулежал Исида, голова, упавшая на грудь, безвольно болталась. Рубашка, костюм, кресло были залиты кровью. Шнайдера в купе не было.

Преодолевая сопротивление ветра, Чадьяров бежал по крышам, прыгая с одного вагона на другой, приближаясь к паровозу.

Раненому, потерявшему много крови помощнику машиниста пока удавалось сдерживать Шнайдера, прижатого дверью, но силы машиниста были на исходе.

Шнайдер, тоже порядком уставший, замер ненадолго, отдохшая, потом резким движением рванулся в сторону и высвободился из-за двери, сильно ударившись при этом о какой-то выступ. Помощник машиниста, потеряв упор, рухнул, а Шнайдер кинулся к валявшемуся пистолету. И тут появился на паровозе Чадьяров. Резким ударом он отбросил Шнайдера в сторону. Глухо охнув, тот расплылся на угольной крошке. Чадьяров подобрал его пистолет, сунул в карман, бросился к машинисту. Тот был мертв.

Паровоз шел на предельной скорости. Прыгали стрелки приборов, из пробитой трубы со свистом летела водяная пыль.

Чадьяров приподнял раненого помощника машиниста:

— Дружок, соберись... давай... — Он тряс парня за плечи, тот с трудом открыл глаза. — Притормози маленько, только не останавливай сразу. Пока не останавлива, слышишь?

Он помог парню подняться. Потом они вместе закручивали краны, поворачивали рычаги, вернее, делал это Чадьяров. Раненый сидел, привалившись к стене, и с трудом знаками показывал Чадьярову, что надо делать.

Паровоз понемногу замедлял ход.

Чадьяров взял оказавшееся в углу ведро с водой, дал напиться раненому, брызнул на лицо, остальное выплеснул на Шнайдера.

Шнайдер застонал и открыл глаза.
Потрясенный, он отвернулся от Чадьярова и пополз по угольной куче наверх. Чадьяров стащил его за ногу обратно.

— Будьте вы прокляты! — устало сказал Шнайдер.
— Я — советский разведчик, — обрезал его Чадьяров. — Паспорт тебя не спасет, ты убил двоих. Даю десять секунд, отвечай коротко: в чем состоит задание?

— Отправьте меня в ЧК, там все скажу. Можете быть уверены, про этих... — Он запнулся, подбирая слово, но не решился выругаться и сказал: — Негодяев.

— Что ты должен был сделать?

— Я? Что сделать? — закричал Шнайдер. Он повалился на кучу угля и нервно расхохотался: — Я должен был сидеть в купе, пить чай и ждать, пока эти... кретины убьют Сайто и Фана. А потом послать телеграмму. Нет! Не скакать по вагонам, не драться, никого не убивать, спасая свою жизнь из-за этих...

Чадьяров перебил его:

— Какую телеграмму? Кому и куда? Быстро!

Шнайдер прикрыл глаза, монотонно проговорил текст телеграммы и адрес. Его охватила полная апатия. Теперь ему было совершенно безразлично, что с ним будет дальше. Лихорадочное напряжение, в котором он жил последние несколько дней, сменилось такой усталостью, что Шнайдер мечтал об одном — только бы все поскорее кончилось. Неважно как, лишь бы кончилось...

Чадьяров на Шнайдера уже не смотрел. Он поправил на раненом помощнике кепку, спросил:

— Ну как ты?

Тот слабо улыбнулся.

— Через сколько остановимся?

— Минут через пятнадцать.

Чадьяров протянул парню пистолет Шнайдера:

— Держи его на мушке, двинется с места — стреляй по ногам.

В коридоре, теребя ручку туалета, стоял пассажир. Он нетерпеливо постучал в дверь, посмотрел на часы. Наконец щелкнул замок, дверь открылась. На пороге появился Чадьяров. Он успел вымыться, мокрые волосы его были гладко зачесаны, правда, рубашка и брюки — в угольной пыли.

Чадьяров виновато улыбнулся, спросил доверчиво:

— Вы квас в ресторане пили?

— Нет, — ответил пассажир, с недоумением разглядывая Чадьярова.

— Правильно. Не пейте. — Чадьяров показал на живот: — Сутки мучаюсь.

В купе Александра Тимофеевна, обессиленная и измученная пережитым, лежала, уткнувшись в подушку, и плечи ее судорожно вздрагивали.

Чадьяров сменил рубашку, брюки, влез на свою полку. Поезд медленно останавливался.

19

А в это время за много тысяч километров отсюда, на заднем дворе кабаре «Лотос», сидел на ящике Паша Фокин и с аппетитом ел суп из кастрюли. Вид у Паши был еще более плачевный, чем раньше, но сам он светился бодростью. Вокруг него столпились служащие кабаре, и Паша рассказывал им о Москве:

— Вот... Еще автобусы теперь ходят. Садишься на Лубянке — и вниз, потом мимо Манежа, через мост...

— Да-а, — мечтательно перебила его Вера Михайловна, — значит, Китай-город проезжаешь... Иверская слева... А до нее — Охотный ряд...

Паша отодвинул кастрюлю, принялся за гуляш.

— Там сейчас и не узнаете ничего, — говорил он. — Асфальт везде кладут, извозчиков скоро совсем не будет, таксомоторы теперь!.. И набережные у нас будут укреплять, каменные сделают...

— Где это «у нас»? — с усмешкой спросил князь. — Это вы про Москву, что ли? Забудьте, Павел Тимофеевич! Теперь привыкайте — «у них»!

Поваренок принес Паше еще одну тарелку. Паша брезгливо отодвинул:

— Нет, креветки не по мне. Лучше колбаски нормальной порежь.

Из всех присутствующих к рассказам Паши о Москве безучастными остались только два человека: Шпазма, который там никогда не был и попасть не надеялся, да Лукин, с болью и тоской вспоминавший о России, но не желавший этого показывать. Он сидел в стороне и водил прутиком по земле, делая вид, что ничего не слышит.

— Девочки, а вы что стоите? — всполошилась вдруг Вера Михайловна. — Немедленно на сцену! Репетировать!.. Алексей, за инструмент!

Сергей Александрович устроился напротив Фокина и, сложив руки на груди, сказал:

— Не знаю, Павел Тимофеевич, что вы будете делать, когда хозяин наш вернется. Эти обеды он запретит, точно. Он, знаете ли, такой щедрости за свой счет не любит.

— Да к тому времени я надеюсь на работу устроиться по специальности, — беззаботно ответил сытый Паша.

— Паша... — Князь подсел поближе и с грустью посмотрел на Фокина. — Мы же с вами одни... Чего передо мной-то петушиться? Скажите прямо: совсем плохо?

— Совсем, Сергей Александрович, совсем плохо... — честно признался Паша. — Я уже одурел от этой свободы. Свободен от всего. Днем еще куда ни шло: пока поесть достанешь, пока насчет работы бегаешь, вроде бы и при деле, думать некогда. А ночью лежишь, и так себя жалко... — Голос Паши дрогнул. — Я вот сегодня знаете как брился?

И Паша рассказал, как долго он искал хоть какой-нибудь осколок стекла, как нашел его, как скоблил им щеки и как слезы текли — от боли и жалости к себе; рассказал про мысли, что иногда приходят в голову, — невеселые мысли, грустные.

— Вот вы мне посоветуйте, — говорил Паша старику. — Может, мне и ждать нечего?.. Может, сразу в Сунгари? С моста — бултых, а?

Князь некоторое время молча смотрел на Пашу, наконец задумчиво спросил:

— Вы могли бы достать где-нибудь долларов триста?

— Допустим... — Паша удивленно поднял глаза. — А зачем?

Князь не ответил.

— А танцевать вы умеете?

Этот вопрос застал Пашу врасплох, он изумленно вытаращил глаза:

— В каком смысле?

— Видите ли... — совсем тихо начал князь, — наш танцор, чечеточник, собирается уходить, он надумал свой танцкласс открыть, деньги копит. Короче, ему осталось отработать триста долларов... Вот я и думаю, вы бы ему одолжили, а он вам место уступит, а? Хотите, я с Верой

Михайловной поговорю? Она могла бы позаниматься с вами.

Старый князь испытывал жалость к несчастному молодому человеку и очень хотел ему помочь.

— Ну так что? Попробуем?

— Сергей Александрович, — горько усмехнулся Фокин, — я учился, работал, еле-еле денег наскреб, купил билет и уехал из России, чтобы в кабаре у китайца чечетку плясать, так получается? Нет! — Паша встал, утер рукавом рот, направился к выходу, но тут же вернулся.

Князь с сожалением смотрел на него, а Паша патетически добавил:

— Не для того проехал через всю Азию Паша Фокин, чтобы в сомбреро и штанах с кисточками чечетку отбивать. Прошу прощения, образование не позволяет!.. Спасибо за обед. У меня в городе дел полно!

Князь был расстроен: наивный бедолага все еще верил в свою удачу и никак не хотел принимать его помощи.

— Бедный парень, — вздохнул князь, — он еще на что-то надеется...

Молчавший до сих пор Лукин отшвырнул в сторону свой прутик и резко встал.

— Дурак! — сказал он со злостью. — Дурак и ничтожество! Я бежал, когда мне в спину пулеметы стреляли, а он? Он-то чего? — Лукин в сердцах ударил ногой по пустому ящику. — Креветок захотелось? В бордель?! Гнида! В революцию небось отсиживался, в гражданскую прятался, а потом десять лет — мучным червем... Люди работали, дело делали, а он деньги копил, чтоб сбежать!.. Ну ничего, за что боролся, на то и напоролся! Тут его быстро до ума доведут. — Лукин сплюнул: — Душил бы таких своими руками!

20

Транссибирский экспресс остановился в нескольких километрах от станции, прямо в поле. Пассажиры испуганно выглядывали из окон вагонов. Состав был оцеплен красноармейцами. У паровоза стояли две машины, еще несколько машин — у международного вагона.

Тело убитого машиниста чекисты осторожно положили на подводу, накрыли шинелью. Раненого помощника усадили на землю, врач перевязывал ему плечо.

Все это время, перепачканный, с разбитым лицом, Шнайдер сидел в углу тендера, привалившись спиной к холодной, грязной стенке, и безразличным взглядом следил за происходящим. Его сняли с поезда последним. Чекистам был дан приказ вывести Шнайдера так, чтобы никто из пассажиров и вообще из посторонних его не видел.

Только в машине, вырулившей с проселка на шоссе, Шнайдер приоткрыл окно и с жадностью вдохнул степной воздух.

— Я прошу немедленно отправить меня в Москву, — сказал он и откинулся на спинку сиденья. — У меня есть важная информация.

А Фан был смертельно напуган: поезд стоял, по коридору сновали незнакомые люди, шипели магниевые вспышки, за окном мелькали красноармейцы.

— Я ничего не знаю, клянусь вам, я ничего не знаю! — как заклинание, повторял Фан.

Человек в кожаной куртке со звездочкой на фуражке спокойно слушал его, рассматривая паспорт.

Демидова, устало сложив на коленях руки, сидела на диване. Фан продолжал твердить, что он ничего не знает, с тревогой смотрел то на чекиста, то на «жену».

— А вы не слышали выстрелов, криков, борьбы? — спросил наконец чекист, возвращая паспорт.

— Клянусь! — Фан чуть ли не трясясь от страха.

Александра Тимофеевна безразлично подняла на чекиста глаза.

— Он все время был в купе, спал, — произнесла она и, видя близкое к истерики состояние Фана, добавила: — Оставьте его, он нервный человек. С ним может быть приступ.

— Может, может, — охотно подтвердил Фан.

Когда поезд снова тронулся, Фан тяжело опустился в кресло, сказал:

— Да-а, поездочка... Послушай, Шура, а когда же мы задание получим?.. Слава богу, чекисты меня не узнали. А то привет, господин Тагава, веселый Фан прощается с вами! Сдерут с кабаре вывеску, пожитки мои пустят с молотка, и все забудут немножко смешного, немножко странного...

— Перестаньте, — устало перебила его Демидова. — Я вас очень прошу, хотя бы час не причитайте.

Александра Тимофеевна повернулась к стене, зябко

передернула плечами и затихла. Не шевельнулась и когда поезд остановился на станции и когда Чадьяров вышел в коридор — лежала, прижавшись лбом к холщовой диванной спинке и вспоминала Вятку, такой же диван в маленькой проходной комнате... Теплые слезы медленно катились по щекам, она по-детски слизывала их, все сильнее прижималась лицом к спинке дивана и шептала прерывисто сквозь душивший плач:

— О господи, как же все теперь?..

На следующей станции стояли недолго. Поменяли паровоз, заправили водой и углем вагон-ресторан, да еще дежурный по станции взял от веселого иностранца из международного вагона две срочные телеграммы: одну для отправки в Москву, другую — в Токио, издателю Кавамото, за подписью Карла Шнейдера.

В этот же день в Токио хозяева нескольких больших кабинетов нервно поглядывали на часы, ожидая вести, которая вот-вот должна круто повернуть огромную политическую машину. Первым эту весть принял секретарь издателя Кавамото, и уже через минуту он стоял перед своим шефом:

— На ваше имя получена телеграмма, о которой вы меня предупредили.

Пробежав телеграмму глазами, Кавамото снял телефонную трубку.

— Да, — услышал он через несколько секунд голос полковника Сугимори.

— Получена телеграмма, Сугимори-сан, — торжественно сообщил Кавамото.

Сугимори быстро взглянул на часы.

— Пускайте, — коротко сказал он.

Через три минуты о случившемся знали Хаяси и генерал Койсо. А уже через час все печатные машины в типографиях Кавамото были пущены в работу. Бешено вращались барабаны, мелькали, крутились шкивы и шестеренки, прогибаясь, тянулась бумажная лента. Отпечатанные полосы ложились на роликовый транспортер, мелькали зловещие заголовки:

«Трагическая гибель господина Сайто!»

«Истинное лицо Коминтерна!»

«Рука Москвы!»

Рабочие типографии читали газеты, не отходя от своих машин. Весть о гибели Сайто полетела, передаваясь из уст в уста, обрастала новыми подробностями.

Уже через несколько часов мальчишки-разносчики бежали по улицам, выкрикивая заголовки. А с первых страниц газет смотрело грустное лицо Сайто, обведенное траурной рамкой.

21

Помощника посла Японии в Советском Союзе звали Ито.

По роду службы вставать ему приходилось довольно рано. Для человека его возраста Ито выглядел моложаво, и если бы он имел привычку вовремя ложиться спать, то подниматься рано было бы ему не в тягость. Но такую привычку Ито приобрести не сумел, поэтому встал сегодня с трудом и с тяжелой головой.

Главное, что ему в этот день нужно было сделать,— узнать, когда прибывает господин Сайто, и подготовить все необходимое к встрече.

Ито позвонил в протокольный отдел НКИД, но там его огорчили, сказав, что поезд опаздывает на неопределенное время. Это меняло планы. Отменять обед или нет? Что сказать тем, кто должен встречать? От сотни таких вопросов голова шла кругом, и настроение резко упало.

Ито решил зайти к послу, поднялся по лестнице наверх, но секретарша его не пустила. Сказала, что господин посол приказал до его распоряжения в кабинет никого не пускать. В кабинете были только посол и его шофер.

Ито шофера посла недолюбливал, мысленно именовал «крот». Шофер был небольшого роста, полный, с маленькими розовыми ручками и действительно чем-то напоминал крота. Как ни странно, господин посол относился к шоферу крайне уважительно.

Наконец «крот» удалился, Ито было позволено войти.

Посол был взволнован. Ито не успел поведать о своих заботах — посол мягко предупредил, что об обеде и встрече беспокоиться не нужно, — предстоят другие заботы, более печальные: погиб господин Сайто!

Ито выразил удивление: в протокольном отделе НКИД его об этом не известили. В ответ господин посол предложил, что НКИД, видимо, еще не располагает нужными

сведениями, а его только что информировали из абсолютно верных источников.

«Неужели «крот» — «абсолютно верный источник»?» — подумал Ито и тут же отогнал мысль, которая не имела к нему прямого отношения. Он не знал лично господина Сайто, но выразил сожаление по поводу утраты Японией столь достойного человека. После приличествующей паузы спросил, какие будут распоряжения.

Распоряжения господин посол ему дал конкретные и четкие.

Спускаясь по лестнице с фотографией Сайто в руках, помощник посла разглядел ее. Господин Сайто смотрел с фотографии спокойно, усталыми глазами.

В вестибюле Ито встретился с завхозом посольства Михаилом Аркадьевичем. Попросил его увеличить, и как можно скорее, фотографию, вставить в застекленную рамку с траурной лентой. Они посоветовались, где лучше поставить портрет, разместить цветы и столик с траурной книгой для посетителей.

Михаил Аркадьевич взял фотографию, горестно покивал головой и печальным голосом спросил, отчего умер этот господин. Ито сказал, что ему пока неизвестно.

У себя в кабинете Ито несколько минут сидел за столом, тер виски, соображая, что ему еще необходимо сделать: позвонить в протокольный отдел, уточнить время прибытия поезда, выяснить, где находится тело господина Сайто, и организовать отправку его в Японию.

В протокольном отделе снова ждала новость. Ито совершенно категорично заявили: господин Сайто жив, им известны слухи о его гибели, но они специально просили подтверждения с последней станции и могут сказать точно — господин Сайто жив и здоров и прибывает в Москву Транссибирским экспрессом двадцать четвертого мая между шестнадцатью и семнадцатью часами московского времени.

Ито, прыгая через ступеньки, вбежал в приемную посла. В голове все перепуталось: с одной стороны, отменить распоряжение посла, задержать завхоза, если тот еще не уехал, Ито не имел права, но, с другой — если Сайто действительно жив, а Ито встретит его с цинковым гробом, что тогда?.. Несомненно, за все это ответит помощник посла, Ито.

«Уж «крот»-то, во всяком случае, будет ни при чем», — раздраженно подумал Ито.

В приемной посла было пусто. Секретарша куда-то ушла, причем ушла спешно: ящик стола был выдвинут, из машинки торчал лист бумаги с недопечатанным документом.

Ито потоптался в нерешительности. Войти, не доложив, он не имел права, но сведения, которые он принес, требовали немедленного принятия мер. И он открыл дверь.

Кабинет посла отделялся от приемной двумя дверями, между ними был довольно просторный тамбур, где и остановился изумленный Ито. Через неплотно прикрытую вторую дверь он услышал голоса господина посла и «крота». Поразительным было то, что «крот» говорил резко, приказывал, а господин посол отказывался, чуть ли не извиняясь. Ито был настолько изумлен, что смысл разговора дошел до него не сразу.

— Вы немедленно потребуете аудиенции в НКИД и вручите ноту. — Это был голос «крота».

— Я не могу. Не могу пойти на такой шаг, не заручившись поддержкой правительства.

— А нашей поддержки вам недостаточно? Учтите, колебания в такой момент повлияют на отношение к вам генерала Койсо.

— Речь сейчас не обо мне, — вновь прозвучал извиняющийся голос посла, — ваша нота, если она будет вручена от имени правительства Японии, важна последствиями не для одного меня.

— Сайто убит. Это факт.

Ито выскользнул из тамбура, неслышно прикрыл дверь. Понял он только одно — господин посол должен немедленно узнать, что Сайто жив. Об остальном, что Ито понял из услышанного им разговора, он предпочитал не думать.

Секретарши все еще не было. Ито снял трубку аппарата, который связывал приемную с кабинетом, и надавил кнопку звонка. Трубку сняли тотчас же. Ито извинился. Посол приказал ему немедленно зайти. Ито вошел в кабинет. Посол сидел за столом. «Крот» стоял в стороне и, когда Ито вошел, почтительно поклонился. Ито торопливо проговорил, что в отсутствие секретаря он не позволил себе зайти, но дело его столь важно, что он решился позвонить лично. Ито надеялся, что после этого посол отправит «крота» из кабинета. Посол, покашляв в кулак, объяснил, что секретаря он услал срочно найти

его, Ито, но, видимо, они разминулись. Дело в том, что Ито должен немедленно связаться с НКИД СССР и потребовать срочной аудиенции для господина посла. Ито поклонился, попросив, однако, разрешения доложить имеющуюся у него важную новость. После чего, стараясь не смотреть на «крота», он рассказал, что Сайто жив и что он узнал об этом только что в протокольном отделе НКИД.

Господин посол, также не глядя на «крота», попросил Ито еще раз связаться с протокольным отделом и уточнить эти сведения, причем разрешил позвонить прямо из своего кабинета.

После того как Ито позвонил, господин посол позволил ему удалиться. В дверях Ито спросил, на какое время следует просить аудиенции в НКИД. Господин посол ответил, что, если в этом будет необходимость, он поставит Ито в известность. Ито открыл первую дверь и ужеступил в тамбур, как господин посол попросил узнать, когда точно прибывает Транссибирский экспресс.

Ито вышел из кабинета и улыбнулся секретарше. О том, что происходило между господином послом и «кротом» после его ухода из кабинета, он не думал: это его не касалось.

На следующий день в посольстве только и разговоров было, что о грандиозном скандале в Токио. Все вышедшие 22 мая газеты с портретом Сайто в траурной рамке были изъяты и уничтожены. Хаяси потребовал немедленного ареста Сугимори. Боясь обвинений в измене, полковник покончил с собой. Генерал Койко подал в отставку. Словом, очень много больших и малых неприятностей принесло известие о том, что Сайто жив.

Ито вместе со всеми был удивлен известием, что шофер господина посла срочно по состоянию здоровья отбыл в Японию. О причинах столь странной болезни Ито старался не думать — это его не касалось.

И только в одном доме весть о том, что Сайто жив, была счастливейшим чудом. В доме самого господина Сайто. Сначала там долго не могли поверить в случившееся горе, потом еще дольше не могли поверить в счастливую весть, но в нее верилось охотнее.

24 мая в 16 часов 20 минут Сайто прибыл в Москву. Журналисты сразу же бросились к международному ва-

гону. Некоторое время из вагона никто не выходил, а затем в дверях, ослепляемый вспышками фотокамер, появился господин Сайто. Он приостановился, грустно улыбаясь встречающим, и ступил на перрон.

Сайто поздоровался с послом, пожал руки встречавшим его работникам НКИД. Корреспонденты окружили японцев. Все направились к стоявшим неподалеку автомобилям.

Вскоре перрон опустел. Только тогда из вагона вышли Фан и Александра Тимофеевна. Фан затравленно оглядывался по сторонам.

— Господи, только бы до послезавтра дотянуть, и тогда — обратно... Ну и поездочка! — Он посмотрел на Александру Тимофеевну и заговорил горячо, с обидой: — Теперь-то ты можешь объяснить, зачем мы ехали в этом проклятом поезде, ради чего страху натерпелись?

Демидова не ответила. После случившегося в поезде она была молчалива и подавлена. Фан собирался было продолжить расспросы, но его перебил подошедший к ним элегантный молодой человек, он приподнял шляпу и улыбнулся:

— Добрый день, господа! Я, как представитель «Торгсина», рад приветствовать вас в Советском Союзе. Прошу в машину, номер в гостинице для вас забронирован.

Фан испугался. Демидовой показалось, что он готов был броситься бежать, но, к счастью, молодой человек этого не заметил — договаривался с носильщиком. Александра Тимофеевна взяла Фана под руку.

— Ты что, с ума сошел? — сказала она негромко. — Возьми себя в руки. Просто у нас, как у всех туристов, оплачены услуги.

— Правда? — жалобно спросил Фан и растерянно улыбнулся. — А я думал за мной...

— Да кому ты нужен? — устало проговорила Демидова. — Кому?

22

Москва была жаркая и прекрасная. По утрам дворники поливали мостовые. Теплый ветер гулял по солнечному городу, парусил занавески в открытых окнах, пузырями надувал матерчатые козырьки, натянутые над витринами магазинов.

В просторном номере гостиницы «Метрополь» было прохладно, в открытые окна дышала поздняя весна, с

улицы доносились трамвайные звонки, по широкому карниzu прыгали воробы.

В номере сидел Чадьяров с двумя товарищами. Одного, Андрея, он знал давно. Второй, тоже чекист, был, видимо, из новых; когда знакомились, он солидно представился Виктором Васильевичем Пантелейевым, но очень скоро попросил Чадьярова называть его просто Виктором. Сколько бы отдал Чадьяров еще месяц назад, чтобы вот так оказаться вдруг в Москве, сидеть среди своих и пить ранним утром чай! Сейчас это казалось чудом.

Вчера вечером, когда их привели в номер «Метрополя», Александра Тимофеевна первым делом вошла в спальню, где стояли рядом две широченные кровати, и одну отволокла в дальний угол. Тогда Фан, ни слова не говоря, вытолкал свою кровать в гостиную и поставил у окна. А когда он, блаженно растянувшись на свежих, накрахмаленных простынях, увидел в окне четверку коней над Большим театром, ему подумалось, что, приснись ему такое там, в кабаре «Лотос», он и то был бы счастлив.

Чрезвычайно вежливая представительница «Торгсина» предложила большую программу экскурсий, но Фан наотрез отказался куда-либо ехать, сославшись на разыгрывшуюся язву. Александра Тимофеевна, боясь привлечь лишнее внимание к странным туристам, оплатившим услуги и не желающим их принимать, согласилась рано утром куда-нибудь поехать.

Несколько раз за ночь Чадьяров просыпался от счастья. Именно от счастья. Он помнил это состояние с детства: легкое, светлое чувство.

Под утро Чадьяров заснул крепким сном, а проснувшись, не сразу понял, где находится. Вспомнив все, он ощутил такую же радость, как в тот день, когда появился связной.

Александра Тимофеевна уже встала и готовилась ехать на экскурсию. Фан еще раз объявил, что никуда и шага не сделает, даже пытаться будет в номере, лишь бы поскорее убраться отсюда. Зазвонил телефон, и представительница «Торгсина» сообщила, что ждет «мадам» в машине. Демидова ушла.

«Поразительное существо,— бреясь, думал Чадьяров.— Она потрясена тем, что ее предали. А то, что рядом ехал человек, которого ни за что ни про что должны были за-

стрелить и застрелили бы, — для нее само собой разумеющееся. Нелюдь, а не женщина...»

Настроение у него было прекрасное. Через полчаса зазвонил телефон, еще через десять минут пришли товарищи, и вот теперь они сидели за столом и пили крепкий, горячий чай.

— Я не сообщал о себе потому, что Дед не разрешил рисковать, а время уже мерилось минутами, — негромко говорил Чадьяров, с наслаждением отхлебывая из стакана чай, потом улыбнулся: — Ну а что он, ругался, наверное?

— Как узнал, побелел сначала, вскочил, — рассказывал Андрей. — Потом сел, стал слушать. Два раза заставил повторить все от начала до конца. Я докладывал, смотрел в твое донесение. Когда кончил, глянул на Деда — у него слезы в глазах, потом по столу кулаком ка-ак грохнет и засмеялся. «Вот, — говорит, — подлец, умница! Расцеловать его, подлеца!»

Андрей засмеялся.

— Дед хочет вас видеть, товарищ Чадьяров, — сказал Виктор. — Вы будьте в номере в шестнадцать тридцать, он вам позвонит и заедет.

— Хорошо, — Чадьяров улыбнулся, — «жена» бы только не пришла.

— Об этом можете не беспокоиться... Ну, прошу прощения. — Виктор посмотрел на часы: — Мне пора. Обязательно в шестнадцать тридцать, — напомнил он Чадьярову и направился к двери.

Чадьяров и Андрей остались вдвоем. Знакомы они были давно, но встречались не часто. Воевали на разных фронтах, работали с разными заданиями. Друг о друге знали многое, любили друг друга, и каждая встреча была для них радостью.

— Слушай, а что с Испанцем, Андрей? Где он, не знаешь?

— Не знаю, Касымхан. Думаю, Испанец в работе, только вот где...

Ветер шевелил, таскал по столу конфетные бумажки. Чадьяров с наслаждением откинулся в кресле, вытянул ноги, закрыл глаза.

— Да... — тихо сказал он.

— Что? — не понял Андрей.

— Этот звук, слышишь?

Андрей прислушался, но ничего не услышал. Тогда Чадьяров указал ему на конфетную обертку, которая медленно, подталкиваемая ветром, с легким шуршанием ползла по столу.

— В детстве я сильно болел. Отец у меня был человеком богатым, а я у него — единственный сын, и он ничего не жалел, чтоб меня вылечить. Но здоровье шло на убыль, и приехавший из города русский доктор сказал, что лечение мне предстоит долгое, а он уезжает на родину, в Россию... Тогда отец, чтобы спасти мою жизнь, умолял доктора взять меня с собой. Он обещал ему огромное вознаграждение за работу, а кроме того, предложил большую сумму на мое содержание. Доктор поколебался некоторое время и согласился. Так я попал на Волгу. У доктора был сын, мой одногодок, которого сам доктор почему-то называл Испанцем. То ли потому, что сын был смуглый, то ли потому, что он все время рисовал бой быков, корриду, мулеты... Короче, Испанец стал моим самым близким другом. Доктор лечил меня, и здоровье скоро стало поправляться. Потом я уехал домой, но с тех пор каждый год приезжал в гости к доктору и моему другу Испанцу. Нам с ним было тогда лет по восемь. Совсем недалеко была маленькая станция, вернее, пустынный такой полустанок. Летом, когда становилось очень жарко, мы приходили туда, потому что там было тихо, как нигде вокруг. И всегда под скамейкой, в тени, на боку спала собака. Она всегда спала, никогда не лаяла. Мы приходили, садились на скамейку и играли «в слух»... Нужно было закрыть глаза и слушать. Например, я говорил: «Рядом», и тогда мы слушали все, что было рядом: дыхание собаки, скрип скамейки. Мы ждали звука, который был бы не сразу понятен, и старались угадать, что это за звук. Или я говорил: «Далеко» — мы слушали степь, дальний поселок, пытаясь узнать собак по их лаю или лошадь по ржанию. Однажды тихим вечером мы слушали «рядом». Я осторожно клал на платформу какую-нибудь бумажку, и ветер медленно начинал тащить ее по истертым доскам, и получался очень слабый и нежный шелест, который все удалялся. Испанец прислушивался, пытаясь угадать, что это за звук, а я кричал: «Бумажка, ветер!» — и выигрывал. А Испанец так никогда и не мог догадаться, что это я сам подкладывал на перрон бумажки.

Чадьяров замолчал. Андрей, глядя на него, улыбнулся.

— Года два назад я слышал эту историю от Испанца. Знаешь, что он мне сказал?

— Что? — Чадьяров с интересом посмотрел на Андрея.

— Он знал, что ты подкладываешь на перрон бумажку, но не говорил, потому что хотел, чтобы выигрывал ты. Отец просил Испанца быть с тобой ласковым и уступать, он считал тебя не совсем окрепшим... Мы тогда собрались все вместе: у Пантелеева сын родился. Ну и Испанец, я уж не помню почему, рассказал эту историю. Предложил за тебя выпить, а в конце сказал: «Теперь он совсем выздоровел, жалеть его нечего. Встретимся, все скажу!»

— Да что ты говоришь! — засмеялся Чадьяров. — И ведь он действительно ни разу виду не показал! Ну, Испанец! — Чадьяров замолчал, вспоминая что-то, и затем тихо проговорил: — Ведь так просто, Андрей, сидеть на скамейке со своим другом и слушать ветер, поле — абсолютное счастье. И понял я это только сейчас, в эту минуту, Андрей, когда мне сорок три года...

Внизу, за окном, прогромыхал трамвай. Андрей посмотрел на часы.

— Касымхан... — виновато улыбаясь, сказал он, — у меня через полчаса выезд... Как освобожусь, позову. До вечера...

— Счастливо!

Чадьяров постоял у окна, и вдруг ему захотелось побродить по Москве. Он знал, что этого делать нельзя, что за ним могут следить и, вообще, ему велено никуда не отлучаться из номера. Но до встречи с Дедом была еще уйма времени.

«Во-первых, никто об этом не узнает: что-что, а уйти незаметно смогу. Во-вторых, слежку за собой я всегда замечаю. Наконец, я дома, имею право хоть один день отдохнуть?.. Эта шпионка по экскурсиям ездит, в театр пойдет, черт побери, а я должен сидеть в номере и сам перед собой разыгрывать несчастного Фана».

Чадьяров недолго уговаривал себя. Самое главное, чего он не мог выразить словами, а только смутно чувствовал, — это предощущение замечательного и счастливого дня, может быть, самого счастливого в жизни... Первого дня за столько лет... На Родине!

Над головой шелестела молодая листва, вода с поливших мостовых быстро испарялась под солнцем, и улицы словно вибрировали, преломлялись сквозь влажный воз-

дух. Чадьяров шел, с наслаждением ощущая утреннюю свежесть, шел бесцельно, читая афиши, оглядывался по сторонам. Был он впервые за несколько лет свободен, радостен. Был самим собою.

— Эй, товарищ!

Чадьяров не сразу понял, что это относится к нему: кем-кем, а уж товарищем его за последние годы никто не называл. Но позвали снова, и Чадьяров остановился.

По улице бежала девушка с короткими выгоревшими волосами, в полосатой футболке, полотняной юбке. Она схватила его за рукав, потянула за собой.

— Товарищ, миленький, помогите, пожалуйста! Коля ногу вывихнул, без него не дотащить, не успеем, а комендант сказала: кто займет, те и будут! Тут уж недалеко, помогите, пожалуйста!

И Чадьяров вдруг понял, что не помочь этой девушке, ее друзьям он просто не может, и с удовольствием побежал рядом с ней, ни о чем не спрашивая, ровно дыша. Все вместе: и девушка, и Москва, и лето — все казалось ему удивительным сном, когда не хочется просыпаться...

Они выскочили на перекресток, догнали троих парней, которые бежали, сгибаясь под тяжестью огромного дивана, на который сверху были навалены стопки книг, стол, стулья, кастрюли и еще какие-то предметы. Они бежали, задыхаясь; четвертый, прихрамывая, ковылял сзади.

— Вот они! — закричала девушка. — Скорее!

И Чадьяров прибавил шагу, а догнав, с ходу подхватил свободный угол дивана, и теперь все прибавили скорость.

— Тут недалеко... Спасибо, товарищ, — повернулся к Чадьярову потное лицо один из парней.

— Нам общежитие полагается, — пыталась объяснить Чадьярову девушка. — Нам полагается и металлистам. Но нам раньше, у нас многодетные есть, и еще двое женятся сегодня, жить им негде будет, а комендант, бюрократка, уклонилась...

— У Кардаильского двое детей, жена беременная, — сказал один из бегущих впереди.

— А комендант говорит: решайте сами, кто первый займет, те пусть и живут, мне наплевать, говорит! — продолжала девушка. — Тут уже близко!..

То, что сегодняшний день — первый день на родной земле — будет непохожим на все остальные, Чадьяров предчувствовал. Он так давно мечтал об этом дне, правда, он не знал, как пройдет этот день, но был уверен, что это

будет день счастья. А какие формы оно примет?! Это даже неинтересно знать заранее. Все равно замечательно, все замечательно — и то, что надо бежать, и утро, и кастрюли, и этот неизвестный Кардаильский с двумя детьми!

Думая так, Чадьяров молча бежал, держа на плече свой угол дивана.

— Он по-русски-то понимает? — кивнул в сторону Чадьярова один из парней.

Чадьяров не ответил.

— Валя! — позвал ковылявший сзади парень. — Действительно, может, он по-русски не понимает!

— Да что вы привязались! — обиделась девушка. — Бежит, значит, понял.

Впереди показался трехэтажный особняк, прямо к нему из другого переулка выбежало несколько человек со шкафом — это были металлисты. Они опережали конкурентов метров на пятьдесят.

— Все пропало! — крикнул парень сзади.

Ребята, видя бесполезность усилий, начали замедлять бег.

— Вперед! — коротко приказал Чадьяров.

Он прибавил шагу, и ребятам ничего не оставалось, как последовать его примеру.

Металлисты уже поставили на тротуар перед входом в общежитие свой шкаф. Дверь была заперта, и двое начали в нее колотить, а остальные бурно радовались одержанной победе.

— Направо! — негромко приказал Чадьяров.

— Да все уж, опоздали, — задыхаясь, проговорил один из бегущих, но Чадьяров прибавил ходу.

— Видишь, заперто! — быстро говорил он. — Зайдем с тыла, дом старый, наверняка черный ход есть.

Теперь он совершенно забыл, кто он и что. Забыл, что лет на двадцать старше этих ребят, — не это было важно. Ему так хорошо: он был дома, он — со своими и счастлив жить их жизнью.

Они свернули за угол, в маленький тенистый палисадник. Сквозь ветви сирени виднелось крыльце.

— Налево! — приказал Чадьяров, и они, срезав угол, прямо через кусты бросились к дому.

С улицы доносились вопли металлистов.

— Даешь общагу! — кричали они, колотя в дверь.

Несколько человек свистели вслед пробежавшим куда-то рабфаковцам:

— Шире шаг! Тренируйтесь! А то и в футбол накостыляем!..

А в это время по узкой темной лестнице черного хода, спотыкаясь о ступеньки и тяжело дыша, Чадьяров с ребятами толкали наверх свой диван.

«Так, — думал Чадьяров. — Впереди поворот, нужно будет диван на руки поднимать, иначе перила снизу не пустят».

И точно: на повороте лестничной клетки диван уперся ножками в поручни перил.

— Взяли! — воскликнул Чадьяров и выжал свой угол на вытянутых руках.

Диван накренился, несколько кастрюль с грохотом покатилось по ступенькам, но все же поворот удалось пройти.

Еще один лестничный марш отделял их от цели...

Со стороны улицы из отворившегося окна высунулась всклокоченная голова заспанной комендантши.

— Это ж адские мучения! — скандалила она с металлистами. — Это ж сколько можно? Неужели попозже не могли прийти!

— Открывай!.. Мы первые! Наша общага, открывай! — кричал здоровенный парень, из-под кепки которого пламенили кудри, и он хотел еще что-то добавить, но онемел и так остался стоять с открытым ртом, потому что окно на втором этаже вдруг с треском распахнулось и в нем показалось счастливое лицо раскрасневшейся от бега и волнений Вали.

— Ура-а! — И голос ее звоном разлетелся на всю Москву. — Мы первые! Наша общага!.. И в футбол вам навалим! Ура-а!..

Снизу раздался вопль возмущения, но Валя уже не слышала его, она визжала от переполняющего ее счастья, носилась по пустым комнатам старого дома, хлопала дверьми, а потом подбежала к снимающим с дивана вещи ребятам и поцеловала их, а затем и Чадьярова.

— Жулики-и! — гремели снизу опозоренные металлисты. — Мы первые пришли!.. А они обманным путем!..

Кудрявый Федор вскочил на шкаф, но вместо ожидаемых проклятий вдруг уставился в небо и, сорвав со своих огненных кудрей кепку, заорал:

— Ур-ра Осоавиахиму!

В ясном голубом небе появился серебряный самолетик с красными звездами на крыльях. Он медленно плыл

над Москвой, ровно гудя своими сильными моторами, а снизу ему махали руками.

— Ура-а Осоавиахиму! — кричали рабфаковцы.

— Ур-ра! — кричали металлисты.

— Ура-а! — кричала проснувшаяся наконец комендантша.

И Чадьяров вдруг тоже, неизвестно отчего, поднял вверх руку и закричал вместе со всеми...

Скоро в общежитии было уже полно народу. Вернувшись с ночной смены рабфаковцы с шумом и криком носили из комнаты в комнату стопки книг, чертежи, стулья, лыжи, корыта, гири, уже доносились откуда-то звуки гармошки.

— Эх-ма! — восторженно закричал стриженный под бокс парень в трусах и валенках на босу ногу. — Телефон-то работает! — В руке он держал телефонную трубку висевшую на стене аппарата.

— Ну и звони давай. — Мимо прошла беременная женщина, за руку она вела маленького мальчика, который, не останавливаясь, что-то говорил.

— Некому! — счастливо захохотал парень. — Друзей с телефонами нема еще!

Он положил трубку на рычаг. Двое ребят протащили мимо парня стремянку.

— Давай-давай, Вова, помогай, проводку править нужно!

— Успеем, — улыбнулся парень.

Он схватил из угла бухту шнура, разогнался и заскользил на своих валенках по паркету, крича что-то от восторга.

К Чадьярову здесь уже все относились как к своему, никто у него не спрашивал, кто он и откуда. Появился человек, помогает, веселый, и пустъ... Очень даже хорошо.

Он как раз теперь на пару с Сергеем Кардаильским, небольшого роста, худым, жилистым человеком, вышиливал в стене проем. Чадьяров был без пиджака, в прилипшей к спине рубашке с закатанными рукавами. Он слушал рассказ Сергея и понимающе кивал.

Сергей обо всем говорил серьезно, озабоченно, то и дело привычным жестом поправлял сползшие к кончику носа очки. И сейчас тоже отрывисто, в такт движением пилы, он деловито рассказывал о своей жизни, о жене, как он ее любит. Двое ребят у него уже есть, теперь вот третьего ждут...

Беременная жена его, Наташа, как раз в это время кончила вешать занавески, а подруги ее, усевшись на диване, качались на нем, пробуя пружины.

— Видишь, веселится, — продолжал Сергей озабоченно. — Ты пойми меня правильно, я не жалуюсь. Мальчики хорошие и баба она ничего, но свободы никакой... Работа — раз, учеба — два, с детьми — три, и весь день...

В комнату несколько раз забегала Валя и каждый раз, встретившись взглядом с Чадьяровым, улыбалась ему и, наверное, еще тому, что сама молода и красива, и что всем нужна, и что все так складно получается.

В соседней комнате шли приготовления к свадьбе. Стучала какая-то нехитрая посуда, звенели стаканы, но до свадьбы ближайшим и не менее важным событием, вокруг которого вертелись сейчас все разговоры, был предстоящий футбольный матч между рабфаковцами и металлистами.

— Вы на футбол с нами пойдете? — спросила, вбежав в очередной раз в комнату, Валя.

— А когда? — улыбнулся Чадьяров.

— В час. Тут недалеко...

Валя смотрела на него смеющимися глазами, чувствуя, что нравится ему, и радовалась этому: раз она нравится взрослому, солидному человеку, значит, и она уже вполне взрослая.

— Пойду, Валя, — сказал Чадьяров. — С удовольствием.

А она вдруг смутилась, стояла, не зная, что сказать, а тут еще в дверь заглянул Сергей с полной кастрюлей яблок. Валя покраснела, взяла самое большое яблоко, сунула его Чадьярову и выскочила из комнаты...

А потом была игра. Замечательный футбол 1927 года.

Мальчишки грозьями висели на деревьях, растущих недалеко от пыльного и, прямо сказать, не очень ровного поля на окраине Москвы.

Зрители разместились на скамейках. Было их немногого, но азарт болельщиков делал все похожим на настоящий стадион. И вообще, все было похоже на настоящий матч, если не считать некоторой пестроты в форме футболистов, отсутствие сеток в воротах, да еще бокового судьи, в руках которого кроме флагжа было портфель, а на голове — шляпа.

— Даешь, металлисты! — кричали болельщики со своих скамеек.

Валя, размахивая косынкой, вскочила, пронзительно крикнула:

— Сухую им, рабфаковцы!.. Сережа, Васька-а-а!..

Футболисты с поля приветствовали зрителей, что-то кричали им в ответ, смеясь. Беременная жена Сергея сидела между своих сыновей и, перегнувшись через спинку передней скамейки, сердито говорила подруге, показывая на бегающего по полю мужа:

— Ну ты посмотри, все-таки надел новые носки! Ведь просила, умоляла подождать до праздника... Сергей! — закричала Наташа мужу. — Проиграешь, домой не приходи!.. — Но в это время рабфаковцы забили гол, и Наташа вместе со всеми закричала: — Ура-а!..

Чадьяров заметил, что Валя порывалась его несколько раз о чем-то спросить, но не решалась.

— Что, Валя? — Он повернулся к ней.

Она густо покраснела:

— Вы меня простите, ради бога, но я опять забыла, как вас звать, имя больно трудное...

— Ка-сым-хан, — по слогам, смеясь, сказал Чадьяров.

Валя, закрыв глаза, несколько раз про себя повторила, потом облегченно вздохнула:

— Все, запомнила... Вы писатель?

— Нет, — сказал Чадьяров. — Военный...

— Летчик? — восторженно спросила Валя.

— Нет, — виновато покачал головой Чадьяров. — Кавалерист.

— Все равно хорошо, — успокоила его Валя.

А на поле между тем игра была остановлена. Судья собрал вокруг себя футболистов.

— Вот что, товарищи комсомольцы! — отрывисто и строго сказал он, указывая на новенький желтый футбольный мяч, который держал в руках. — Предупреждаю, за удар, что называется, «пиром» наказываю жесточайшим образом! Вплоть до удаления! Это вам не игрушка! Мяч новый, только получили, вам только дай! Измордуете инвентарь в момент!.. А чемпионат только начался! Этот порвете, чем играть будете? Шестерней? Ясно вам?..

Футболисты уныло закивали головой.

— Особенно к тебе, Сергей, относится, — обратился судья к Кардаильскому. — Ты со своей колотухой брось...

Ты хоть и маленький, а хуже большого лушишь! Подумай о сознательности!..

— Да что вы, Николай Иванович, мне проходу не даете с сознательностью своей! — возмутился Сергей. — Вон она, моя сознательность, сидит. — Он показал на трибуну, где сидели его беременная жена с сыновьями.

Чадьяров спросил у Вали, почему не играют, и она объяснила, что это у них обычное явление, что это физрук проводит политзанятия, чтобы мячик сильно не лупили. В прошлом году у них был случай, когда вот тоже на одном матче пенальти били, а мяч возьми да и лопни, так потом чемпионат тряпичным доигрывали, измучились — он не прыгает, только катается. Васька головой бил, чуть сознание не потерял...

Чадьяров, вытирая слезы платком, хохотал, пока кто-то сзади не дал ему по затылку газетой, чтоб не мешал смотреть.

А игра продолжалась. Кричали, неистовствовали болельщики, подбадривая каждый свою команду.

Мяч попал к Сергею, тот кинулся к воротам, но в это время к краю поля подошел какой-то человек с железным рупором и, приложив его ко рту, закричал судье:

— Ну-ка, Николай Иванович, останови на минутку!

Судья свистнул. Сергей остановился и, тяжело дыша, с изумлением посмотрел на судью. А человек с рупором сказал на все поле:

— Инженер Сапронов, срочно на выход!

Инженером Сапроновым оказался правый крайний рабфаковцев. Услышав свою фамилию, он, на ходу объясняя что-то футболистам и судье, побежал с поля.

Футболисты кинулись уговаривать человека с рупором, судью, шумели болельщики, но Геннадий Георгиевич, так звали Сапронова, с двумя товарищами, в костюмах и галстуках, уже бежал по пыльной улице, на ходу натягивая рубашку прямо на мокрую футболку. Бежали они к трамвайной остановке.

— Начальство, наверное, приехало, — пояснила Валя Чадьярову. — Продуем мы без Геннадия Георгиевича...

...И опять происходило то, что не могло не произойти. Конечно, не случайно приехало какое-то начальство и убежал Геннадий Георгиевич... И не случайно два года назад в кабаре «Лотос» появился номер «Маленькие футболистки», где Чадьяров отлично научился «ловить» мяч руками, головой, ногами. Все лишь для того, чтобы в этот

день он вышел на поле играть за замечательную команду рабфаковцев...

И Чадьяров встал, быстро снял пиджак и сунул его в руки изумленной Вале.

— Миленький! — Она кинулась ему на шею. — Голубчик! — Валя схватила его за руку и потащила по проходу между скамейками.

Чадьяров еле поспевал за ней.

— Товарищ судья! — еще издали закричала Валя. — За нас этот дядечка сыграет!.. Он наш, правда! Он нам и утром помог, и вообще!.. Правда? — обратилась она к игрокам.

— Это как металлисты, — сказал судья.

Металлисты с интересом разглядывали Чадьярова.

— Пусть играет! — кричали с трибун.

Капитан металлистов махнул рукой: мол, пусть бегает.

Чадьяров вышел на поле. Присел два раза, как полагается, чем вызвал бурный восторг трибун.

— Даешь папашу! — веселились болельщики.

— Второгодник!

— Пожалейте дедушку!

Смеялись все — зрители, футболисты, судьи, — смеялся и Чадьяров, представляя себе, как он выглядит сейчас: в закатанных брюках, в белой своей рубашке, черных туфлях.

Игра продолжилась, но недолго. Потому что пошел дождь. Был он сначала мелким, и никто не обратил на него внимания, потом сразу сплошной стеной хлынул настоящий летний ливень.

Мальчишки с визгом посыпались с деревьев, болельщики заметались было в поисках укрытия, но так мгновенно насквозь промокли, что весело уселись опять на скамейки смотреть игру.

Футболисты тоже были готовы продолжать, но все трое судей, не обращая никакого внимания на происходящее вокруг, бегали, растопырив руки, и ловили мяч. Наконец главный судья схватил его, подоспал боковой — тот, что был в шляпе, — открывая на ходу свой портфель, куда они и спрятали мяч. Напрасно болельщики свистели, футболисты упрашивали судей.

— Никаких! — отрезал главный. — Я за него расписывался, мяч один...

И они втроем потрусили под дождем к трамвайной

остановке: посередине — главный, держа под мышкой портфель с мячом, по бокам — помощники.

Зрители стали расходиться. Прятаться от дождя все равно было бессмысленно, и потому, шлепая по лужам босыми ногами, все вместе направились домой.

Чадьяров был мокрый до нитки. И он решил не показываться в таком виде в гостинице, этим объясняя себе, почему пошел с ребятами. На самом же деле боялся разрушить последовательность случайностей, во власти которых он был в этот счастливый день. Ему не хотелось расставаться с этими молодыми людьми, тем более на всегда.

«Телефон там есть, — думал Чадьяров, с наслаждением ощущая босыми ногами теплую мокрую мостовую. — От них и позову Деду. А там увидим...»

Впереди всех шагала Валя. Она широко размахивала руками, мокрая блузка и юбка прилипли к телу, еще больше подчеркивая его упругость и красоту.

Чадьяров поймал себя на том, что все время смотрит на Валю, и мысленно рассмеялся собственной глупости. Он понимал, что все это скоро кончится, кончится без возврата, и потому с удивительной ясностью и полнотой ловил каждое мгновение этого настоящего.

«Не делайте лучше, — вспомнил он фразу, которую всегда повторял Испанец. — Пусть будет так, как есть, хоть раз в жизни».

И он продолжал шагать рядом с этими веселыми ребятами...

Дождь застал Александру Тимофеевну на дороге.

Экскурсия, которая началась ранним утром поездкой на Воробьевы горы, продолжилась в Музее революции. Ее гид, молоденькая девушка, обрадованная тем, что подопечная туристка свободно говорит по-русски, трещала без умолку. Демидова как сквозь вату воспринимала ее слова, не делая ни малейшей попытки что-либо понять или запомнить. Она с тоской думала о том, что ждет ее в Харбине, когда она и этот дурак-китаец вернутся обратно. Пытаясь разобраться в происшедшем, Александра Тимофеевна несколько раз на дню начинала анализировать то, что случилось, но при воспоминании, как ее предали и что было бы, выстрели она в Сайто, ее охватывал холодный ужас — дальше она думать не могла.

На выставке народного искусства у стендса с вятской игрушкой Александра Тимофеевна разговорилась с молодым человеком, оказавшимся ее бывшим земляком. Он окончил Московский университет, к тому же знал Вятку и дымковские игрушки.

Владимир Алексеевич Гуляев был человеком обаятельный и образованным. Он любезно предложил Александре Тимофеевне новую программу.

Все у него выходило чрезвычайно легко и просто. Сначала он повел обеих дам в кафе, потом очень ловко спровадил переводчицу, убедив ее, что туристку доставит в отель лично. Перепуганная девушка опомнилась около интуристской машины с коробкой конфет в руках, когда Александра Тимофеевна и ее новый спутник уносились вдаль на таксомоторе.

То ли выпитое в кафе вино, то ли зрелище весенней Москвы, может быть, и близость молодого, обаятельного спутника, явно хотевшего понравиться, а скорее все вместе так действовало на Александру Тимофеевну, что ей стало весело и легко, не хотелось думать ни о Харбине, ни о Фане. В конце концов, она ни в чем не чувствовала себя виноватой. Следить в Москве за этим китайцем она не была обязана, то, что он жив, — всего лишь недоразумение, и вообще, семь бед — один ответ.

Они ехали в загородный ресторан. Тут-то их и застал ливень. Машина безнадежно увязла среди размытой дождем дороги, шофер отправился искать лошадей, чтобы вытащить машину, а Володя Гуляев разложил на сиденье салфетку со случайно прихваченной им в дорогу едой.

Дождь кончился. Стояла тишина...

«Эх, напиться бы сейчас!» — подумала Демидова, глядя на поднимавшийся над лугом пар.

Совершенно случайно у Гуляева в бездонном его портфеле оказалась бутылка коньяку и два стаканчика. Шофер не приходил. Через все небо перекинулась радуга, пел жаворонок...

Конечно же, ни в какой другой день Чадьярову и в голову бы не пришла идея позвонить Деду из какого-то студенческого общежития. Но такой уж был день: самое невероятное оказывалось простым и доступным. Главное — Чадьяров это понял — ничему сегодня не удивляться.

Он стоял в коридоре общежития в стоптанных тапочках, шароварах, вязаной кофте и, прикрыв рукой мембрану, говорил по телефону. Кругом суетились с тарелками, кастрюлями — готовились к свадьбе. Металлисты принесли в подарок патефон и сразу же завели его.

Дед коротко спросил, как проехать к общежитию, и, чтобы объяснить ему, Чадьяров схватил за руку пробегавшего мимо паренька: подскажи, дружище...

Дед приехал скоро. Они с Чадьяровым уединились в пустой дальней комнате. Дед долго молча курил у окна, стряхивал пепел прямо на пол, глядел на улицу. Чадьяров виновато, как школьник, теребил тесемки кофты, вздыхал.

— Сколько из-за тебя людей на ноги поднято, ты хоть подумал? Операцию под угрозу поставил. Я, старый человек, ни минуты отдыха не имел по твоей милости.

Чадьяров смотрел на Деда, на резкие складки у рта, припухлости под глазами и думал о том, как нелегок для Якова Яновича каждый день, думал, что если для него, Чадьярова, хоть редко, но бывают часы отдыха, то у Деда их не было и не будет никогда...

А Яков Янович все говорил резкие, справедливые слова. Чадьяров стоял посреди комнаты и, видимо, так был жалок в кофте своей, с поникшей головой, что Дед замолчал.

— Ну что же! — сказал он наконец и загасил окурок о край подоконника. — Ты сам-то, надеюсь, понимаешь, что поступил хуже мальчишки? Понимаешь? — Он повернулся к Чадьярову, и лицо его было строгим, но глаза теплелись добротой. У Чадьярова отлегло от сердца.

— Понимаю, — хрипло сказал он, глядя в пол. — Не удержался, Яков Янович. День сегодня такой...

Дед подошел к Чадьярову, потрогал тесемки его кофты:

— Эх, ты... — и улыбнулся. — Ну да ладно... Пусть этот день будет тебе подарком. Беру грех на себя — заслужил. Отыхай. В семь за тобой придет машина: ты мне будешь нужен.

Потом они стояли обнявшись, Дед и Чадьяров. Стояли долго, молча. Чадьяров ощущал под руками сухие плечи старика.

...Вот так же долго и молча обнимал он отца, когда в последний раз видел его, на полчаса попав домой. Это было после долгой разлуки. Отец не мог простить единст-

венному сыну связи с большевиками, не мог простить тюрем и каторги, которые позорили род Чадьяровых. Он не мог представить себе родного сына борющимся на стороне бедняков, которых презирал и боялся. Но он любил Касымхана, оттого страдал, мучился, проклиная его вслух, а ночами молился за сына, чтобы тот уберегся от болезней, остался жив и образумился.

Они виделись пятнадцать лет назад, когда Чадьяров после побега из тюрьмы сумел попасть домой. У него было всего полчаса — его ждали товарищи, нужно было ехать дальше. Обида, которая жгла его, когда отец выгнал из дома, давно прошла. Он понимал, что переделать старика невозможно, и единственное, чего хотел, чтобы тот понял, — иначе поступить Касымхан не мог.

Чадьяров пробирался домой, стараясь быть незамеченным. Некоторое время сидел, притаившись за дувалом, словно боялся показаться отцу. После тюрьмы он сильно похудел... Когда наконец решился войти, он увидел мать, которая шла куда-то с корзиной. Тогда он подумал, что это к лучшему: она очень болезненно переживала разлад отца с сыном. Касымхан еще не знал, как отец встретит его, и поэтому решил, что матери при этом лучше не присутствовать.

Старик встретил сына молча. Ни слова не говоря, он сжал ладонями его исхудавшее лицо и долго смотрел в глаза. Тогда Чадьярову показалось, что отец прощается с ним. Касымхан стоял против него, вдыхал родные, знакомые с детства запахи дома, а потом вдруг заплакал, обнял старого отца, прижал его легкое тело к себе. Так они стояли долго молча... Когда Касымхан уходил, матери еще не было. А отец стоял у дувала, застывшим взглядом смотря вслед сыну. Через пять дней он умер.

Потом мать рассказывала Касымхану, что отец давно болел, но говорил, что не может умереть, не помирившись с сыном...

За дверью играл патефон, а Яков Янович ходил вокруг Чадьярова и, уже оттаяв сердцем, смеялся над его нелепым видом, хлопал по плечу, а тот влюбленно и счастливо глядел на своего старшего товарища.

— Обтрепался Веселый Фан! Пообносился! Даже не знаю, куда тебе орден вешать!

При этих словах улыбка застыла на лице Чадьярова.

— Чего смотришь? Сегодня подписано представление. Орден Красного Знамени — за героизм и мужество, про-

явленные в борьбе с врагами Родины. Вот так, брат, как на войне.

— Спасибо, Яков Янович,— негромко сказал Чадьяров.

— Спасибо? — переспросил старик.— Ты хоть сам-то представляешь, что сделал? — Он прошелся по комнате. — Ты сорвал провокацию японского имперализма, задуманную, надо сказать, ловко. Если бы у них получилось так, как они хотели... — Он сокрушенно покачал головой.

— А что Шнайдер?

Яков Янович улыбнулся:

— Как наши молодые теперь говорят, «раскололся до пупа». Разведчик он, конечно, серьезный, учился у немцев, потом работал с англичанами. Кое-кто из наших его знает давно, с первой мировой. С японцами уже пять лет. Утверждает, что они хотели прикончить его в поезде вместе с тобой. Как только он это сказал, я сразу понял: твоя работа.

— Есть немного,— улыбнулся Чадьяров.— Ну а что моя «мадам», как она?

— Считает себя важной птицей. Работает с японцами.

— Так что теперь? — поинтересовался Чадьяров.

— Трогать не будем, пусть возвращается, расскажет, что Шнайдер — предатель, а пока что ее немного развлекает Гуляев... Если не ревнуешь, конечно. — Дед вновь прошелся по комнате, остановился у окна.— Там-то что делается! — Яков Янович неожиданно стукнул кулаком по подоконнику.— Вулкан! Цунами! Полковник Сугимори покончил с собой. Подали в отставку три министра. В общем, эта группировка оправится не скоро. Закрылись четыре газеты.

Чадьяров напряженно слушал.

— Два банка лопнули, значит, тоже были как-то замешаны...

— А «Фудзи-банк»? — быстро спросил Чадьяров.

— Стоит. Видно, у него корни глубже.

— Да, значит, господин Тагава — серьезный человек... — медленно сказал Чадьяров.

— Серьезный,— подтвердил Яков Янович и замолчал. Все его оживление как-то сразу исчезло. — Ты-то сам как? Устал, наверное, страшно?

— Да,— ответил Чадьяров.— И только здесь понял — как!

— Сколько дома не был, на родине? Лет пять?

— Шесть.

Яков Янович молчал, глядел в окно, потом не обрачиваясь сказал:

— Сын у меня собаку домой приволок, она лает все время... И выгнать жалко, и спать невозможно. Вот тебе и сюжет...

Чадьяров смотрел в спину Якова Яновича и думал: «Ну что ты маешься, что крутишь? Разве я не понимаю: нет у меня другого выхода, кроме как ехать обратно!» Он подошел к окну, встал за спиной старика, негромко сказал:

— Не мучайте себя, Яков Янович! — Дед не обернулся.— Я все понимаю,— продолжал Чадьяров.— Ближе меня к «Фудзи-банку» сейчас никого нет. Стало быть, надо возвращаться. Для Тагавы и остальных я как уехал дурак дураком, так и вернусь. Ничего не видел, ничего не понял. Мандат вошьем на место, «жена» свалит все на Шнайдера, ей тоже жизнь дорога, против меня у нее никаких улик, одно раздражение.

Яков Янович слушал Чадьярова, уставившись в подоконник.

— А потом, вообще, я же коммерсант! — рассмеялся Чадьяров.— У меня там дело, заведение, ремонт кончается, управляющий жулик, программу менять надо, оптовые поставки готовить...

— Все правильно,— глухо перебил его Дед, он хотел что-то еще сказать, но осекся на полуслове, а помолчав, добавил: — Самое тяжелое достается лучшим сыном Родины...

Чадьяров положил старику руку на плечо, тот повернул голову, и тогда Чадьяров увидел его дрожащее лицо и полные слез глаза.

— Ты знаешь,— взволнованно сказал Дед,— как тебя увидел, подумал: все, язык не повернется сказать про возвращение. Андрея к тебе подсыпал, а он вернулся ко мне и докладывает: так, мол, и так, ваше приказание не выполнил, как увидел его ошалевшим от Москвы, не смог сказать, лучше, говорит, любое наказание.

— Я понимаю, Яков Янович, я бы и сам другому не смог сказать,— улыбнулся Чадьяров, а потом посерезнел: — Только вот что...

— Знаю, знаю все,— перебил Дед.— Трудно одному. Будет тебе помочь. Считай, что уже есть. Точно есть! А раньше не мог. Теперь о главном...

Свадьба между тем была в полном разгаре. Шумели, смеялись, парни по очереди приглашали невесту на танец. Старший сын Сергея крутит ручку патефона, а сам Сергей тут же, у двери, на спор с одним металлистом поднимал гирю.

Вошла Валя с тарелкой нарезанного хлеба, и кто-то крикнул ей:

— Кудрявая! А где твой папаша?

Но тут все разом зашумели, задвигались, потому что в дверях появился Чадьяров. Его затащили за стол. Валя пододвинула тарелку с едой, налила что-то в чашку.

Чадьяров с грустью понимал, что праздник кончается. Вот она, последняя неожиданность этого дня: надо возвращаться в Харбин... Завтра... Еще некоторое время он сидел молча, с улыбкой, внимательно разглядывая все это веселье вокруг себя. Потом встал:

— Ребята, хочу сказать несколько слов...

Все замолчали, танцующие остановились. Сережа снял пластинку. Наступила тишина.

— Я хочу выпить за вас, Саша и Нина, и пожелать вам счастья. За всех вас, ребята...

Он замолчал. Ему хотелось сказать очень многое, об очень важных, как ему казалось, вещах, но он не знал, как начать, и все же начал, потому что понимал: никогда уже не будет в его жизни такого сумасшедшего счастливого дня... Будут другие, разные, но такого — никогда. И Чадьяров сказал так:

— Мы живем в огромной стране, такой большой, что не хватит человеческой жизни, чтобы узнать ее всю. Но для нас она наша страна, которую мы целиком вмещаем в себя и называем Родиной, хотя для каждого из нас Родина — это два дерева у пруда, или крыльца под бузиной, или полустанок в степи со спящей под скамейкой собакой...

И еще Чадьяров сказал, что прожил счастливый день. Завтра утром он уедет. Может случиться так, что они уже больше никогда не увидятся, но он стал сильнее и богаче после этого дня, и теперь, где бы он ни был, вслед за воспоминанием о Родине будет воспоминание об этом дне, о славных ребятах, так случайно повстречавшихся сегодня.

— Я знаю людей, которых от отчаяния и гибели спасла необходимость жить для Родины, спасло сознание, что они нужны ей, что она их ждет. И знал тех, кто

погиб, оборвав эти связи. Так вот, я пью за вас, ребята, и за всех тех, кто вдалеке держит в себе эти нити...

Чадьяров поднял чашку и медленно выпил до дна, впервые за несколько лет.

Москва уже медленно погружалась в сумрак ночи. Еще за домами на горизонте догорала полоска заката, а на улице было уже темно.

Из окон второго этажа общежития доносились смех, крики, музыка. Стол был сдвинут в сторону, а посреди комнаты под аплодисменты ребят танцевал веселый и хмельной Чадьяров.

Ребята никогда такого не видели и уж конечно не могли себе представить, что солидный человек может выделять такие смешные па, да так ловко, словно настоящий танцор.

Валя хотела громче всех, прыгала вокруг Чадьярова, а когда он без сил рухнул на стул, подбежала к нему и поцеловала в щеку.

— Еще! — попросил Чадьяров.

И Валя поцеловала его снова.

Поздно ночью за Чадьяровым приехала машина.

— Это ваша? — спросила Валя, когда они вышли из общежития.

— Государственная, — ответил Чадьяров. — Но сегодня я на ней езжу.

Валя отвернулась и замолчала. «И зачем появилась эта машина! — с грустью подумала она. — Все было так просто, так хорошо. Теперь все кончилось. Машина, шофер...»

— Ну, спасибо вам, — легко сказала она.

— Это вам спасибо, Валя, — сказал Чадьяров. — Я буду вас помнить.

— Нет, — так же просто сказала Валя. — Вы забудете меня в такой машине.

Чадьяров рассмеялся и взял ее за руку:

— Нет, Валя, не забуду...

— Вы уезжаете?

— Да.

— Надолго?

— Да.

Она замолчала, словно решаясь на что-то, и вдруг проговорила:

— Я все равно хочу ждать вас.

Ткнулась носом Чадьярову в щеку и побежала по улице, скрылась в подъезде.

«Черт знает что! — злясь на себя, думал Чадьяров.— Совсем с ума сошел, Фан!»

Он ругался, мотал головой, но с лица его не сходила счастливая улыбка.

Машина катила по предрассветной Москве, медленно вставало солнце.

— Володя, — попросил шофера Чадьяров, — давай за город съездим.

Скоро они оказались в каком-то пригороде. Слева, сквозь редкие сосны, виднелся маленький спящий дачный поселок. Чадьяров вышел из машины. Солнце уже блестело на мокрой от росы траве. Было удивительно тихо — ни ветерка,— и только высоко в небе пел жаворонок.

Чадьяров несколько раз глубоко вдохнул влажного свежего воздуха, расстегнул рубашку. Весь прошедший день казался теперь удивительным, сказочным и очень давно виденным сном.

— Спасибо, Володя,— сказал Чадьяров.— Езжай. Я пешком пройдусь. Счастливо...

Впереди был пруд, две ивы склонились над водой, а под ивами стояла скамейка. Легкий прозрачный туман стелился над прудом, и сквозь него было видно, как медленно поднималось солнце...

Чадьяров подошел к воде и долго смотрел па ее неподвижную гладь. Странно, но он совершенно не чувствовал усталости. Голова была светлой, тело легким. Чадьяров присел у воды на корточки и медленно, с наслаждением умылся. И тут откуда-то издалека донеслась песня:

Белая армия, черный барон
Снова готовят нам царский трон...

Песня звучала все ближе, громче. И вот из тумана показалась колонна молодых солдат. Они поравнялись с Чадьяровым, и он увидел их загорелые лица. На штыках играло солнце, строй дружно выбивал из дороги улегшуюся за ночь пыль.

Но от тайги до Британских морей
Красная Армия всех сильней...

Колонна прошла мимо Чадьярова, а он все смотрел ей вслед, смотрел и думал: «Что-то этим ребятам придется еще пережить?..»

Песня утихла вдали. Медленно оседала на дорогу пыль. Чадьяров еще раз посмотрел вокруг, словно пытаясь навсегда запомнить все, что видел сейчас, и, засунув руки в карманы, зашагал к городу.

Александры Тимофеевны в номере еще не было. «Загуляла «женушка»!» — подумал Чадьяров. Он разделся и лег в постель.

За окном оживала утренняя Москва. Где-то совсем рядом прогромыхал трамвай. Ослепительное солнце играло в окнах соседних домов. Чадьяров вспомнил прошедший день и снова расплылся в счастливой улыбке. Он снял трубку стоявшего рядом на тумбочке телефона.

Валя ответила так быстро, как будто ждала звонка.

— С добрым утром,— сказал Чадьяров, сам удивившись охватившему его волнению.

— Здравствуйте...— тихо сказала Валя.

И они замолчали.

— Валя,— сказал наконец Чадьяров,— вы мне правду сказали?

— Да,— ответила Валя.— Правду...

— Если это так...— Чадьяров услышал шаги в коридоре — это возвращалась Демидова.— Если это так...— Но он не договорил, в трубке было очень тихо, а в дверь уже стучали...

23

15 июня 1927 года к перрону Харбинского вокзала подошел Транссибирский экспресс из Москвы. Первым из международного вагона вышел Веселый Фан, следом показалась Александра Тимофеевна.

Чем ближе они подъезжали к Харбину, тем мрачнее становилась Демидова — в отличие от Фана, который преображался на глазах: он, не умолкая, рассказывал смешные истории и сам до слез хохотал над ними...

И вот теперь они шли по перрону, Фан и Александра Тимофеевна, сзади два носильщика несли их вещи.

— Наконец-то! — радостно говорил Фан.— Кончилось! Не-ет! Я больше не путешествую, это не для меня! Теперьkvity: сказали ехать — я поехал, а задание не сообщили — я не виноват! — Он покосился на Александру Тимофеевну и примирительно добавил: — В общем, я так

думаю: мы одно дело делали, нам делить нечего, верно? Надеюсь, у вас ко мне претензий нет?

Она промолчала.

— У меня к вам тоже.

Чадьяров уже давно заметил машину Тагавы, видела ее и Демидова.

«Встречают», — подумал Чадьяров, продолжая болтать.

Он был почти уверен в том, что во всей истории с поездом засветиться ему было не на чем. А те, кому стала известна правда, теперь были безопасны. Но все же некоторое волнение перед встречей с «Фудзи-банком» он сейчас испытывал.

Тагава с помощником ждал у лестницы, ведущей с перрона. Увидев его, Фан сорвал шляпу и, расплывшись в улыбке, пошел быстрее.

— Господа!

— С приездом, господин Фан, — сухо поклонился Тагава. — Как путешествие?

— Вы еще спрашиваете?! — изумленно вытаращил глаза Фан. — Вы что, не знаете, что там было?.. Я как чувствовал — ехать не хотел. — Он приблизился к японцу, тихо сказал: — Там человека убили! Машиниста убили! — И, схватившись за голову, Фан застонал: — Крик! Милиция!

Японцы с непроницаемыми лицами ждали окончания рассказа Фана, но наблюдали они в основном за Демидовой, стоявшей поодаль. Чадьяров перехватил их взгляд, обернулся к Александре Тимофеевне:

— Слава богу, пронесло, а? Александра, иди сюда!

Демидова подошла, кивнула японцам, те ответили ей поклоном. Фан же, понизив голос, доверительно сообщил:

— А задания нам так никто и не передал, до самой Москвы... — Он хотел продолжить, но Тагава перебил его:

— Хорошо, господин Фан. Спасибо. Вы свободны. Потом подробно поделитесь впечатлениями о путешествии...

— Да какие впечатления! — с жаром начал Фан, но Тагава уже подал знак человеку у машины, и тот стал укладывать чемоданы Демидовой в багажник.

— Прошу вас, госпожа Демидова, пожалуйте в машину... А с вами, господин Фан, мы недолго прощаемся. Да, кстати, — держа Александру Тимофеевну под руку, спросил Тагава у Фана, — где костюмы, которые мы вам шили?

Фан ткнул один из чемоданов. Помощник Тагавы, вежливо улыбаясь, взял чемодан, понес к машине.

— Не отчайтесь,— успокоил Фана Тагава.— Сегодня же вечером вы их получите обратно.

С этими словами он повел Демидову к машине.

«Мандат хотите проверить,— подумал Чадьяров,— ну-ну, валяйте...»

Автомобиль свернул с привокзальной площади.

«Я ни в чем не виновата,— успокаивала себя Александра Тимофеевна.— Я сделала все, что могла.— Однако чувство страха не покидало ее.— Хоть бы сказали что-нибудь!» — раздраженно подумала она и покосилась на Тагаву. Тот сидел прямо, словно изваяние, глядел перед собой.

— Почему вы молчите? — спросила она.

— Я хочу послушать вас. Как провалилась операция?

— Шнайдер предал,— устало сказала Демидова и закурила.

Тагава быстро выхватил папиросу из ее рта, швырнулся в окно.

— Я ни в чем не виновата, — резко сказала Демидова, — не смейте со мной так обращаться!..

— Почему Сайто жив? — перебил ее Тагава.

— Шнайдер убил Исиду, сорвал операцию! — быстро говорила Александра Тимофеевна, стараясь успеть сказать все, прежде чем разрыдается.— Потом зачем-то убил машиниста. Больше я ничего не знаю. Знаю еще, что ваш Фан — полное ничтожество и трус. Всю дорогу валялся на диване и ныл, и вообще...— Из глаз ее брызнули слезы.— Оставьте меня в покое! Мне надо домой, отдохнуть...

— Пока вы поедете с нами,— твердо сказал Тагава.

В «Лотосе» за время отсутствия хозяина случились разные события.

Лукин после очередного разговора о России запил и чуть не умер. Спасла его Катя, забрала к себе, несмотря на скандал, устроенный Верой Михайловной. А на другой день Катя объявила, что они с Лукиным решили пожениться и вернуться в Россию, а там будь что будет... Вера Михайловна, услышав это, закрыла дочь в чулане и два дня не выпускала, но потом сменила гнев на милость,

да и все как-то попривыкли к этому, стали относиться как к вопросу давно решенному, хотя поначалу приняли Катино сообщение в полном изумлении. Все, кроме князя.

Сергей Александрович почему-то обрадовался, да так, что средь бела дня позволил себе выпить три стопки настойки, после чего пел на кухне псалмы и в сердцах запустил в нерадивого поваренка половником.

Чечеточник ушел, уступив свое место Паше Фокину, который после недолгих, но изнурительных и бесполезных поисков работы сдался и принял предложение князя попробовать свои силы на сцене кабаре. Он дал чечеточнику триста долларов, которых тому не хватало для открытия собственного танцкласса, и получил от Шпазмы место.

Шпазма в отсутствие Фана ни за что бы не решился взять на себя такую ответственность, если бы не два обстоятельства: во-первых, он получил за это от князя сто пятьдесят долларов под большим секретом, а во-вторых, он обещал Разумовскому со временем сделать из мягкотелого Паши Фокина человека, полезного для «Новой Российской партии».

Когда Веселый Фан остановил извозчика возле своего заведения, из дверей его слышалась музыка и резкий голос Веры Михайловны — шла утренняя репетиция. Все было по-старому, если не считать, что вместо чечеточника на сцене теперь старался бедный Паша Фокин. Лицо его было залито потом, рубашка прилипла к спине. Вера Михайловна кричала на него и шлепала свернутой газетой по лысеющему затылку.

Девочки-танцовщицы увидели Фана через окно, с визгом бросились со сцены навстречу хозяину.

— С приездом! Ура! — кричали они, толкаясь в дверях.

Наконец все вместе они вошли в зал кабаре. Шпазма пожал протянутую ему хозяином руку и почтительно отошел в сторону. Был он бледен и заметно волновался.

У входа на кухню толпились поварята во главе с князем. Фан поздоровался с Сергеем Александровичем, потом с остальными. Однако внимание его было приковано к человеку, одиноко сидящему на стуле в глубине сцены. Он сидел вполоборота к залу, медленно и устало вытирая полотенцем взмокшее лицо,

— Это кто? — спросил негромко Фан, кивнув в сторону Фокина.

Бледный Шпазма выступил вперед.

— Танцор уволился... — тихо сказал он. — Я взял этого человека попробовать... ждал вас. Не подойдет — выкинем.

— Пусть покажет. — Фан сел на стул, закинул нога на ногу и стал смотреть; лицо его, казалось, окаменело.

Шпазма побежал на сцену, стал что-то говорить бледному, трясущемуся Паше. Тот застегнулся на все пуговицы.

Вера Михайловна задала ритм хлопками, и Алексей ударил по клавишам. Паша что было сил застучал подошвами, потом медленно и довольно чисто сделал несколько па. И замер, испуганно уставившись на Фана.

— Ладно, берем, — нехотя сказал Фан и встал. — Пусть зайдет...

В кабинете, оставшись один, Чадьяров вдруг несколько раз с силой провел по лицу ладонями. Потом сел в кресло и стал ждать. Наконец в дверь постучали.

— Войдите, — сказал Фан.

В кабинет вошел бледный Паша Фокин. Смущенно улыбаясь, он остановился посреди комнаты. Фан встал, медленно дошел до двери, выглянул, потом повернул ключ в замке. Некоторое время они молча смотрели друг на друга, не двигаясь, словно не верили своим глазам.

— Ну что смотришь? — почти прошептал Паша.

Чадьяров молчал. Он попытался что-то сказать, но не смог — от волнения перехватило дыхание, а в горле стоял ком.

— Испанец, — медленно произнес Чадьяров. — Ты! Сколько лет...

**Scan Kreyder - 20.02.2016
STERLITAMAK**

65 K.

